

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Сергей Глазьев

Александр Щипков

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава 1. Последствия мирового кризиса и перспективы переходного периода

Глава 2. Кризис мейнстрима экономической науки

Глава 3. На пути к новой научной парадигме

Глава 4. Динамика технологических и мирохозяйственных укладов

Глава 5. История как смена экономических парадигм. Новый мирохозяйственный уклад

Глава 6. Эволюция денег и их функции

Глава 7. Эволюция языка и формирование социальных институтов

Глава 8. Европейская интерпретация истории и русское историческое самосознание

Глава 9. Преодоление последствий либеральной глобализации и переход к новому мирохозяйственному укладу

Глава 10. Феномен тоталитарности

Глава 11. Колониалистская матрица идеологии

Глава 12. Культур-системный подход к истории и русско-византийский культурно-исторический тип

Глава 13. Гражданское общество как проблема

Глава 14. Люмпен-миддл-класс

Глава 15. Чужая речь

Предисловие

Выражение «устойчивое развитие» еще встречается в официальных документах форумов и конференций, но уже звучит как анахронизм. Наше время — это конец эпохи стабильности не только в российском, но прежде всего в мировом масштабе. Слишком очевидно нарастание кризисных процессов, социальных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Необходимо откровенно признать: мы живем в условиях перманентной дестабилизации. Ее причины связаны с износом существующей социально-экономической и культурной модели развития. В недалеком будущем общество ожидает сдвиг, который в масс-медиа нередко именуется «временем больших перемен». В России люди среднего и старшего возраста имеют уникальный опыт существования в подобных исторических условиях, приобретенный ими в период демонтажа СССР. Сегодня похожие условия складываются в планетарном масштабе, только перемены гораздо сильнее растянуты во времени. Об этих переменах, о причинах и последствиях мировой перестройки нам хотелось поговорить в этой книге. Она описывает состояние современного общества в эпоху кризиса и смены парадигмы развития. В связи с этим сюжет книги отличается всеохватностью. Он движется от вопросов макроэкономики и экономической истории к проблемам культурно-языковой картины мира и социальных страт. В каком-то смысле эта сюжетная логика обратна дегуманизирующим тенденциям позднего модерна — она направлена от утилитаризма и экономикоцентризма обратно к человеку и его ценностям.

Глава 1.

Последствия мирового кризиса и перспективы переходного периода

Модернистская модель либерального капитализма достигла потолка своего развития. Начинается ее постепенный, пока еще явно не декларируемый демонтаж. Следование неолиберальному курсу в этих условиях продолжается вопреки объективной исторической тенденции и потому сопряжено с ужесточением социального контроля.

Весна истории неизбежна, но прологом к ней могут стать продолжительные заморозки. Эти заморозки сегодня дают о себе знать в виде информационного и идеологического давления либерального истеблишмента, категоричных тезисов о нерушимости и гуманности либерального миропорядка, несогласие с которым автоматически превращает человека в маргинала, перемещая его на «неправильную сторону истории» (выражение Барака Обамы). Признаком нарастания тоталитарности является возможность во имя свободы одного субъекта отрицать свободу другого — обычно это делается по «праву» лидерства или на основании мнимого цивилизационного превосходства и сопровождается назначением тех или иных национальных субъектов на роль «тоталитарных» изгоев, разжиганием «оранжевых революций», гражданских, межэтнических и межконфессиональных конфликтов (Сирия, Ливия, Украина).

Желание сохранить status quo любыми средствами ведет к обратному результату, к деинституционализации либерального режима. Так, например, борьба финансовых элит с президентом Дональдом Трампом подрывает сам институт американского президентства, после Косово международное право утрачивает эффективность, гуманизм разрушается постмодерном и идеей цифрового общества, принципы «свободной экономики» опрокидываются санкционной политикой, секулярность подрывается воинствующим секуляризмом, миддл-класс стремительно сокращается и все менее охотно

выполняет роль капиталистического гегемона и гаранта социальной стабильности.

Все эти процессы предопределены нисходящим вектором развития либерально-капиталистической мир-системы.

Нынешний мировой кризис свидетельствует о том, что обещанный в 1990-е годы «конец истории» так и не состоялся¹. После известных событий 11.09.01 в мире набрал силу процесс углубления старых и появления новых разделительных линий. Это разделение заменило классическую дихотомию «Восток-Запад» новой, еще более глубокой дихотомией «глобальный Север — глобальный Юг», которая соответствует геоэкономической концепции «центра» и «периферии» в изложении школы мир-системного анализа. По всем признакам мировые элиты готовы к окончательному и ускоренному перераспределению остатков мировых ресурсов. Но для решения этой задачи Северу уже не хватает символической власти. Для удержания господства он навязывает Югу идеологию универсальной современности, но Юг уже не верит в нее. В этой идеологии быстро накапливаются противоречия, она все чаще утверждает себя в негативных практиках и определениях - например, в перманентной войне с «популизмом» левым и правым, с фундаментализмом (порицается только религиозный фундаментализм, но не секулярный), с пережитками «тоталитарного» мышления. В число экстремистов часто попадают просто люди с неудобными для либеральной системы взглядами: Слободан Милошевич, Муаммар Каддафи, Уго Чавес, Башар Асад. Другой вид дискурса с негативной модальностью - отрицание культурно-исторической уникальности обществ и народов ради «общечеловеческих ценностей», воинствующий антитрадиционализм. Например, отрицается факт проживания на Украине нескольких миллионов русских, обладающих ментальностью, резко отличающейся от украинской.

¹ Фукуяма, Фрэнсис. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ, 2007

Когда в 2016-м году в Турции потерпела поражение попытка либерального военного переворота, эта тема за несколько дней была полностью приглушена и устранена из медийной повестки, осталась за рамками серьезного обсуждения гибель 200 человек, расстрелянных с вертолетов мятежниками. Зато тема моральных и физических страданий противников режима по-прежнему подвергается усиленной информационной накачке.

Долгое время казалось, что тема европейских ценностей исчерпала себя, что она закрыта еще в 1990-е годы. И хотя «конец истории» не состоялся, в вопросе о том, куда теперь история направит течение свое, не было особых расхождений: права, свободы, технологии, финансовые потоки, информация, мультикультурность... ничего не забыто? Тем более интересно наблюдать сегодняшнее брожение умов евроинтеллектуалов и смену тона их высказываний с триумфально-назидательного на алармистский.

В 2019-м году французская «Libération» опубликовала манифест евролиберальных «властителей дум» под названием «Не погибнуть под волнами популизма». Документ написан в паническом тоне: его авторы не могут скрыть опасений за свое будущее. «Европейский дом в огне», «от Европы отрекаются», «Европа в опасности»... Они опасались того, что «выборы в Европейский парламент в мае 2019-го года будут катастрофическими. Это победа разрушителей». Но за чисто предвыборными опасениями угадывался какой-то другой, более глубокий и иррациональный страх. Ум, честь и совесть Старого Света пребывает в растерянности. Ее спикеры поспешили объявить о пришествии каких-то новых варваров, явившихся изнутри, буквально из недр того самого «свободного общества», за судьбу которого сегодня так опасаются. В сущности, если верить подобным опасениям, это внутренний варвар Запада, продукт какого-то системного сбоя в программе неолиберальной матрицы. Виновными в дестабилизации и забвении «сакральных ценностей мира сего» объявлены национализм и популизм. Но если относительно первого все более или менее понятно, то

словечко «популизм» работает универсальным стикером: это не что-то конкретное, а все, что не нравится конструкторам дискурса «прогрессивной современности».

С другого идеологического полюса Европы либеральным ортодоксам отвечают адепты консервативной демократии - например, с трибуны XXV конференции Международного фонда единства православных народов (МОФЕПН) в Будапеште. Или, еще более программно, в заявлении евроинтеллектуалов консервативного толка, опубликованном 7 октября 2017 года, которое называлось «Европа, в которую мы можем верить». Хотя этот документ появился за полтора года до вышеупомянутого «Не погибнуть под волнами...», именно он выглядит как ответ на первый, а не наоборот. В консервативном манифесте говорилось о «поддельной Европе». Ее либерализм, писали авторы, склонен к тоталитарности, к вере в неизбежный прогресс и в то, что история на нашей стороне.

Что означает этот разноязыкий «диалог»? По всей видимости, он свидетельствует о том, что в западном мире понемногу начинается ревизия евроидеологии. Разные европейцы живут в двух разных Европах и на разных исторических орбитах. Эту ситуацию можно назвать Евроэкзитом (Euroexit): одна Европа решила покинуть другую. В основе таких процессов лежит раскол элит. Многих европейцев беспокоит ощущение тупика евроинтеграции и глобализации, они вступили на путь сомнений и подозрений, как уже было в 1960-е годы, в рамках другого комплекса идей. Теперь сомнения не имеют однозначно левой идеологической окраски, но ощущение износа и грядущего слома системы присутствует.

Возникает вопрос о том, какая стратегия этих условиях оптимальна для нас, русских. Стоит ли приветствовать евроконсервативный поворот и пытаться искать свое место в гипотетическом «консервативном ЕС»? Есть серьезные сомнения в целесообразности такого пути. Причин для столь осторожной позиции несколько. Во-первых, несмотря на кризис европроекта, у новых консерваторов нет своего образа будущего и альтернативной

идеологии, нет и необходимого запаса пассионарности для осуществления необратимых перемен. С идеями, состоящими из общих мест вроде «с водой выплеснули ребенка, давайте вернем его назад» не приходят к власти и не спасают режимы (на этом в свое время споткнулось русское белое движение).

Консервативная идеология будущего неизбежно окажется авангардной. В известном смысле это будет авангардный традиционализм. Контур такой идеологии уже формируются, но этот процесс замедлен. Общество по-прежнему живет в состоянии идеологического вакуума, в ситуации, когда старая идеология не работает, а новая еще не появилась.

Спустя некоторое время окно возможностей для смены господствующей идеологии Запада закроется, исторический момент будет упущен, возможность сформировать такую идеологию для остального мира появится у Востока. Такой сценарий многим европейцам и американцам не кажется оптимистическим, что, тем не менее, не влияет на их пассивную позицию. Это при том, что вопрос об идеологии будущего является главным или одним из главных вопросов.

Осознанный и рациональный отказ от либерально-модернистских догм неизбежен при грядущем крахе нынешней мировой финансовой системы. Но чтобы играть активную роль в конструировании будущего, евроконсерваторы должны будут предать анафеме либеральную идеологию точно так же, как когда-то предали анафеме коммунизм. Или наоборот: как коммунизм предал анафеме мир капитализма. В данном случае различие не принципиально: важен не идеологический вектор отрицания, но антисистемный потенциал явления.

Между тем, способность европейских неоконсерваторов перестать плестись в хвосте событий и начать со своей стороны «делать историю», пока довольно сомнительна. Европа в вопросах политики и идеологии зависит от атлантистских элит, при этом, а правильнее будет сказать — и по этой причине, она все еще больна русофобией. Русский для европейского сознания - либо «варвар», либо «красный», просто потому что он русский. По-другому

в нынешних условиях не будет, даже если бы мы вдруг в очередном припадке вестернизации заменили свой Верховный Суд их Гаагским трибуналом. Данное положение неизменно, по этому поводу не следует строить иллюзий, подобные иллюзии и так слишком дорого нам обошлись и в 1990-е, и в 2000-е и в 2010-е.

Нам в первое время (позже ситуация изменится) придется рассчитывать на собственные силы и ситуативных попутчиков. Причем решать придется две проблемы: собственно проблему Запада и проблему Европы. Запад как монолитный исторический феномен начал процесс постепенной фрагментации и распада. Наш исторический долг состоит в том, чтобы помочь или хотя бы не мешать этому процессу. Проблема Европы решается иначе. Мы верим в традиционную, христианскую Европу, в христианский мир. При этом у нас есть собственный исторический проект христианской Европы, в котором Русь-Византия является центром, а не окраиной, не периферией, не колонией. Входить в какой-либо чужой проект на правах исполнителей и подрядчиков нет ни нравственного, ни практического смысла. Вполне очевидно, что Западная Европа со своей задачей построения христианского мира не справилась, поэтому выступить в роли подлинной (христианской) Европы есть шанс у нас - «мяч» на нашей «стороне поля». Мы можем присутствовать на конференциях вроде будапештской, демонстрировать свой флаг, высказывать авторитетное мнение, но нет смысла связывать себя серьезными обязательствами с участниками исторического проекта, потерпевшего фиаско. России необходимо выполнить собственную историческую миссию, что, разумеется, не отменяет координации усилий. В то же время вопросы ценностного и стратегического характера обсуждению уже давно не подлежат.

Вопрос о механизмах мирового кризиса в конечном счете восходит к проблеме разрывов традиции. Эта проблема фундаментальна для западной культуры. Френсис Фукуяма в известной работе «Великий разрыв» писал: «Культура радикального индивидуализма способствует прогрессу и

инновациям, но, в сущности, привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации. Технологические изменения, которые на рынке способствуют тому, что экономист Йозеф Шумпетер назвал «творческим разрушением», повлекли за собой подобный же разрыв в мире социальных отношений. В этом есть и своя положительная сторона: социальный порядок, однажды подорванный, стремится переустроиться заново, и имеется немало признаков того, что сегодня именно так и происходит»².

«Творческий» характер разрушения далеко не очевиден. Сегодняшняя архаизация культуры модерна свидетельствуют о новом разрыве, который связан уже не с отношением к традиции, но возникает внутри культурной парадигмы, в «теле» модерна - как пропасть между классическим модерном и постмодерном («вторым модерном»).

Этот разрыв закономерен. Вслед за постепенным разрывом с христианской традицией был неизбежен и отказ от классического рационализма, отторгнутого во время оно от общехристианского дискурса. Сегодня этот отказ означает утрату обществом (за исключением узкой прослойки профессионалов от науки) приоритетов в научно-критического мышления, замена их квазинаучными принципами «цифрового» иррационализма. Под покровом эрзац-научности в так называемой цифровой форме воссоздается жреческий практикум неоязычества, порождающий в обществе рецидив магического сознания, «повторную суеверность», вытесняющую библейско-теологические, материалистические и научно-агностические принципы мышления.

В связи с процессом утраты рациональности, идущего вслед за вытеснением высоких форм религиозности, заново проблематизируются эпистемологические предпосылки модернистского проекта, основанные на дихотомиях «современность – традиция», «религиозность – секулярность» и т. п. Вызывает все большие сомнения самоопределение секулярной

2 Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., АСТ, 2003

модернистской культуры как культуры «нерелигиозной», не способной породить устойчивую семантику сакрального и трансцендентного. Например, стилистика статьи Френсиса Фукуямы, такие выражения как «великий разрыв», «творческое разрушение» — все это явно отсылает к космогоническим мифам. Таким образом, культура модерна оказалась неспособна выполнить собственную программу тотальной рационализации и сциентизации жизни.

В философской критике XX века «состояние постмодерна»³ воспринималось как определяющее для культуры и повседневности. К сегодняшнему дню это определение успело устареть. В наше время постмодерн - не философско-эстетический проект и не естественный результат культурной эволюции, но навязанная обществу социально-политическая программа, система норм и идеалов. Обществу предлагается отказ от традиционной семьи, от национального государства, всей культурно-исторической специфики, признать эти понятия архаичными, а историческую память — воплощением ретроградства и архаики.

Культура постмодерна отрицает как христианскую личность с ее нравственной свободой выбора, так и классическую либеральную частную личность с ее свободой от традиционной нравственности. Постмодерн навязывает запрет на прямое высказывание и на диалог с собственной совестью⁴. Вместо прежних концепций личности предлагается концепция трансгуманистическая — основанная на идее преодоления человеком собственной природы. В рамках трансгуманизма понятие человеческого «я» теряет онтологичность и превращается в проект. Индивидуальность в этой перспективе заменяется не новой коллективностью, но постиндивидуальностью. При этом множественность переставая быть свойством группы (общины, нации, народа), становится свойством отдельно

³ Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. М., Алетейя, 1998

⁴ Это говорит о радикализации преобладающего сегодня дисциплинарного типа власти, описанного еще в прошлом веке Мишелем Фуко — см. Фуко Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad Marginem, 1999

взятой психики, что нередко вызывает ассоциации с диссоциативным расстройством личности.

Ряд базовых идей модерна де факто уже отменен реальным историческим развитием. Претензии либерально-модернистской модели общества на универсальность обернулись утопией. Сегодня вопрос стоит не об аварийном «апгрейде» системы, а о способах выхода из нее с наименьшими потерями. Цена этого выбора для всего мира чрезвычайно высока, поскольку неолиберальный вектор развития в перспективе неизбежно приведет к глобальному конфликту. В этом случае саморазрушение прежней социальной модели повлечет за собой много человеческих жертв, тогда как прагматичная линия даст возможность изменить модель консервативными административными методами.

В данный момент еще нет достоверного ответа на вопрос, готов ли мировой правящий класс к планетарной «перестройке» и новому мышлению, к переформатированию моноцентричного миропорядка в полицентричный мир больших регионов. Очевидно лишь, что этот переход — дело времени, а не принципа, и выбор стоит между его мягким и жестким сценариями.

Связанная с этим переходом трансформация миросистемного порядка (включая мирохозяйственный уклад) обещает быть радикальной. Но слом господствующей социально-экономической модели либерального капитализма — минимально возможная и приемлемая цена для Запада за то, чтобы благополучно выйти из ситуации цивилизационного кризиса. Об этом детально и подробно пишет американский социальный философ И. Валлерстайн в своей книге «Конец знакомого мира»⁵. По его оценке, сложившийся 500 лет назад в Западной Европе так называемый «рыночный капитализм», представляет собой общественную «болезнь», которая

5 Цит. По: Субетто А.И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россиеведения). СПб: Изд-во «Астерион», 2018. Там же. С. 301.

«уничтожит организм общества»⁶, если человечество не сумеет её преодолеть.

Как считает А. И. Суббетто, идеология XXI века – это идеология миропорядка, который «отрицает так называемое мироустройство по лекалам мировой финансовой капиталократии – мироустройство экологически губительное»⁷. «Капиталистическая общественно-экономическая формация, которая формируется сейчас в России, не соответствует требованиям развития современного мира. Поэтому необходимо как можно скорее отказаться от неё и приступить к созданию в нашей стране новой высокотехнологической, духовно-нравственной, социально и экономически ориентированной формации»⁸

Как справедливо говорит А. И. Суббетто, «именно в силу присущих русскому народу таких ценностных устремлений и принципов жизни, как всечеловечность (Ф.М. Достоевский), примат духовного начала над материальным, принцип жизни «За други своя!», принцип Правды бытия (Александр Невский: «Не в силе Бог, а в Правде»), он стал собирателем всех народов и племен на обширной территории в единую семью – в великий союз (в великую кооперацию) народов и национальностей <...> – в самую большую по масштабу охваченного пространства «Востоко-Запада» цивилизацию на Земле»⁹.

Предлагаемая президентом России концепция Большого евразийского партнерства может стать исходным пунктом для формирования широкой коалиции государств Евразии за мирное становление нового мирохозяйственного уклада.

В среднесрочной перспективе можно прогнозировать демонтаж «глобального» проекта, распад глобального пространства на несколько

⁶ Там же.

⁷ Суббетто А.И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россияеведения). СПб: Изд-во «Астерион», 2018. С. 245; Гагут Л.Д. Ноосферное развитие экономики и общества. М.: Алгоритм, 2018. С. 228

⁸ Суббетто А.И. Указ. соч. С. 255

⁹ Суббетто А.И. Указ. соч. С. 271.

валютных и технологических зон с отличающимися правилами взаимодействия субъектов. На расположение границ этих зон, вне всякого сомнения, окажут решающее влияние культурно-исторические особенности народов, наций и цивилизаций со свойственными им спецификой потребления и производства, социальных институтов и ценностными ориентирами. В связи с этим стоит вопрос о том, удастся ли России стать центром новой экономической зоны, включив туда исторические территории Русского мира или придется примкнуть на правах младшего партнера к лидерам других экономических зон. Первый сценарий стремятся заблокировать геополитические конкуренты России, стремящиеся оторвать от нее пространства юго-восточной и центральной Украины и большей части Белоруссии.

Несмотря на глубокое разрушение научно-производственного потенциала, российская культурная матрица содержит благоприятные предпосылки для совершения технологического скачка на новую длинную волну экономического роста. Свойственные ей ценности хорошо сочетаются с управленческой парадигмой XXI века. Об этом свидетельствует научное и духовное наследие русской философской мысли. В противовес западному рационализму в конце XIX – начале XX вв. в трудах российских ученых (В. Вернадского, Н. Федорова, Л. Чижевского и др.), была заложена идея о развитии мира, которую сегодня эксперты расценивают как ключ к разработке стратегии будущего социально-экономического развития человечества. Согласно выводам А. С. Панарина, «человечеству необходима, наряду с системой инструментального знания, корректирующая и направляющая система нормообразующего знания, назначение которой – удерживать от деструктивных видов активности или предотвращать превращение продуктивного активизма в разрушительный»¹⁰. Этот вывод подтверждается

¹⁰ Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, 2007. С. 56.

другими исследователями: «Будущая цивилизация мира – гуманитарно-техническая с вектором развития в сторону духовности и гуманизма. На наших глазах в муках рождается новая парадигма общественного развития, где цель человеческого существования – творческое развитие каждой личности, полная самореализация ее сущностных сил. Именно на этом пути лежат новые источники общественного прогресса, развития как мирового сообщества в целом, так и каждого государства, избравшего для своего развития не концепцию потребления, а концепцию духовности, знаний...»¹¹.

К сожалению, реформирование российской экономики и общества в 1990-е происходило вразрез с российской культурной и духовной традицией на принципах рыночного фундаментализма, провоцировавших антиобщественные формы предпринимательского поведения. Традиционная русская хозяйственная культура, образцы дореволюционного предпринимательства оказались не только невостребованными, но и дискредитированными неolibеральными «реформаторами». Добросовестный труд, квалификация, производственный опыт утратили свою ценность. Подавляющее большинство российских граждан отказались от билета в «рыночный рай», продав за бесценок приватизационные ваучеры и не соблазнившись на посулы «народного» капитализма. Они это сделали не по недомыслию, а по неприятию предложенных либеральными реформаторами способов обогащения за счет присвоения государственного имущества.

Согласно классической классификации Платона, возникший в России стиль управления следует определить как тимократию (правление худших и корыстных). Перейти от этого строя к демократии, понимаемой в русской политологической традиции как «народоначалие», теперь сложнее, чем раньше, так как для этого предстоит преодолеть сопротивление криминализованной элиты.

¹¹ Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О. Управленческая парадигма XXI века. Т. 1. М.: МГИУ, 2002. С. 117, 120.

Для построения эффективной системы управления экономикой, соответствующей духовной традиции и нравственным ценностям, принятым в российской культуре, должны быть пересмотрены базовые принципы государственной социально-экономической политики. В том числе в экономической политике необходимо отказаться от рыночного фундаментализма, в кадровой политике – от круговой поруки и кумовства, а в практике управления – от культа вседозволенности и самообогащения. Должны быть восстановлены ключевые для русской культуры нормы социальной справедливости в распределении национального дохода и богатства. Если исходить из тенденции возрождения православной самоидентификации все большей части населения России, для моделирования соответствующего ей экономического поведения следует обратиться к анализу влияния православного мировоззрения на мотивы и ограничения этого поведения.

Глава 2.

Кризис мейнстрима экономической науки

Последний кризис, в воронку которого мировая экономика начала втягиваться в 2008-2009 гг, отличается от регулярно наблюдаемых экономических кризисов. Этот системный кризис затрагивает не только финансово-экономическую сферу, но и сферу социальных институтов, идеологию и культуру, а частично и научные дисциплины — прежде всего, связанные с экономикой и социологией. Столь глобальные изменения объясняются тем, что нынешний кризис вызван изменениями технологического и мирохозяйственного укладов, которые неизбежно ведут к перестройке не только мировой экономики, но также и социальных институтов и систем власти.

Тем не менее, когда говорят о мировом кризисе, в первую очередь обращают внимание на проблемы экономического «мотора глобализации». Применительно к обществу монетаристского типа этот взгляд абсолютно справедлив. Либерально-капиталистическая модель объективно стремилась привести к общему экономическому знаменателю все сферы жизни, включая человеческую личность, мировоззрение, свободу совести. Эта тенденция отражается в таких понятиях и терминах как «товарный фетишизм», «общество потребления», «рыночное общество», «тотальная монетизация», «экономикоцентризм».

Еще Карл Маркс и его последователи были уверены в том, что экономический базис общества, понимаемый как отношение к собственности и процессу производства, определяет политику и идеологию. Эта особенность капитализма эпохи модерна была экстраполирована задним числом на общества любого типа и по мере расширения процесса глобализации данная гипотеза как будто оправдывалась. Марксистская политэкономия ставила целью выход общества за рамки экономического

принуждения («гнета капитала») и, как следствие, за рамки экономикоцентризма. Правда, революционная по содержанию концепция была изложена в категориях и на языке либерально-капиталистической науки. Протестантский утилитаризм и секуляризм левой мысли XIX-XX вв. сделал невозможным создание эпистемологии общества будущего, которая могла бы быть выстроена лишь на основе библейско-авраамических ценностей, а не позитивистских и сциентистских принципов.

Проблемы сегодняшнего общества по-прежнему упираются в экономику, хотя ситуация усложняется под влиянием информационно-цифрового фактора. Уже очевидна невозможность бесконечно поддерживать сохранение активов финансовой олигархии с помощью неограниченной кредитной эмиссии. Периодически происходящие надувания и схлопывания финансовых пузырей сохраняют ее доминирование за счет ликвидации сбережений миддл-класса - именно поэтому при развитии кризиса 2008-го года миллионы американцев потеряли свои пенсионные сбережения и дома. Данная ситуация характеризуется независимыми экономистами как кризис эффективности капитала, означающий, что существующая финансовая система в своем прежнем виде не в состоянии поддерживать мировой экономический рост, что можно охарактеризовать и как остановку экономического «мотора» глобализации.

Задачи и возможности экономики понимаются по-разному в зависимости от позиции наблюдателя, который может выступать в качестве потребителя, собственника, наемного работника и других ролях, определяющих его отношение к производству. Это отношение у разных участников хозяйственной деятельности может оказаться и часто бывает диаметрально противоположным. Например, собственник производства заинтересован в максимизации прибыли, а наемный работник – в увеличении зарплаты, в то время как для потребителя имеет значение лишь цена и качество производимой ими продукции. Суждения «независимого» эксперта, как правило, зависят от того, на чьей стороне он находится.

Несмотря на наукообразие, экономическая мысль находится под сильным влиянием интересов социальных групп, занимающих доминирующее положение в распределении образующихся в результате хозяйственной деятельности доходов и богатства. Они заинтересованы в оправдании своего исключительного властно-хозяйственного положения, оказывая давление на экономическую науку в целях соответствующей интерпретации причинно-следственных связей в наблюдаемых процессах распределения материальных благ.

По причине борьбы интересов социальных групп наука об экономике является одной из наиболее идеологизированных дисциплин. Миф о ее «объективности» и «точности» не более чем дань этой самой идеологичности: ведь господствующая идеология, отражающая интересы властвующей элиты, должна выглядеть в современном секуляризованном обществе наукообразно, с претензией на неведомое для непосвященных «тайное знание». Таким образом происходит манипуляция общественным сознанием. Обывателю, впрочем как и многим политическим руководителям навязываемая им идеология воспринимается на веру. Она не позволяет захваченному ею субъекту занять по отношению к себе интеллектуальную дистанцию.

По этой причине в экономике, как в большинстве гуманитарных наук и в отличие от наук естественных, методология исследований не включает в себя надежные процедуры верификации - экспериментальной проверки теоретических утверждений - и не в состоянии полноценно использовать практику как критерий истины¹².

Попытки практического применения рекомендаций экономической науки часто заканчиваются конфузом. Это хорошо видно на примере нашей страны по результатам исполнения рекомендаций неоклассической

12 Политическое измерение мировых финансовых кризисов / Под ред. В. Якунина, С. Сулакшина, И. Орлова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Век глобализации. 2013. Выпуск №2(12).

парадигмы в области макроэкономики. Практически ни одна из целей, которая ставилась на уровне государства в области экономической политики, начиная с 1980-х гг. прошлого века, не была реализована.

Так, например, в России формальное разгосударствление и передача контроля над собственностью в частные руки не привели к достижению целей, которые были определены в Государственной программе приватизации – формированию «эффективного собственника» и созданию социально ориентированной рыночной экономики. Наоборот, способ проведения приватизации создал благоприятные возможности для коррупции и ренто-ориентированного поведения, заблокировав формирование нормальных для рыночной экономики производственных отношений. В общественном сознании приватизация четко получила эпитет «криминальная». Это повлекло долгосрочные негативные последствия в стереотипах предпринимательского поведения. Вопреки ожиданиям реформаторов, спустя несколько лет после начала приватизационной кампании можно было констатировать разорение подавляющего большинства (87%) приватизированных предприятий.

Приватизационная кампания во многом предопределила формирование стереотипов предпринимательского поведения на многие годы. Создав возможности для легкого обогащения путем присвоения государственного имущества и последующих спекуляций с акциями приватизированных предприятий, реализованная правительством технология массовой приватизации сориентировала наиболее активных и энергичных предпринимателей не на создание новых благ и удовлетворение общественных потребностей, а на раздел незаработанного богатства и присвоение ранее созданных обществом источников дохода. В итоге вместо экономического роста в результате приватизации государственных предприятий был получен колоссальный спад и взрыв криминальной активности, спровоцированный легализацией разграбления государственной собственности.

Почти весь постсоветский период макроэкономическая политика в Российской Федерации проводилась, исходя из догматики Вашингтонского консенсуса. Суть этой доктрины, сводится к демонтажу системы государственного регулирования экономики с целью ее полного раскрытия для свободного движения иностранного капитала и подчинения его интересам. В результате структурные реформы, обосновывавшиеся данной теорией, обернулись для общества гигантским ущербом.

Передача лесов в частную эксплуатацию Лесным кодексом – массовыми лесными пожарами вследствие нарушения арендаторами норм лесопользования. Приватизация сельскохозяйственных земель Земельным кодексом – обезземеливанием крестьян, запустением земель и реинкарнацией латифундистов. Реформа технического регулирования путем приватизации функций сертификации продукции – резким падением качества товаров и ростом контрафакта. Монетизация социальных льгот повлекла не сокращение, а рост расходов госбюджета и массовое недовольство обиженных слоев населения. Либерализация валютного регулирования вместо притока прямых иностранных инвестиций повлекла колоссальный вывоз капитала, офшоризацию экономики и манипулирование финансовым рынком со стороны иностранных и связанных с ними отечественных спекулянтов.

Радикальные реформы 1990-х гг. обернулись для России демографической катастрофой. Потери населения по отношению к долгосрочному тренду составили более 12 млн. человек. Всего в итоге перечисленных кризисов за последние сто лет Россия потеряла половину демографического потенциала. До сих пор российское общество не вернулось в состояние устойчивого расширенного воспроизводства. Продолжает действовать главный фактор потрясения психики людей – переход от общества социальной справедливости и равных возможностей с высокими социальными гарантиями к обществу высокой социальной дифференциации и массовой бедности.

Произошедшие в постсоветский период скачок социального неравенства, демонтаж социальных гарантий и деградация экономики отбросили страну далеко назад. По показателю эксплуатации труда (выход продукции на единицу зарплаты) Россия втрое опередила уровень развитых стран, также как по показателям социальной дифференциации. Согласно ГКС, к показателям социальной дифференциации относятся распределение общего объема денежных доходов населения и распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов. Так в первой половине 2018 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 29,6% общего объема денежных доходов (показатель вырос с аналогичного периода 2017 г. на 0,1%), а на долю 10% наименее обеспеченного населения – 2,1%¹. Для межстранового сравнения обычно используется коэффициент Джини в % как показатель степени социально-экономического расслоения населения. Так, на начало 2016 г. в России он составил 41,2%, в Беларуси – 27,6%, в Украине – 24,3%, в Китае – 42,1%, в Индии – 33,9%, в ЮАР – 63,4%, в Бразилии – 52,9%, в США – 41,1%². По данным Росстата, децильный коэффициент (отношение доходов 10% наиболее богатых к 10% наиболее бедных) в 2017–2018 гг. составил примерно 15-17 (по некоторым оценкам, свыше 20), в то время как «нормальный» показатель для большинства развитых стран ЕС и Азии составляет 6-8 раз. Достигнутый в России уровень социального неравенства (по децильному коэффициенту более 15) в полтора раза превышает порог социальной устойчивости, оцениваемый социологами для бывших советских республик примерно в 8-10 раз.

Эти данные свидетельствуют о несомненном регрессе российской социально-экономической системы, сорвавшейся из «ядра» имперского мирохозяйственного уклада в архаику предшествовавшего ему колониального. При этом оказавшись в периферийном положении как по отношению к оставшемуся его «ядру», так и к «ядру» возникающего интегрального мирохозяйственного уклада, российская экономика утратила

целостность и распалась на автономно работающие на внешний рынок анклавов.

Не было никакой неизбежности в столь катастрофичном развитии событий. В нем проявились некомпетентность и расслабленность властвующей элиты. Но эта ситуация, к сожалению, имеет долгосрочный характер. Так, например, политика Банка России разительно отличается от практики передовых стран, эмитирующих деньги под рост долговых обязательств государства и предприятий с целью поддержки роста экономики, занятости и инвестиций. Используемая Банком России технология денежной эмиссии вообще игнорирует эти цели, ограничиваясь краткосрочной балансировкой ликвидности для банковского сектора и обслуживанием потребностей иностранных кредиторов и инвесторов в российском рынке.

После финансового кризиса Банк России отказался от планирования денежной массы и перешел к политике рефинансирования коммерческих банков, используя в качестве регулирующего параметра ставку процента. Идя на поводу у МВФ, он пошел на увеличение ставки рефинансирования, которая вскоре превысила рентабельность большинства отраслей реального сектора. Переименовав ставку рефинансирования в ключевую ставку, ЦБ поднял ее до уровня, исключающего кредитование производственных инвестиций. Теряя платежеспособных заемщиков, коммерческие банки стали возвращать ранее взятые у ЦБ кредиты. К концу 2017 года Банк России изъясил из экономики почти все ранее предоставленные кредиты и перешел к чистому выкачиванию из нее денег посредством открытия депозитов и выпуска облигаций.

Из-за того, что эмиссия денег в России была сужена приобретением валюты, и ЦБ игнорировал потребности внутреннего рынка в деньгах, монетизация российской экономики остается на крайне низком уровне по сравнению как с развитыми, так и с успешно развивающимися странами. Насыщенность деньгами экономики стран ОЭСР втрое выше, чем в РФ. По

сравнению с экономиками других стран БРИКС монетизация российской экономики находится на самом низком уровне.

Показательно, что лидирующий длительное время по темпам экономического роста Китай занимает первое место по монетизации экономики. Предыдущий пример мирового масштаба экономического «чуда» – послевоенный подъем японской экономики также сопровождался ее опережающей монетизацией, по уровню которой сегодня Япония лидирует среди стран ядра имперского мирохозяйственного уклада и уступает в мире только Китаю. Китайский пример доказал, что эмиссия денег может идти сколь угодно быстро, не вызывая инфляции, если жестко контролировать целевое использование денег. В общем случае можно считать уровень монетизации одним из показателей развития экономики и качества системы государственного управления этим процессом.

Возможности экономического роста и развития, как правило, противоречат аксиомам и выводам официальных экономических концепций. Либеральная экономическая наука потерпела фиаско в предсказании всех экономических кризисов. Нынешний глобальный финансовый кризис, стагнация мировой и российской экономики, дефолт 1998 г. российской финансовой системы, как и большинство других критических для нашей и мировой экономики событий, включая резкие колебания нефтяных цен, не были предсказаны. Также как для советской партноменклатуры, крах СССР был громом среди ясного неба, так и руководители российской правительства неожиданно для себя привели российское государство к банкротству в 1998 г. и к перманентному кризису последнего 10-летия.

Идеологическая функция экономической науки заключается в том, что широкой публике нужно объяснить, что общество устроено разумно и система управления работает оптимальным образом. Для того чтобы объяснить, что все устроено правильно, нужно ответить на самый злободневный для большинства населения вопрос – почему одни живут богато, а другие бедно. Людей волнуют проблемы концентрации

собственности, закономерности обмена материальных благ. Поэтому экономическая теория изначально закичивалась на вопросах обмена и до сих пор вращается вокруг этой темы – объяснение природы богатства и распределения национального дохода. Она объясняет причины материального экономического успеха «объективными законами рынка» и доказывает справедливость существующего порядка вещей, который вознаграждает тех, кто работает лучше, и наказывает тех, кто работает плохо.

Эта идеологическая предустановка привела экономическую мысль в ловушку доктрины рыночного равновесия, которая утверждает, что любая попытка государственного вмешательства в действие рыночной конкуренции влечет за собой отклонение экономики от состояния равновесия и, следовательно, снижение ее эффективности. Импортированный из классической механики математический аппарат призван убедить читателя в фундаментальном значении получаемых интерпретаций распределения общественного продукта в соответствии с предельной производительностью труда и капитала, которые выдаются за научное доказательство справедливости и совершенства экономики свободного рынка.

Но все эти формализованные рассуждения имеют к экономической реальности такое же отношение, как второе начало термодинамики к объяснению эволюции живой природы - с той оговоркой, что состояние равновесия, которое физики связывают с максимумом энтропии неживых систем, экономисты интерпретируют как максимум эффективности использования ограниченных ресурсов. Они доказывают на математических моделях, что в условиях совершенной свободной рыночной конкуренции механизм рыночной самоорганизации сам по себе обеспечивает максимально эффективное распределение ресурсов. В основе такой интерпретации лежит формальное доказательство того, что любое отклонение от точки равновесия сопровождается снижением совокупного результата экономической деятельности. Поклонников теории рыночного равновесия почему-то не

смущает, что, согласно этим формальным построениям, в совокупности он равен нулю.

Любопытно, что идеологически противоположные по смыслу современной неоклассической парадигме математические модели, которые разрабатывались советскими экономистами, использовали тот же самый инструментарий, что и популярный ныне «экономикс». Теории оптимальных решений, игр, исследования операций, производственные функции, эконометрические модели оказались одинаково пригодными для описания как «рыночной», так и «плановой» экономики¹³. Каждая из теорий — как советская, так и либеральная - претендовала на всеобщность и истинность в последней инстанции, замыкаясь в своей системе догм, дававших им возможность не обращать внимание на критику оппонентов. По сути обе они, выполняя функции оправдания соответствующей политэкономической системы, приобрели характер наукообразных религий, исповедующих свои символы веры. Только в марксистской политэкономии абсолютными знаниями обладало государство, а в современном «экономикс» абсолютными знаниями обладают участники рынка. И то, и другое является абстракцией, не имеющей никакого отношения к реальности.

Подчинение экономической мысли интересам властвующей элиты обрекает ее на наукообразную мифологичность. Выполняя социальный заказ, популярные экономические доктрины не требуют доказательства своей истинности. Достаточно поддержки со стороны государственной власти и властвующей элиты. А то, что практическое применение вытекающих из экономической теории знаний не дает нужных результатов, не беспокоит заказчиков многочисленных официальных форумов, призванных доказать правильность проводимой государством политики. Так, постигший банковско-финансовую систему США кризис, унесший сбережения и дома

¹³ См.: Бродский Б.Е. Лекции по макроэкономике. Продвинутый уровень. М.: ЦЭМИ, 2010 (теории общего экономического равновесия «мейнстрима» разных периодов); Макаров В.Л., Рубинов А.М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. М.: Наука, 1973.

миллионов граждан, сопровождался концентрацией капитала в руках финансовой олигархии, функционеры которой благополучно покинули рухнувшие банки Уолл-Стрита на «золотых парашютах»¹⁴.

Первая аксиома доктрины экономического равновесия, которая лежит в основе доминирующей сегодня в экономической теории неоклассической парадигмы, декларирует принцип свободной конкуренции. Согласно ему, в экономике субъекты хозяйствования (или «экономические агенты») абсолютно автономны и независимы от других участников рынка, никто из них не может влиять на цены, которые складываются стихийным образом в результате соотношения спроса и предложения на рынке. В реальности свободной конкуренции никогда и нигде не наблюдалось. Формирование рыночной экономики происходило в условиях многочисленных монополий и государственных ограничений. Современная экономика характеризуется олигополистической конкуренцией и системным государственным регулированием. «Невидимая рука» рынка существует лишь в виртуальных математических моделях и компьютерных играх, бесконечно далеких от сложных механизмов конкуренции и кооперации в реальной экономике.

Вторая аксиома – экономический агент абсолютно рационален, т.е. он все решения принимает на основе правильного понимания их последствий и действует, исходя из максимизации прибыли. Казалось бы, похоже на правду, но в действительности экономические агенты не ведут себя таким образом. Каждый менеджер стремится избежать конкуренции, т.е. то, что в теории считается нормой, на практике считается аномалией. Любая фирма на рынке стремится к монопольному положению и пытается договориться с конкурентами с тем, чтобы минимизировать риски и увеличить свои возможности. Критерии принятия решений предпринимателями в реальной экономической среде определяются необходимостью выживания на рынке и не сводятся к максимизации текущей прибыли. Выживание достигается

14 См.: Стариков Н. Кризис: как это делается. СПб: Питер, 2010; фильм-расследование «Инсайдеры» («*Inside job*», 2010 г.).

путем расширения ресурсных возможностей предприятия, созданием стратегических альянсов с теми же конкурентами, внедрением новых технологий. Оно требует инвестиций, рискованных расходов на внедрение новых технологий и часто предполагает снижение прибыли и даже временные убытки в связи с инновациями и завоеванием новых рынков.

Третья аксиома – об абсолютной информированности хозяйствующих субъектов об имеющихся технологических и ресурсных возможностях производства товаров и услуг еще менее соответствует реальности. Каждый день в экономике появляются и внедряются новые технологии, открываются новые ресурсные возможности. Рыночная среда постоянно меняется в результате неконтролируемых действий конкурентов, партнеров, органов государственной власти, социальных групп. Предприниматели и менеджеры живут в условиях неопределенности. В реальной жизни они действуют не по оптимизационным моделям максимизации прибыли, а в соответствии с установившимися процедурами принятия решений. Эти рутинные процедуры обеспечивают расширенное воспроизводство предприятия в стабильной среде. Они обладают определенной инерцией и не всегда вовремя перестраиваются с ее изменением. Поэтому предприятия время от времени попадают в сложное положение вплоть до банкротства и даже ликвидации, уступая место на рынке более дальновидным или более влиятельным конкурентам.

Четвертая аксиома: экономика сама собой стремится к равновесию. Лежащая в основе принципов неоклассического анализа теория рыночного равновесия интерпретирует экономику как механическую систему, стремящуюся к наиболее вероятному состоянию в результате свободной конкуренции экономических агентов. Это равновесное состояние она представляет как точку оптимума, в которой достигается наиболее эффективное использование ограниченных ресурсов. Физики в широко известных законах термодинамики его интерпретируют как точку прекращения энергетического обмена с внешней средой, в которой система

приходит в совершенно хаотическое состояние¹⁵. При этом, согласно понятию термодинамического равновесия, замкнутая система, для которой внешние условия остаются неизменными, с течением времени переходит в равновесное состояние, в котором прекращаются все макроскопические процессы. Но экономическая динамика определяется сложной хозяйственной деятельностью объединенных кооперационными связями производств и людей – это не замкнутая, обращенная внутрь себя система, «зацикленная на поиске «нового равновесия». И внешние условия не могут считаться неизменными в силу постоянного научно-технического прогресса.

В логике «мейнстрима» экономической мысли из этих интерпретаций можно сделать вывод о том, что, достигнув в результате свободной конкуренции точки равновесия, экономические агенты не совершают более целесообразной деятельности, а сама экономика перестает развиваться. Экономические агенты в неоклассической парадигме бессмертны, как и молекулы в термодинамике. В точке равновесия они продолжают двигаться. Для физиков это хаотическое движение элементов системы, энергетика которой в целом не меняется. Для экономистов – это игра рыночных сил с нулевой суммой, которая уравнивает выигрыши одних и проигрыши других агентов, принуждая их бесконечно двигаться вокруг точки равновесия. Хотя конкуренция между экономическими агентами действительно имеет место, игра рыночных сил в противоположность тепловому обмену в механическом сосуде ведет не к точке равновесия с нулевой суммой, а к усложнению системы и росту потребляемой ею энергии во взаимодействии с окружающей средой, все более отдаляя ее от точки равновесия.

15 Нулевой или общий закон (начало) термодинамики: изолированная термодинамическая система с течением времени самопроизвольно переходит в состояние термодинамического равновесия, в котором прекращаются все макроскопические процессы, и остается в нем сколь угодно долго, если внешние условия сохраняются неизменными. Третий закон (начало) термодинамики (теорема Нернста): энтропия любой равновесной системы при стремлении к абсолютному нулю перестает зависеть от параметров состояния и стремится к определенному пределу. См.: Физика. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998; Базаров И. П. Термодинамика. М.: Высшая школа, 1991.

Буквально в каждый следующий момент времени возникает новая технология, новые игроки, новые альянсы, влияющие на рынок и его субъектов, что влечет изменение равновесного состояния. Оно исчезает сразу после своего появления.

Состояния равновесия экономика никогда не достигает не только потому, что не бывает совершенной свободной конкуренции, но и, прежде всего потому, что экономика постоянно генерирует изменения.

Особо популярной стала самая примитивная форма рыночного фундаментализма – монетаризм, где все сводится к движению денег, а реальная экономика представляется в виде «черного ящика». Предполагается, что для эффективного распределения ресурсов достаточно регулировать денежное обращение, не обращая внимания на планирование производственной сферы, технологическую кооперацию, НТП.

Между тем, абстракции неоклассической парадигмы работают только в виртуальных математических моделях оптимального управления, но не в постоянно меняющейся современной инновационной экономике.

Наиболее наглядным доказательством кризиса экономической науки являются плачевные результаты выполнения рекомендаций Международного валютного фонда (МВФ). Темпы экономического развития стран, последовавших рекомендациям МВФ, оказались в среднем вдвое хуже государств, которые проводили свою собственную суверенную политику вопреки этим советам¹⁶.

Фактическим результатом проводившейся в России по рекомендациям мейнстрима экономической мысли под надзором МВФ политики стал вывоз за 20 лет более триллиона долларов за рубеж, перевод в иностранную юрисдикцию контроля над прибыльными предприятиями, подчинение финансового рынка интересам иностранных спекулянтов. В отсутствие

¹⁶ Политическое измерение мировых финансовых кризисов / Под ред. В. Якунина, С. Сулакшина, И. Орлова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Век глобализации. 2013. Выпуск №2(12).

внутренних источников кредита развивались только те отрасли и виды деятельности, которые представляли интерес для иностранного капитала: экспортно-ориентированные производства сырья и торговля импортными товарами. Ориентированные на внутренний рынок производители инвестиционного оборудования и высокотехнологических товаров конечного потребления в отсутствие кредита вынуждены были уступить рынок иностранным конкурентам и свернуть производство. Следствием этой политики закономерно стала деградация и дезинтеграция экономики, ее офшоризация и втягивание в неэквивалентный внешнеэкономический обмен, разрушение научно-технического потенциала. Ущерб от этой политики намного превышает экономический ущерб СССР от фашистской агрессии и продолжает нарастать на 100-150 млрд. долл. в год.

«Мейнстрим» современной экономической мысли так сильно разошелся с практикой, что дисциплина «экономическая теория» и «теория управления» или «менеджмент», преподаются в ВУЗах как два совершенно разных курса. По специальности «экономическая теория» готовят, прежде всего, будущих теоретиков, пропагандистов и экспертов, воспроизводящих потом схоластику «мейнстрима» экономической мысли. А по специальностям «менеджмент», «управление», «банковское дело» и другим отраслевым экономическим дисциплинам готовят практических работников, которые в своей деятельности руководствуются не экономической теорией, а практическими навыками, устоявшимися профессиональными представлениями, эмпирическим полезным опытом, достижениями прикладной науки и эмпирических исследований.

Чтобы построить эффективную систему управления развитием экономики, необходимо разработать новую научную парадигму, объясняющую закономерности развития современной экономики.

Глава 3.

На пути к новой научной парадигме

В общественных науках давно назрела революция, которая обещает быть долгой и «кровопролитной». На интеллектуальных полях боя сталкиваются не только разные методологии, но и политические, экономические, национальные, социальные интересы. Подчас эти столкновения напоминают преследования ученых папской инквизицией с уничтожением несогласных с господствующей идеологией. Хотя адепты господствующей идеологии уже не сжигают ученых-диссидентов на кострах, последних изгоняют из академических институтов, предают анафеме, отказываются публиковать и даже объявляют сумасшедшими.

Если говорить о предстоящей научной революции в экономической мысли, то по своему масштабу будет сопоставимой с революцией в медицинской науке, произошедшей столетие назад. Сегодняшний мейнстрим экономической мысли можно сравнить со средневековой медициной, которая лечила все болезни кровопусканием и обосновывала заумной терминологией претензии врачей на высокое вознаграждение вне зависимости от результатов лечения. Нужен переход от патологоанатомических изысканий и наукообразной схоластики к разработке теории развития организма общества. В том числе, процесс развития хозяйственной деятельности, а не обмена ее результатами должен стать главным предметом экономической науки. Соответственно должна поменяться и методология.

Эволюция живых систем (в отличие от неорганических) имеет неэнтропийный характер, развиваясь по пути усложнения. Поскольку общество является живой системой, главным предметом общественнознания должно стать изучение закономерностей его развития и, соответственно, механизмов его усложнения, удержания целостности и устойчивости в

процессе повышения разнообразия хозяйственной деятельности и ее результатов.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны в рамках эволюционной экономики, которая в качестве предмета исследования выбрала изучение механизмов воспроизводства рутинных процессов хозяйственной деятельности¹⁷. В рамках этой теории были получены нетривиальные результаты, объясняющие некоторые закономерности эволюции экономических систем, включая механизмы генерирования и распространения инноваций. В экономическую науку были привнесены математические методы анализа распространения и конкуренции видов, разработанные в экологии. Получены универсальные математические модели технологических траекторий и научно-производственных циклов¹⁸.

На этой основе была разработана теория долгосрочного технико-экономического развития как процесса последовательной смены жизненных циклов технологических укладов. Были разработаны модели расширенного воспроизводства экономических систем, адекватно отражающие процесс их развития¹⁹.

В живых системах важны не только и даже не столько элементы, сколько связи между ними. Именно связи содержат информацию, определяющую свойства системы. Когда связи обрываются, система гибнет и начинает разлагаться, в то время как один разрушенный элемент можно заменить другим. То же самое относится к хозяйственной деятельности. Ее орудия и предметы постоянно меняются в процессе производства, которое задается соответствующей технологией, определяющей связи между ними и человеком. В организации производства могут присутствовать (увольняться

17 Нельсон Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.

18 Грублер А. Инновации и экономический рост. М.: Наука, 2002; Nakicenovic N. Technological Substitution and Long Waves in the USA: The Long Wave Debate. Berlin, 1987. P. 81; Grubler A. The Rise and Fall of Infrastructures // American Economic Review, 1959. No. 49.

19 Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики, 2014. № 4.

и наниматься) разные люди, входя между собой в отношения, заданные технологией. Поэтому чтобы разобраться в закономерностях развития общества, необходимо понять процессы изменения и смены технологий.

Вместе с тем хозяйственная деятельность не сводится только к производству, она погружена в социальную среду, обитатели которой ведут, организуют, обеспечивают хозяйственную деятельность и используют ее результаты в своих интересах. Эта среда состоит из людей, которые вступают во взаимоотношения между собой по поводу хозяйственной деятельности и ее результатов. Эти отношения обеспечивают воспроизводство хозяйственной деятельности при постоянных изменениях в составе популяции участвующих в них людей. Сами производственные отношения определяются институтами, удерживающими в них людей и задающими формы реализации мотивов их поведения. Поэтому, чтобы разобраться в закономерностях развития экономики необходимо понять процессы изменения социальных институтов.

Социальные институты регулируют поведение людей в той мере, в которой последние склонны соблюдать задаваемые ими нормы. Эта склонность поддерживается положительными и отрицательными связями между человеком и обществом, действенность которых определяется соответствием моральных ценностей индивида и господствующей идеологией. Чем выше это соответствие, тем эффективнее работают институты, определяющие производственные отношения. И, наоборот, с ростом доли людей, отвергающих господствующую идеологию, сужается способность институтов поддерживать соответствующие производственные отношения. Поэтому для понимания закономерностей развития экономики необходимо принимать во внимание эволюцию систем ценностей людей во взаимодействии с господствующей в общественном сознании идеологией.

Таким образом, экономическая наука не может игнорировать знания о человеке, общественном сознании и социальных отношениях, накопленные в смежных гуманитарных дисциплинах. В противном случае она вырождается

в нынешний «экономикс» с его убогой интерпретацией главного героя экономических исследований — как бездушного экономического агента, или *homo economicus*.

Чтобы понять закономерности развития общества, необходимо рассматривать социальную систему как сложное множество взаимозависимых людей — с их идеологией, интересами и мотивами поведения, связывающими их производственными отношениями и регулируемыми эти отношения институтами, а также средствами и предметами производства, связанными определенными технологиями. Исходя из изложенного, центральным вопросом общественных наук должно стать изучение взаимосвязи технологических, институциональных и идеологических изменений. Эти изменения могут не подчиняться универсальным законам, — а способы организации и использования результатов хозяйственной деятельности могут сильно отличаться — в зависимости технологического, институционального и идеологического состояния социально-экономической системы. Поэтому тщетные попытки апологетов «экономикс» вывести какие-либо универсальные экономические законы, инвариантные технологическим, институциональным и идеологическим характеристикам социально-экономической системы, выглядят крайне наивными.

В отличие от биологических систем, эволюционирующих в течение миллионов лет, и экологических систем, стремящихся к гомеостазу, современные социальные системы пребывают в состоянии постоянной изменчивости. В течение короткого времени они могут стремиться к некоторой гипотетической точке равновесия, однако постоянно возникающие нововведения порождают точки бифуркации, меняющие траекторию движения в направлении одного или нескольких аттракторов, которые тоже не достигаются вследствие появления следующих нововведений.

Теория синергетики обладает формальным аппаратом для моделирования эволюции сложных систем, но на абстрактном уровне,

который позволяет получить качественные знания о свойствах социально-экономического развития ²⁰. Реалистичных математических моделей долгосрочного социально-экономического развития разработать пока не удалось, за исключением технологического прогнозирования, оперирующего логистическими кривыми жизненного цикла технологий.

К сожалению, математические методы в гуманитарных науках обычно используются для придания наукообразия догматически заданным утверждениям, а не для исследования объективных закономерностей. Господствующая социогуманитарная парадигма полна крайне мифологизированных утверждений. Например, мифология европейских историков направлена на обоснование превосходства западноевропейской цивилизации над остальными. Она приукрашивает достижения западноевропейской культуры и замалчивает факты, свидетельствующие о превосходстве Византийской, Русской, Российской и Советской империй в тех или иных областях. Эта мифология дополняется откровенно клеветническими «документами» западных путешественников, рассказывающими о диких нравах и вековой отсталости русских земель. Несмотря на многочисленные опровержения подобных свидетельств современников, они продолжают кочевать по учебникам истории, закрепляя карикатурный образ исторической России. В качестве современного примера подобной антинаучной фальсификации очевидной картины мира следует упомянуть упражнения русофобствующих идеологов неонацистского режима в Киеве, пытающихся изобразить его превосходство над российской государственностью вопреки очевидному интеллектуальному и экономическому упадку современной Украины.

Следует отметить, что многие серьезные западные историки, чтобы не опускаться до воспроизводства очевидных фальсификаций, вовсе не упоминают Россию в своих исследованиях процессов мирового социально-

²⁰ Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС. 2003.

экономического развития. Огромная территория от Москвы до Чукотки остается до сих пор *terra incognita* для западных любителей истории, не знающих русского языка.

Мы со своей стороны готовы, если необходимо, не только защищать свою историческую субъектность, но и представить свое понимание логики мирового социально-экономического развития.

Глава 4.

Динамика технологических и мирохозяйственных укладов

Логику мирового социально-экономического развития можно раскрыть, опираясь на принципы смены технологических и мирохозяйственных укладов, а также на известные закономерности эволюции языка и мышления. Начнем с первого направления.

Смена технологических и мирохозяйственных укладов раскрывает закономерности долгосрочного развития современной экономики, начиная с промышленной революции и формирования институтов воспроизводства капитала в XVII-XVIII веках. Согласно классическому определению, технологические уклады – это группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими «цепочками» и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой обладающее внутренним единством и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления²¹.

Технологический уклад характеризуется близким техническим уровнем составляющих его производств, связанных вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, использующих соответствующей квалификации рабочую силу и опирающихся на общий научно-технический потенциал. Составляющие

21 Глазьев С. Методы оценки динамических характеристик НТП / Известия АН СССР, Серия экономическая, 1985. №1; Научное открытие «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации № 65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений).

технологический уклад производства изменяются более или менее синхронно. Развитие и расширение каждого технологического процесса обусловлено развитием всей группы сопряженных технологических систем. Реальное технико-экономическое развитие достигается путем становления новых технологических цепей, складывающихся на основе сопряженных технологических совокупностей и объединяющихся в новые технологические уклады.

Технологический уклад формируется в рамках всей экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления, образуя макроэкономический воспроизводственный контур. Таким образом, каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов. Жизненный цикл каждого образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития.

Формирование воспроизводственного контура нового технологического уклада – длительный процесс, имеющий два качественно разных этапа. Первый этап – появление его ключевого фактора и «ядра» в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, объективно ограничивающего становление производств своего преемника потребностями собственного расширенного воспроизводства. С исчерпанием экономических возможностей этого процесса наступает второй этап, начинающийся с замещения доминирующего технологического уклада новым и продолжающийся затем в виде очередной «длинной волны» экономической конъюнктуры Кондратьева. Период между завершением первого и началом второго этапа характеризуется экономической депрессией, в ходе которой происходит структурная перестройка экономики на основе технологической революции, в ходе которой наблюдаются резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности

производства, социально-экономическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы.

Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической напряженности. На поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающаяся ухудшением макроэкономических индикаторов – падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением уровня безработицы. Высвобождающийся из устаревших и ставших убыточными производств не находит сразу себе приложения в новых и зависит на некоторое время в сфере обращения, подпитывая финансовые пузыри. Как отмечает К. Перес²², переход к фазе роста очередной длинной волны роста начинается после того, как оставшийся после обесценения в лопнувших финансовых пузырях капитал находит дорогу к инвестициям в принципиально новые технологии. Так начинается фаза роста нового технологического уклада.

Форма жизненного цикла технологического уклада определяется хорошо известной в теории НТП ограниченностью жизненного цикла любой технологии, который описывается логистической кривой, проходя фазы вызревания, бурного роста, зрелости и упадка. При достижении предпоследней фазы жизненного цикла инвестиции в развитие технологии приносят убывающую отдачу, переходящую в отрицательную одновременно с началом фазы упадка. В силу технологической сопряженности составляющих технологический уклад производств их развитие синхронизируется, вследствие чего форма жизненного цикла

22 Perez C. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. London: Elgar, 2002.

технологического уклада приобретает аналогичную форму логистической кривой, растянутой почти на столетие.

На рис. 1 приведена актуальная иллюстрация жизненного цикла технологического уклада, в которой совмещается проходящий в настоящее время фазу родов новый технологический уклад и достигший пределов роста уходящий технологический уклад с соответствующими фазами длинных волн Кондратьева. На схеме заметно, что жизненный цикл технологического уклада описывается двумя последовательными логистическими кривыми. Первая из них отражает эмбриональную фазу его развития в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, достижение которым пределов роста влечет переход экономики на понижающую фазу «длинной волны» и депрессию, которая «придавливает» не только сложившиеся, но и новые производства. Вследствие общего ухудшения экономической конъюнктуры снижается инвестиционная и инновационная активность, новый подъем которой начинается с переходом нового технологического уклада в фазу роста, которая описывается многократно более масштабной логистической кривой, отражающей подъем всей экономики на новой технологической основе.

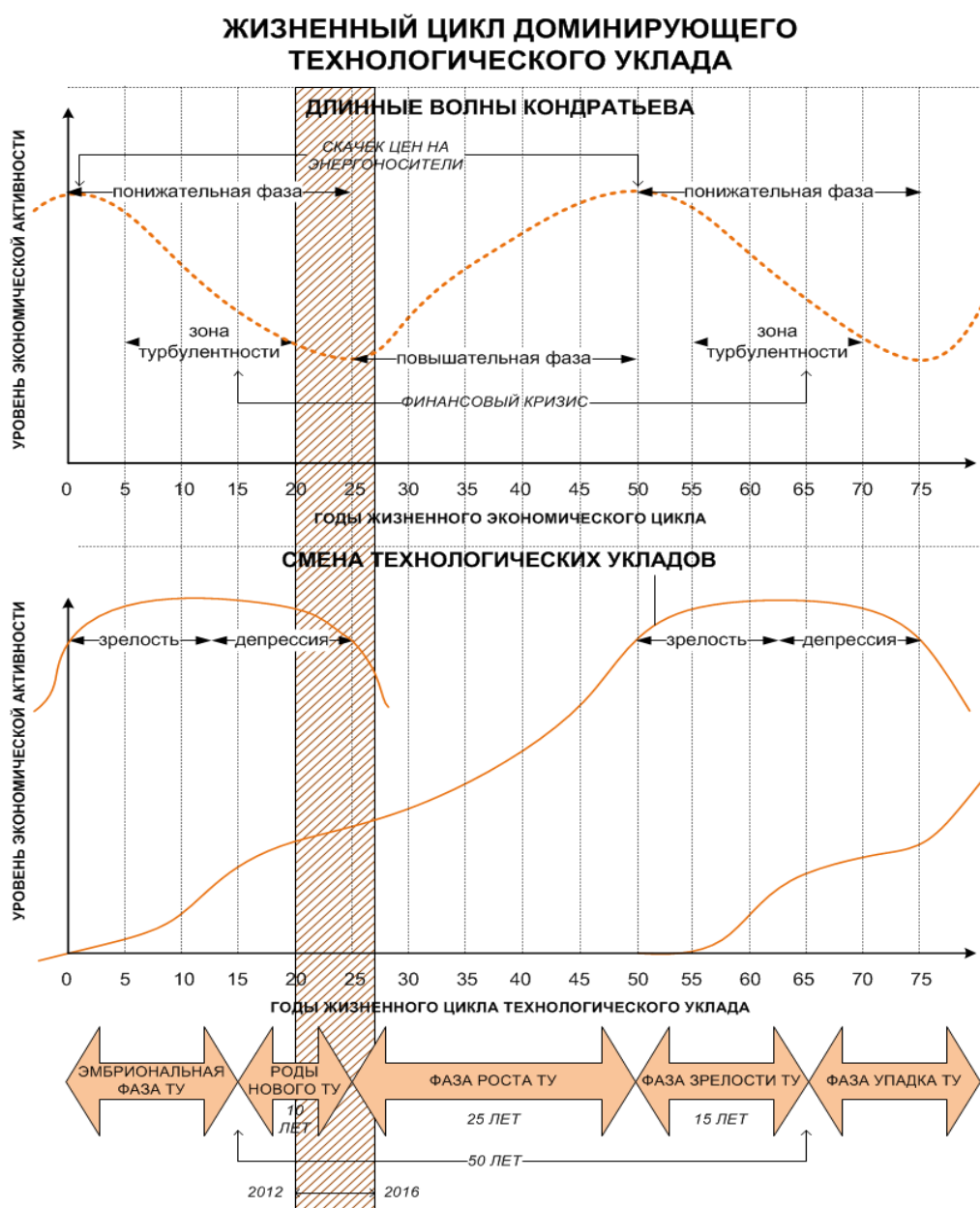

Рис. 1. Жизненный цикл технологического уклада

2016 заменить на 2019, указать 2008 и год скачка цен на энергоносители

Закономерность периодической смены технологических укладов позволяет объяснить неравномерность и неравновесность процесса развития экономики, обусловленную динамикой соответствующих технологических изменений. Новый технологический уклад зарождается, когда в экономической структуре еще доминирует предшествующий, и его развитие сдерживается неблагоприятной технологической и социально-экономической средой.

Лишь с достижением доминирующим технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические «цепи» нового технологического уклада. Каждый новый технологический уклад в своем развитии поначалу использует сложившуюся транспортную инфраструктуру и энергоносители, чем стимулирует их дальнейшее расширение; при этом фаза его быстрого роста сопровождается циклическим увеличением производства и потребления ВВП, а также его энергоемкости по сравнению с долгосрочным трендом. По мере развития очередного технологического уклада создается новый вид инфраструктуры, преодолевающий ограничения предыдущего, и осуществляется переход на новые виды энергоносителей, которые закладывают ресурсную базу для становления следующего технологического уклада.

Закономерность смены технологических укладов объясняет периодически происходящие изменения в социальных и институциональных системах, а также в системах управления производством, которые приводят профессиональные навыки граждан и менеджмент организаций в соответствие с новыми условиями и снимают тем самым социальную напряженность, а также способствуют массовому внедрению технологий нового технологического уклада, соответствующего ему типа потребления и образа жизни. После этого начинается фаза быстрого расширения нового технологического уклада, становящегося базой ускоряющегося экономического роста и занимающего доминирующее положение в структуре экономики. В фазе роста нового уклада большинство технологических «цепей» предшествующего перестраиваются в соответствии с его потребностями. В этот же время зарождается следующий, новейший, технологический уклад, который пребывает в эмбриональной фазе до достижения доминирующим технологическим укладом пределов роста, после чего начинается очередная технологическая революция.

В соответствии с охарактеризованными выше закономерностями технологических изменений формирование технологического уклада начинается с внедрения соответствующего кластера базисных нововведений, диффузия которых сопровождается формированием базисных технологических совокупностей. Они формируют «ядро» нового технологического уклада. В результате распространения этих нововведений после соответствующих институциональных изменений и структурной перестройки экономики происходит повышение общего уровня эффективности производства по сравнению с тем, который считался нормальным в течение предшествующего этапа технико-экономического развития. Достигается это посредством расширения несущих производств, технологически сопряженных с «ядром» технологического уклада и передающих исходящие из него импульсы технологических изменений в окружающую социально-экономическую среду.

Представление долгосрочного технико-экономического развития как процесса смены технологических укладов позволяет проводить измерения процессов долгосрочного экономического развития. Результаты этих измерений с использованием материалов конкретно-исторических эмпирических исследований мировой и российской экономики выявили становление и смену пяти технологических укладов, включая доминирующий в настоящее время информационно-электронный технологический уклад.

В настоящее время происходит становление нового технологического уклада, ключевым фактором которого являются нано- и биоинженерные, аддитивные и информационные технологии. На рис. 4 представлена условная схема смены технологических укладов, названных по ключевой технологии преобразования энергии в полезную работу.

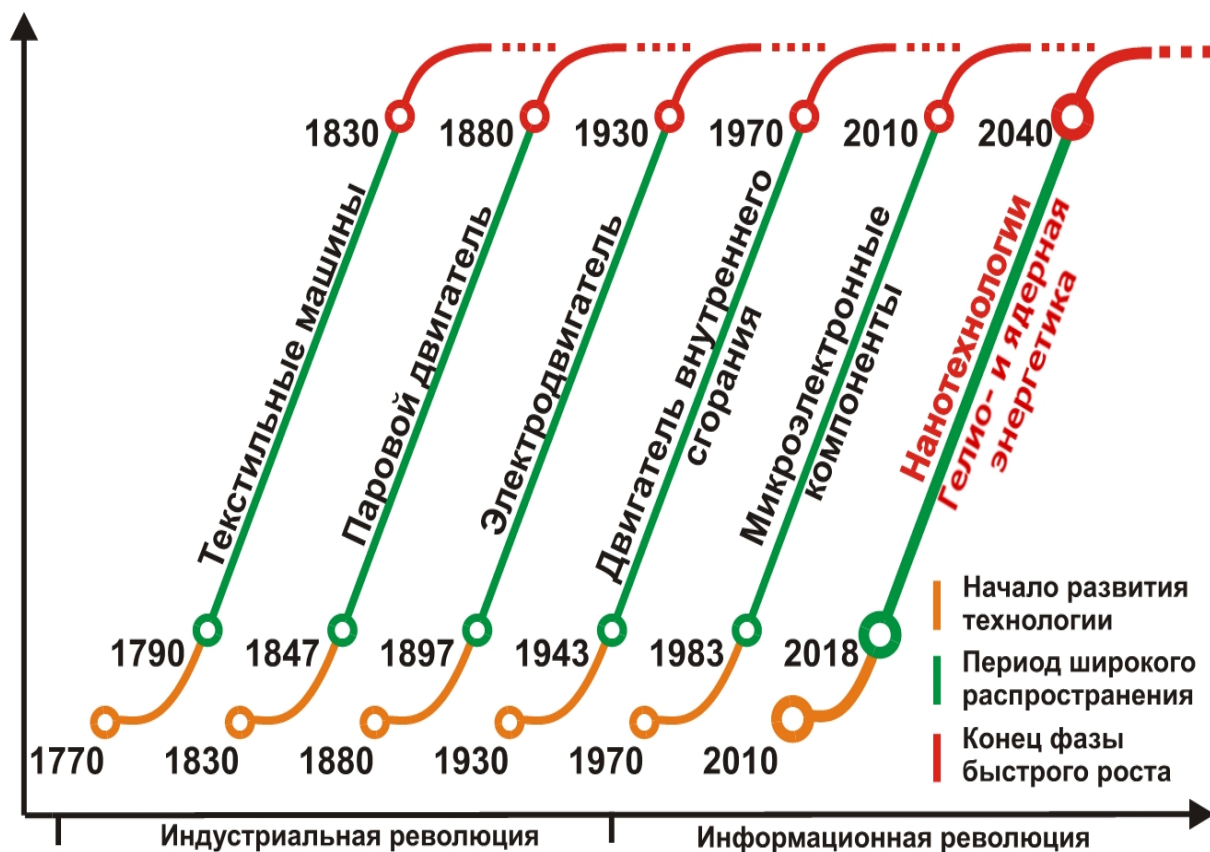

Рис. 2. Смена технологических укладов в ходе современного экономического развития с указанием их ключевых технологий преобразования энергии в работу

Технологический уклад характеризует состояние мирового производства. Мирхозяйственный уклад находится с ним в диалектических отношениях, характеризуя состояние производственных и — шире — общественных отношений. Смена мирхозяйственных укладов определяет динамику социальной истории.

Каждый мирхозяйственный уклад имеет свой жизненный цикл, пределы которого определяются накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов.

Развертывание этих противоречий происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений, разрешавшихся до сих пор мировыми войнами. Последние организовывались и провоцировались теряющей доминирующие позиции страной-лидером устаревающего мирхозяйственного уклада с целью

усиления контроля над периферией мировой экономики для усиления своих конкурентных преимуществ и ослабления позиций возможных конкурентов. Из числа последних, однако, всегда появлялся новый лидер – носитель более прогрессивной системы институтов и производственных отношений, который до последнего момента уклонялся от участия в войне, чтобы вступить в нее на завершающем этапе в стане победителей и захватить глобальное лидерство.

Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, обеспечивающие удержание имеющихся материально-технических достижений и создающие новые возможности для развития производительных сил общества.

Система институтов нового мирохозяйственного уклада не может взречь в стране-лидере предыдущего мирохозяйственного уклада вследствие связанности ее институтов экономическими интересами. Доминирующая в мировой экономике национальная властвующая элита страны-лидера не заинтересована в переменах и последовательно отвергает попытки изменения мирохозяйственного уклада, воспроизводство которого вследствие этого приобретает инерционный характер. Поэтому становление институтов нового мирохозяйственного уклада происходит в стороне от страны-лидера, на одном из защищенных от прямого принуждения сегментов ее периферии. Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, которые обеспечивают удержание имеющихся материально-технических достижений и создают новые возможности для развития производительных сил общества.

Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов как целостных институциональных систем, обеспечивающих воспроизводство экономики, объясняет прерывистый характер долгосрочной экономической и политической эволюции. Согласно этой гипотезе смена мирохозяйственных укладов происходит дискретным образом вследствие неспособности доминирующих стран изменить институты, исчерпавшие возможности

обеспечения устойчивого экономического роста. Доминирующие в мировой экономике страны пытаются сохранить свое центральное положение путем усиления контроля над периферией мировой экономики, что до сих пор приводило к мировым войнам, в результате которых и совершался переход к новому мирохозяйственному укладу. Этот переход сопровождался сменой лидеров и центров развития мировой экономики – доминирование переходило к странам, ранее других сформировавшим новую, более эффективную институциональную систему воспроизводства экономики.

Историческая схема вековых циклов накопления капитала и соответствующих им мирохозяйственных укладов, условно названных по типу доминировавшей в то время системы международных торгово-экономических отношений, приведена на рис 3.

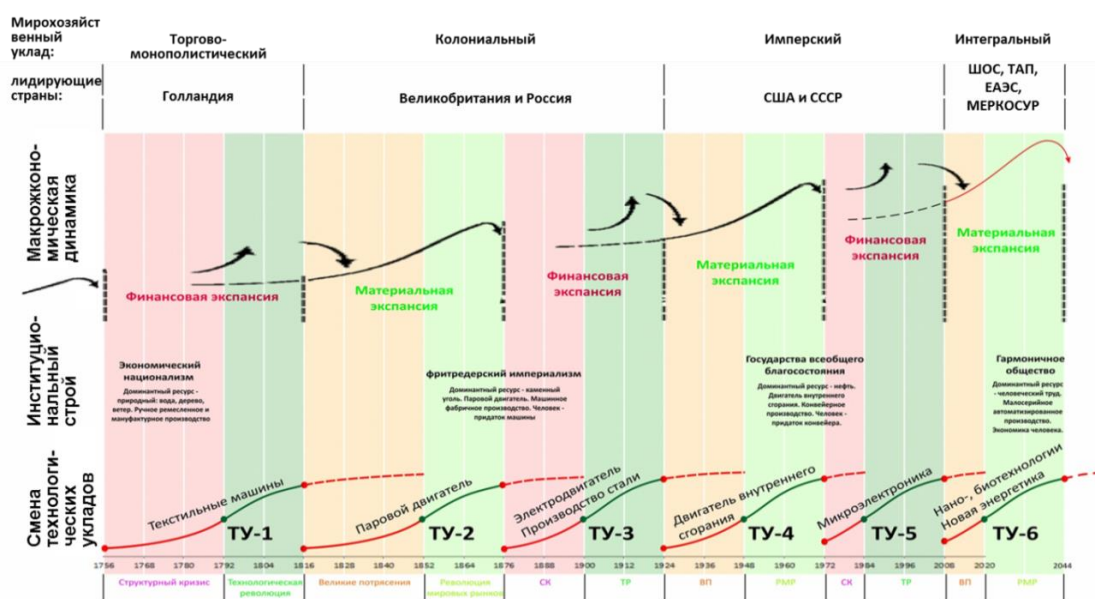

Рис 3. Периодическая смена мирохозяйственных укладов

(Источник с изменениями автора: Айвазов А. Периодическая система мирового капиталистического развития / Альманах «Развитие и экономика». Март 2012. №2)

Разумеется, предложенная на схеме типология международных торгово-экономических отношений весьма условна и отражает лишь

поверхностный «срез» производственных отношений и институтов, определяющих воспроизводство доминирующей в мире экономической системы. Мирхозяйственные уклады отличаются не только по типу организации международной торговли, но и по системе производственных отношений и институтов, которые позволяют лидирующим странам добиваться глобального превосходства и детерминировать тем самым режим международных торгово-экономических отношений.

Использование понятия «уклад» призвано отразить воспроизводящую целостность взаимосвязанных элементов: соединенных технологической кооперацией производств (технологический уклад) и объединенных институтами хозяйственных образований (мирохозяйственный уклад). Связанность элементов предопределяет синхронизацию их жизненных циклов по меньшей мере в фазе зрелости и упадка, а также прерывистый характер экономического развития, в котором периодически происходит одновременная смена большого количества элементов, приобретающая скачкообразный характер технологических (при смене технологических укладов) и политических (при смене мирохозяйственных укладов) революций.

Охарактеризованные выше длинные циклы отражают две стороны процесса развития экономики. Жизненные циклы технологических укладов и опосредующие их смену технологические революции отражают изменения в составе производительных сил. А жизненные циклы мирохозяйственных укладов и опосредующие их смену социально-политические революции и мировые войны – изменения в рамках производственных отношений. Два типа укладов находятся в сложном диалектическом взаимодействии, оказывая друг на друга влияние исходя из принципа взаимного соответствия. Однако инерционность производственных отношений существенно выше, чем устойчивость технологических связей производительных сил. Вследствие этого жизненный цикл мирохозяйственного уклада намного длиннее технологического. Вслед за А. Айвазовым можно предположить, что

в один жизненный цикл мирохозяйственного уклада вписываются два технологических²³.

Взаимодействие жизненных циклов технологических и мирохозяйственных укладов происходит следующим образом. Вытеснение старого мирохозяйственного уклада новым сопровождается мировой войной, победу в которой одерживает новый мировой лидер на основе своего технологического, экономического и управленческого превосходства. Это превосходство обеспечивается опережающим созданием производств нового технологического уклада, которое позволяет отстающим странам совершить неожиданный для уходящего мирового лидера рывок в своем экономическом развитии. Поскольку новый лидер вступает в войну на завершающем этапе, победа ему достается без значительных потерь и разрушений, что создает огромные преимущества в дальнейшем развитии экономики на новой технологической и управленческой основе. Эти преимущества накапливаются в течение всей фазы подъема длинной волны роста нового технологического уклада, сопровождаясь бурным накоплением капитала в лидирующей стране за счет присвоения интеллектуальной, монопольной и политической ренты в неэквивалентном обмене с периферийными странами. С наступлением фазы зрелости технологического уклада экономика лидирующей страны перестает расти. Наступает депрессия, в ходе которой накопленный капитал высвобождается из теряющих прибыльность устаревающих производств и «зависает» в финансовой сфере. Жизненный цикл мирохозяйственного уклада переходит в фазу финансовой экспансии. В это время на экономической периферии страны-лидера образуются точки роста нового технологического уклада. Не обремененные перенакоплением капитала в устаревших технологических совокупностях периферийные страны получают возможность экономического рывка. Совершают его те из

23 Айвазов А., Беликов В. Экономические основы цивилизационных волн развития человечества // Партнерство цивилизаций. 2016. №3-4.

них, которые сумели сформировать институты зрелого мирохозяйственного уклада, позволяющие принять инвестиции из лидирующей страны. Перенакопленный в ней капитал перетекает в центры формирования нового технологического уклада, генерируя в соответствующей части ее экономической периферии подъем новой длинной волны конъюнктуры.

Таким образом доминирующая в мировой экономике страна обеспечивает опережающий рост одной из периферийных стран, лучше других подготовившейся к становлению нового технологического уклада. В этом симбиозе финансового превосходства страны, контролирующей существующий мирохозяйственный уклад, и страны, генерирующей становление нового технологического уклада, первая получает сверхприбыль от инвестиций в растущую экономику второй. А последняя – интеллектуальную ренту в мировом масштабе, которая позволяет ей начать свой процесс накопления капитала. Это взаимовыгодное сотрудничество сопровождается переплетением властвующих элит, которое обеспечивает военно-политический союз финансового гегемона и технологического лидера в течение второй половины жизненного цикла мирохозяйственного уклада.

В то же время, как указывалось выше, переход к новому технологическому укладу сопровождается соответствующими изменениями в системе организации производства и управления предприятиями. Постепенно эти изменения прорастают на макроэкономический уровень, воплощаясь в новых институтах регулирования экономики и управления ее развитием. В стране опережающего роста нового технологического уклада формируются воспроизводственные контуры нового мирохозяйственного уклада. С достижением этим технологического уклада фазы зрелости, формируется новый мирохозяйственный уклад, который позволяет этой стране выйти на передовой в мире уровень организации производства и эффективности управления развитием экономики. В то время как доминировавшая в уходящем мирохозяйственном укладе страна вязнет и теряет силы в организованной ее властвующей элитой мировой войне,

выросший под ее сенью новый технологический лидер расширяет воспроизводственные контуры нового мирохозяйственного уклада, захватывая доминирующие позиции в мировой экономике и становясь центром накопления капитала. Начинается новый вековой цикл накопления капитала.

На наших глазах таким образом в ходе жизненного цикла пятого технологического уклада, совпадавшего с фазой финансовой экспансии американского мирохозяйственного уклада, произошел переток технологий и капитала из США в КНР, которая стала лидером по росту производств нового технологического уклада. Сформированные за этот период в КНР институты нового мирохозяйственного уклада обеспечивают китайской системе управления развитием экономики перехват глобального доминирования. Развязав мировую гибридную войну, в которой невозможно одержать победу, американская властвующая элита дискредитирует Вашингтон в качестве политического центра мира и подрывает основы финансово-экономической гегемонии США. Американский цикл накопления капитала завершается и центр развития мировой экономики перемещается в Азию.

Аналогичным образом в прошлом веке английская властвующая элита, стремясь удержать глобальное лидерство в конкуренции с Россией и Германией, спровоцировала две мировых войны, в результате которых потеряла гегемонию на мировом финансово-экономическом рынке, а центр накопления капитала переместился в США. До этого в результате наполеоновских войн в континентальной Европе центр накопления капитала переместился из Голландии в Англию.

Принципиальный вопрос – с кем и зачем страна, доминирующая в мире в фазе финансовой экспансии контролируемого ею мирохозяйственного уклада, начинает мировую войну? Исторический опыт свидетельствует о том, что война эта происходит с Империей. Переход от английского к американскому вековому циклу накопления капитала опосредовался двумя мировыми войнами – с Российской империей и СССР. Обе эти войны

провоцировались английской властвующей элитой, которая, стремясь удержать глобальное доминирование, сумела столкнуть Россию с Германией, которая тоже сохраняла имперские институты. При этом, до Первой мировой войны, немцы в российской властвующей элите были едва ли не самой влиятельной этнической группой и существовали предпосылки для создания Российско-Германского союза, к которому, могли бы примкнуть Австро-Венгерская и Османская империи. В этом случае произошла бы реинкарнация Империи, которая была искусно предотвращена Англией, столкнувшей эти страны-носители имперской традиции между собой. Окончательно институты имперской государственности в Западной Европе были ликвидированы в результате Второй мировой войны, в итоге которой мировой центр накопления капитала, как уже говорилось, переместился в США.

Наполеоновские войны тоже оказались направлены против Империи. Причем одновременно против исторического центра Русской империи и ее фактической преемницы – Российской империи. Их результат оказался противоречивым: с одной стороны, произошла реинкарнация Империи в форме Священного союза; с другой стороны, мировой центр накопления капитала переместился в Великобританию, создавшую свою колониальную «антиимперию» - оболочку для накопления капитала в мировом масштабе.

Формирование предыдущего мирового центра накопления капитала в Голландии также происходило в результате мировой войны против Империи, точнее ее распада, организованного враждебными ей силами. Испанско-Генуэзский вековой цикл накопления капитала происходил еще в рамках Русской империи, юго-западная часть которой воспринимается в европейской историографии как неожиданно возникшая из объединения крохотных Кастильского и Арагонского королевств покорившая Новый свет Испанская империя. Действительно, испанская монархия обладала всеми институтами и признаками Империи. Восстание против испанского владычества в Нидерландах и война с Англией, в результате которых Испания утратила глобальное лидерство, следует рассматривать как войну против Империи.

В мировых войнах, организуемых властвующей элитой страны-лидера уходящего мирохозяйственного укладов против Империи, проявляется диалектика взаимоотношений капитала и имперской государственности. Вырвавшийся из-под контроля последней капитал подчиняет государственные институты обслуживанию своих интересов к безграничной экспансии. Внешне государственные институты стран, занимающих центральное положение в соответствующих вековых циклах накопления капитала, приобретают имперские формы, выражая претензии их властвующей элиты на мировое господство. Но по сути они защищают воспроизводственные контуры мирового капитала, в то время как институты Империи, наоборот, удерживают воспроизводство капитала под своим контролем, подчиняя его установленным государством целям в интересах сохранения и развития общества с устоявшимися в нем ценностями. Среди последних ключевое значение имеет ценность социальной справедливости, противоположная критерию максимизации прибыли, составляющему главную ценность капиталистического предпринимательства. Поэтому голландскую, британскую и американскую империи, обслуживавшие соответствующие мировые центры вековых циклов накопления капитала, следует назвать антиимпериями, которым противостояла соответственно Русская, Российская и Советская империи. Последние две вынуждены были модернизироваться, осваивая научно-технические достижения капиталистического предпринимательства и импортируя институты накопления и воспроизводства капитала, удерживая в то же время их под государственным контролем. Это накладывало отпечаток на организацию институтов накопления капитала, которое в Империи концентрировалось, в основном в контролируемых государством банках, в то время как центры вековых циклов накопления капитала функционировали как охраняемые государством мировые биржи.

Рассмотренная выше диалектика взаимоотношения мирового капитала и мировой империи объясняет, почему властвующей элите

глобального центра накопления капитала во всех вековых циклах противостоит Империя. Последняя вынуждена осваивать производства и институты соответствующих технологических и мирохозяйственных укладов, чтобы сохранить конкурентоспособность и удержать охраняемый ею социум от втягивания в воспроизводственные контуры мирового капитала. Контролирующая их властвующая элита доминирующей в соответствующем вековом цикле накопления капитала страны не обременена какими-либо нравственными ограничениями и духовными традициями, стремясь к мировому господству в формате глобального финансового олигархата. Империя ею воспринимается как естественная преграда к его окончательному установлению, подлежащая уничтожению. Поэтому, сталкиваясь с пределами своей экспансии вследствие завершения жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада, властвующая элита доминирующей в нем страны видит причину этого в усилении Империи и организует против нее мировую войну. Тем временем на периферии на волне роста современного технологического уклада возникает новый потенциальный мировой центр накопления капитала, который становится реальным с перетоком капитала и умов из воюющих стран и формированием нового мирохозяйственного уклада.

Образно говоря, жизненный цикл каждого мирохозяйственного уклада «закрывается» об мировую войну с Империей, которая оказывается достаточно сильной вследствие освоения производств и институтов управления развитием экономики на основе обоих технологических укладов, вошедших в этот жизненный цикл. Империя побеждает в изнурительной войне, порождаящей перенос мирового центра накопления капитала в страну, ставшей технологическим лидером на последней длинной волне экономического роста и сумевшей сформировать институты нового мирохозяйственного уклада.

Именно такой период наложения завершения жизненных циклов мирохозяйственного и технологического укладов создает опасный резонанс,

угрожающий разрушением всей системы мировых экономических и политических отношений. В такие периоды отмечается резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на базе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства пробивают себе дорогу в других странах, прорывающихся в лидеры экономического развития.

Прежние лидеры стремятся удержать доминирование на мировом рынке посредством усиления контроля над своей геоэкономической «периферией», в том числе методами военно-политического принуждения. Как правило, это влечет за собой крупные военные конфликты, в которых стареющий лидер растрчивает ресурсы, не добиваясь должного эффекта. Находящийся к этому времени на волне подъема потенциальный новый лидер старается занять выжидательную позицию, чтобы сохранить свои производительные силы и привлечь спасающиеся от войны умы, капиталы и сокровища сражающихся стран. Нарастив возможности, новый лидер выходит на мировую арену, когда воюющие противники достаточно ослабеют, чтобы присвоить себе плоды победы.

Глава 5.

История как смена экономических парадигм. Новый мирохозяйственный уклад

Историю мирохозяйственных укладов можно проследить по мировым войнам, опосредовавшим смену глобальных лидеров. К этому процессу можно отнести следующие поворотные события мировой истории. Переход от Генуэзско-испанского векового цикла накопления к Голландскому и замещение соответствующего ему торгового мирохозяйственного уклада, основанного на трансокеанской торговле дарами природы, укладом торгово-мануфактурным, базирующимся на торговле продуктами ремесленного производства, был опосредован перманентными войнами, начиная с Испано-Английского конфликта, закончившегося в 1588 году гибелью Великой Армады. Этим воспользовалась голландская буржуазия, чтобы освободиться от испанского контроля. Перестроив свою политическую систему в соответствии с потребностями уже сложившихся институтов воспроизводства капитала, основанных на отношениях частной собственности свободных и организованных в цеха ремесленников, она выстроила самую высокоэффективную в то время экономику. Создав институт акционерного общества в форме Объединенной Ост-Индской компании, которая вскоре оказалась крупнейшей в мире торговой монополией, Амстердамский обменный банк и фондовую биржу²⁴, Голландия обеспечила своему предпринимательскому сословию возможности для экспансии за счет резкого расширения деловой активности.

Голландия стала мировым лидером по использованию передовых для того времени технологий. Это позволило ей захватить доминирующие

²⁴ Никонов В. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского Университета, 2015.

позиции в строительстве парусного флота, сооружении водных каналов и производстве товаров массового потребления. Опираясь на свои конкурентные преимущества, Голландия создала глобальную торговую империю, соединив Европу с другими частями Света регулярными торговыми маршрутами.

Частью этой системы становится и Россия. Петр I возвращается из Голландии с технологиями строительства морских кораблей, гаваней, каналов, фортификационных сооружений и каменных зданий. С ним приезжают голландские инженеры и менеджеры. Петр I пытается импортировать из Голландии не только технологии, но и способы организации производства, образ жизни, символику и институты обращения капитала. Проблема, однако, заключается, в отсутствии последнего. На учрежденной Петром по аналогии с Амстердамской фондовой бирже нечего было продавать.

В то время как в Российской империи усиливается абсолютная монархия, в Европе продолжают начатые Реформацией процессы, складывается Вестфальская политическая система, адекватная интересам национальных властвующих элит, и с начала XVIII века она обеспечивает стабильные политические условия воспроизводства национального капитала.

С точки зрения организации международной торговли этот мирохозяйственный уклад можно назвать торгово-монополистическим с целью отражения ведущей роли первой в мире транснациональной корпорации в организации международных торгово-экономических отношений того времени. Голландская Ост-Индская компания стала образцом для организации международной торговли, а впервые созданная в Голландии фондовая биржа и банк стали прототипом центральных институтов регулирования воспроизводства капитала во всех последующих мирохозяйственных укладах. Но их функции менялись, так же как и режимы международных торгово-экономических отношений.

Из торгово-монопольного мирохозяйственного уклада вырастают колониальные империи европейских государств, национальный

капитал которых подчиняет интересам своего воспроизводства целые регионы мира. В столкновениях между ними идет процесс формирования нового мирохозяйственного уклада, завершившегося наполеоновскими войнами. Их результатом стало возникновение общеевропейского экономического и правового пространства, а также создание устойчивой политической системы, адекватной интересам властвующих элит. К этому времени освоенные в Голландии технологии получили распространение в других европейских странах. Маленькая Голландия не могла более удерживать лидерство на фоне быстро развивающихся европейских великих держав. Спасаясь от военно-политических угроз на континенте, голландский капитал перемещался в тесно связанную с Голландией Англию, неся с собой передовые технологии, а также методы организации производства и торговли. Англия быстро развивала свой флот, строила каналы, расширяла мануфактурное производство. Под защитой монархии по образцу Ост-Голландской торговой компании были созданы английские – Ост-Индская, Вирджинская, Плимутская компании, ставшие крупнейшими торгово-промышленными корпорациями того времени.

«Скачок» в концентрации капитала создал условия для промышленной революции, начавшейся в Англии в конце XVIII века с создания ткацких фабрик на водной тяге. Становление фабричной системы оказалось возможным с широким применением института найма выпавших из общины лишенных земельной и какой-либо другой собственности рабочих и развитием соответствующих производственных отношений между капиталом и трудом. Быстрое расширение машинного производства в сочетании с безграничными возможностями найма дешевой рабочей силы позволило Англии совершить промышленную революцию и освоить механизмы производственно-технологической кооперации на основе машинных мануфактур, создать первый технологический уклад индустриального общества. Воспользовавшись ослаблением конкурентов в результате наполеоновских войн, Великобритания к середине XIX века

завершила процесс колониальных завоеваний, обеспечив себе глобальное лидерство в системе мирохозяйственных связей и создав возможности концентрации капитала любого масштаба. Под протекцией английской короны Ост-Индская компания и голландская Вест-Индская компания превратились в гигантские трансокеанские монополии, успешно осваивавшие колоссальные ресурсы Индии, Китая и Америки. Ориентированная на объективное разрешение хозяйственных споров судебная система обеспечила быстрое развитие гражданского права и конкуренции, исходя из защиты интересов частного предпринимательства. Это создало благоприятные условия для накопления капитала, которое перешло на качественно более высокий уровень с широким распространением акционерных обществ. Развитие институтов частного, акционерного и государственного капитализма открыло дорогу для строительства крупных объектов инфраструктуры и создания промышленных предприятий. Разрушение сельских общин и обезземеливание крестьян обеспечивало эти стройки и заводы дешевой рабочей силой. Тем самым были созданы условия для перехода ко второму технологическому укладу, основу которого составили паровой двигатель, угольная промышленность, черная металлургия, неорганическая химия, железнодорожное строительство.

Господство частного капитала закреплялось в политических институтах партийного представительства с ограниченным избирательным правом, которое гарантировало крупному капиталу благоприятные и стабильные условия расширенного воспроизводства. Технологическое лидерство обеспечивало высокую конкурентоспособность английской экономики, воспроизводящейся в рамках самого большого в мире рынка свободно обращающихся товаров.

Весь мир был разделен между европейскими колониальными империями, в рамках каждой из которых создавалась своя система воспроизводства капитала, защищенная институтами метрополии. На этом

основании данный мирохозяйственный уклад назван нами колониальным. По типу производственных отношений его можно было бы обозначить как рабовладельческий, если бы это понятие не укоренилось в марксистской теории исторического материализма как определение соответствующей социально-экономической формации времен Древнего Рима. Хотя масштаб применения рабского труда того времени не идет ни в какое сравнение с торговлей людьми и эксплуатацией рабов в глобальном масштабе в период Британского цикла накопления капитала.

Каждая из европейских империй пыталась создать привилегированные условия воспроизводства для своих капиталистов, конкурируя с другими за территории и коммуникации. Созданные в ходе предыдущего мирохозяйственного уклада институты накопления капитала были умножены на мощь государственного протекционизма глобальных колониальных империй. Сами эти империи были настроены на глобальную экспансию в целях максимизации пространства для расширенного воспроизводства капитала метрополии.

Выше этот мирохозяйственный уклад был назван колониальным по классификационному принципу принудительного раздела мира между европейскими колониальными империями.

С конца XIX века, по мере становления третьего технологического уклада, глобальное лидерство Великобритании стало размываться. Ее быстро догоняла Российская империя, не уступающая Великобритании по военной мощи и глобальному политическому влиянию. Она сохраняла традиционные институты абсолютной монархии и государственной религии, обеспечивающие политическую стабильность в условиях бурного развития промышленности, быстрого повышения образовательного уровня и социальной активности населения. Институты колониального мирохозяйственного уклада осваивались Российской империей под

контролем государства, направляя воспроизводство капитала в интересах укрепления его военно-политической мощи.

Отмена крепостного права и другие реформы Александра II упразднили ряд феодальных институтов, сдерживавших развитие рыночных отношений, и открыли возможности для быстрого роста промышленного производства на основе производственных отношений данного мирохозяйственного уклада. В конце XIX – начале XX века Россия перешла с траектории догоняющего развития в режим опережающего роста.

Наряду с расширением роста производств первого технологического уклада в России в это время началось быстрое становление технологических совокупностей второго технологического уклада (заметим, что в Англии второй технологический уклад формировался с 1820 по 1840–1848 гг.).

Одновременно с Россией бурно развивалась объединенная Бисмарком Германия, которая становилась мировым лидером в машиностроении, опираясь на свои институциональные особенности, обеспечивавшие удержание воспроизводства капитала в определенных государством границах, включая ограничение его вывоза и стимулирование освоения передовых технологий.

Великобритания ответила на этот вызов с европейской периферии развязыванием мировой войны, умело столкнув две поднимающихся сверхдержавы между собой.

Российско-Германский союз мог составить самую мощную в то время коалицию, способную стать доминирующей силой в мировой политике и удержать мир от войны, которая не была нужна этим странам, успешно развивавшимся на новой «длинной волне» экономического роста. Но война была нужна Великобритании, чтобы сохранить свое лидерство. Ей удалось разрушить российско-германский союз²⁵ и путем цепочки последовательных

25 Бьёркский договор – секретный русско-германский союзный договор, который был подписан во время встречи императора Николая II с германским императором Вильгельмом II 11(24) июля 1905 года у балтийского острова Бьёркё (недалеко от Выборга) на борту императорской яхты «Полярная звезда». Инициатива

интриг с физическим устранением влиятельных противников войны втянуть две родственные монархии в самоубийственную конфронтацию без существенных объективных причин. Ни убийство наследника австрийского престола, ни угроза автономии Сербии, ни иррациональная тяга к освобождению от турок Константинополя и захвата проливов не могут расцениваться в качестве веской причины для мировой войны. Она стала результатом изощренных интриг английской дипломатии, стремящейся сохранить мировое лидерство путем стравливания конкурентов.

Первая мировая война уничтожила главных соперников Англии в Старом Свете, что позволило ей расширить экономическое пространство воспроизводства капитала своей властвующей элиты за счет ликвидации институтов имперской государственности в Центральной Европе и удержать глобальные доминирующие позиции вплоть до середины XX века. К этому времени совершили «скачок» американские колонии европейских государств, освободившиеся от колониального гнета и объединившиеся в Соединенные Штаты, институты которых изначально формировались исходя из интересов крупного частного капитала. Избавленный от необходимости оплаты политической ренты в пользу монархии и аристократии, капитал получил безграничные возможности для расширения.

Все граждане США юридически считались равными, хотя их положение в обществе определялось величиной личного капитала.

США к концу позапрошлого столетия вышли на передовой уровень промышленного развития и одновременно с Великобританией приступили к формированию третьего технологического уклада на базе электротехнической промышленности.

В результате организованной английской дипломатией Первой мировой войны выиграли больше всех США. Как и Великобритания в эпоху

заключения договора принадлежала германской дипломатии, стремившейся разрушить русско-французский союз и предотвратить создание Антанты. С этой целью предполагалось превратить российско-германский союз в тройственный российско-германско-французский, направленный против Великобритании.

наполеоновских войн, вступив войну на завершающем этапе, США присвоили себе основные плоды победы. Они не только поучаствовали в новом разделе мира, но и приняли у себя сбежавшие от ужасов войны и последовавших за ней революций и гражданских войн в России, Германии и Австро-Венгрии умы, капиталы и сокровища. Переехавшие в США инженеры и ученые обеспечили американский капитал новейшими для того времени технологиями. США становились лидерами глобального технико-экономического развития. Они развернули крупномасштабное строительство энергетической, инженерной и транспортной инфраструктуры, соответствующей требованиям третьего технологического уклада, основанного на химико-металлургической промышленности, электрификации и электротехнике, дальнейшем развитии железнодорожного и судостроения.

В 1913 году была создана Федеральная резервная система, обеспечивавшая американскому капиталу неограниченные возможности кредита для глобальной экспансии.

Чуть позже США на новую «волну» экономического роста встала Советская Россия. Построенный на руинах Российской империи СССР создал институты централизованного планирования и организации производства, позволившие концентрировать ресурсы в невиданных до той поры масштабах. Советская система директивного планирования преодолела ограничения частного накопления капитала, подчинив денежное обращение задачам роста производства в политически задаваемых целях. Тем самым снимались институциональные ограничения расширенного воспроизводства экономики, которое могло теперь вестись в глобальных масштабах. В ходе Великой депрессии институты централизованного планирования и организации производства доказали свои преимущества по сравнению с задыхающимися от недостатка спроса и перепроизводства товаров корпорациями капиталистического мира.

Индустриализация и коллективизация в СССР сопровождались принудительным прикреплением людей к государственным средствам производства, что дало основание ряду наблюдателей для обозначения этих производственных отношений как государственного капитализма. Однако, в отличие от капитализма, целью производства в СССР стала не максимизация прибыли, а развитие производительных сил ради строительства общества социальных гарантий. Категория прибыли вообще потеряла смысл, а деньги превратились не более чем в один из инструментов директивного планирования.

Тем не менее, советская система централизованного планирования имела общую с американской федеральной системой способность к безграничному финансовому обеспечению глобальной экономической экспансии. Хотя оно осуществлялось на диаметрально противоположных отношениях собственности (в СССР для финансирования народнохозяйственных планов госпредприятий, а в США для рефинансирования частных корпораций) общей была принципиальная возможность безграничного расширенного воспроизводства в глобальных масштабах. Проявилась она в полной мере после Второй мировой войны, когда система расширенного воспроизводства капитала в США дополнилась обслуживающими ее глобальную экспансию международными экономическими институтами (ВТО, МВФ, Всемирным банком), а созданная СССР мировая социалистическая система была подкреплена Советом экономической взаимопомощи с переводным рублем в качестве международной валюты. Данный мирохозяйственный уклад может быть назван имперским, что подчеркивает глобальный характер составляющих его институтов и механизмов расширенного воспроизводства.

Из двух империй – советской и американской – доминировавших в большей части жизненного цикла этого мирохозяйственного уклада, первая представляла собой модернизированную Империю с традиционной системой ценностей, тогда как вторая по своей сути является антиимперией, в которой

властвующая элита использует государственные институты для защиты интересов расширенного воспроизводства принадлежащего ей капитала. Способность Империи к освоению генерируемых капиталом новых технологий и институтов, обеспечивающих его расширенное воспроизводство, европейские историки интерпретируют как догоняющую модернизацию, понимая под последней освобождение капитала от государственного контроля. Однако то, что они понимают под контрреформами, сдерживавшими эту модернизацию, по сути есть ни что иное, как восстановление институтов имперской государственности с целью обеспечения контроля над воспроизводством капитала.

В период Первой мировой войны этот мирохозяйственный уклад был в начальной фазе становления. Наряду с американской и советской моделью возникла германская модель Третьего рейха с национал-социалистической идеологией, представляющей собой доведенную до крайности характерную для колониального мирохозяйственного уклада дифференциацию людей на полноценных и рабов по этническому признаку. При этом фашистское государство заботилось об улучшении условий воспроизводства капитала, обеспечивая его бесплатной рабочей силой, выгодными военными закупками и доступным кредитом. Поэтому германский нацизм был спокойно воспринят западноевропейскими державами, колониальные империи которых также строились на расистской идеологии. Английский и американский капитал немало способствовали восстановлению и милитаризации экономики Германии.

В 1930-е годы прошлого века СССР и Германия вновь совершили технологический рывок, догоняя увязших в Великой депрессии США и Великобританию. Чтобы их остановить, англосаксы прибегли к испытанному приему столкновения поднимающихся с периферии лидеров между собой. При помощи американских корпораций и английской дипломатии гитлеровская Германия была подготовлена к войне. Пожертвовав своими союзниками – Польшей и Францией, – Великобритания толкнула

фашистскую Германию против СССР. США повторили свой успех, войдя, как и в Первую мировую войну в схватку на завершающем этапе и присвоив себе плоды победы в Западной Европе и на Тихом океане. Колониальные империи европейских стран развалились, и доминирование в капиталистическом мире перешло к американским корпорациям. Одновременно возник модернизировавший имперские институты социалистический мир, демонстрировавший высокие темпы развития и стремительно догонявший США.

Созданное англосаксонской дипломатией противостояние между двумя системами способствовало концентрации капитала в США. Таким образом, доминирование Великобритании окончательно закончилось в результате двух мировых войн прошлого столетия, повлекших разрушение европейских колониальных империй и переход лидерства в капиталистическом мире к США. Они захватили его в ходе формирования четвертого технологического уклада, базировавшегося на двигателе внутреннего сгорания, органической химии, автодорожном строительстве. Это лидерство было закреплено в период становления следующего — пятого - информационно-телекоммуникационного технологического уклада, основанного на микроэлектронике и программном обеспечении. Оно наряду с установлением монополии на эмиссию мировых денег обеспечило преимущества США в ходе гонки вооружений, подорвавшей технологически многоукладную экономику СССР.

Связанные с мировым «печатным станком» американские транснациональные корпорации завершили формирование этого мирохозяйственного уклада, идеологией которого стала либеральная глобализация.

Жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада проходил в борьбе между социалистической и капиталистической мировыми системами. В этой борьбе определились преимущества и недостатки Империи и Антимперии. Первая продемонстрировала способность к концентрации

ресурсов на основе широкого применения современных технологий для достижения политических целей, однако оказалась слишком инертной по отношению к генерированию и восприятию широкого потока нововведений, не связанных с этими целями. Вторая генерировала этот поток с ориентацией на получение прибыли новаторами, которых, однако, мало интересовали политические цели. Империя демонстрировала свое превосходство в достижении социальных и военных целей, а властвующая элита Антиимперии – в накоплении капитала и богатства за счет искусственной эксплуатации всего мира. Их взаимодействие обеспечило объединение мира вокруг глобальных институтов.

В XXI в. логика развития и смены технологических укладов создает предпосылки становления интегрального мирохозяйственного уклада.

Питирим Сорокин пытается обосновать неизбежность синтеза антиимперской и имперской систем в новом – интегральном – строе, объединяющем преимущества каждой из них и устраняющем их недостатки. Тем не менее, остается открытым вопрос, сохранится ли в новом мирохозяйственном укладе противостояние Империи и Антиимперии и удастся ли избежать при переходе к нему очередной мировой войны.

Глава 6.

Эволюция денег и их функции

Мы живем в переломный период: одновременно идет смена технологического и мирохозяйственного укладов.

Выше была изложена стратегия развития экономики исходя из теории технологических укладов. Страны, которые сумеют создать у себя хотя бы какие-то элементы «ядра» нового технологического уклада, выйдут на «длинную волну» его роста, получают возможность совершить экономическое чудо. Остальные, оставшись на периферии мировой экономики, будут оплачивать их развитие за счет занижения оплаты труда своего населения и вывоза природных ресурсов.

В настоящее время возможности финансирования становления нового технологического уклада за счет увеличения государственных расходов в США и ЕС крайне ограничены вследствие запредельной величины государственного долга. Бюджетные дефициты уже не могут быть достаточными для финансирования перехода к новому технологическому укладу, потому что бюджет современного государства переполнен социальными обязательствами. Столкнувшись с этим ограничением, денежные власти передовых стран перешли к денежной промышленной политике.

Вместо дефицита бюджета главным источником финансирования структурной перестройки экономики становится прямая денежная эмиссия. Данный переход связан с тем, что поменялось понимание природы денег за этот период. Как именно оно поменялось — это важнейший вопрос для понимания любых изменений в современной экономической политике.

В марксистской политэкономии деньги считаются товаром особого рода, обслуживающим воспроизводство капитала как самовозрастающей стоимости. В неоклассической «экономике» их сущность выхолащиваются до

меры стоимости и всеобщего эквивалента факторов производства. Ее вульгарная версия – монетаризм – фетишизирует деньги как своего рода божество, которое живет своей жизнью, определяя функционирование экономики. Даже авторитет людей в сознании капиталистического общества измеряется денежным эквивалентом их имущества или, как принято сейчас говорить, активов.

В действительности роль денег не сводится к их классическим функциям меры стоимости, средства платежа и способа сбережений. Их свойства меняются со сменой мирохозяйственных укладов.

Важнейшим институциональным нововведением имперского мирохозяйственного уклада, обеспечившим долгосрочные конкурентные преимущества лидировавшим в ходе его жизненного цикла странам, стало создание фиатных (фидуциарных) денег²⁶. Они эмитируются без какого-либо реального обеспечения, заменителем которого являются долговые обязательства соответствующих государств и корпораций. Поэтому они могут «печататься» без ограничений и под любой процент в интересах этих государств и их национального капитала.

Хотя ведущие страны мира используют фиатные деньги уже целое столетие, процесс их создания и обращения остается тайной для непосвященных, к числу которых относятся не только обыватели, но и правители многих стран мира, бизнесмены и даже ученые-экономисты,

²⁶ «Фиатные деньги (ФД) – это современный вид денег, номинальная стоимость которых устанавливается и гарантируется государством вне зависимости от стоимости материала из которого они изготовлены. Основным физическим свойством ФД, отличающим их от более ранних видов денег, является их нематериальность, позволяющая создавать их в неограниченных объемах и мгновенно перемещать в пространстве. Главной особенностью экономических свойств ФД является их необеспеченность, обусловленная их нематериальностью, что позволяет эмитентам создавать их буквально из ничего в условиях практической бесконтрольности». Определение приведено на основе следующих источников: <https://otyriba.livejournal.com/312078.html>; Голубовский Д., Отырба А. Азбука финансового суверенитета // Эксперт. 2011. №39 (772). Иными словами, ФД – это валюты, которые, несмотря на то, что их называют долговыми обязательствами, не подкреплены никаким официальным обеспечением. Их эмитенты не несут никакой ответственности ни перед кем. **Самой важной экономической функцией современных денег СД является их роль стимулятора экономической деятельности.**

принимающие американский доллар и другие популярные в мире валюты за чистую монету. На самом деле, все имеющиеся в настоящее время в мире национальные валюты ничем не обеспечены, их номинальная стоимость номинируется государством, а покупательная способность зависит от различных факторов, включая режим конвертируемости, инфляцию, ограничения на обращение. Вот почему эти деньги специалисты называют декретными, фиатными, фидуциарными, подчеркивая их отличие как от обращавшихся ранее обеспеченных золотом банкнот, отражавших реальную стоимость золотых и серебряных монет, так и от недавно появившихся криптовалют, стоимость которых защищается цифровым кодом и системой распределенного реестра совершаемых с ними операций.

В ныне существующей экономической теории нет общепринятой теории денег. Несмотря на обилие научных работ в этой области, она остается наиболее мистифицированной и запутанной не только для широкой публики, но и для специалистов. Последние, в зависимости от сферы своей хозяйственной деятельности фетишизируют разные функции денег.

В наиболее популярной среди народа сфере розничной торговли, где за деньги совершаются покупки потребительских благ, люди относятся к деньгам как к всеобщему товарному эквиваленту в духе классической и марксистской экономической теории, рассматривавшей деньги как товар особого рода. Именно это обывательское отношение к деньгам используют монетаристы, рассматривая их как золотые монеты. Такая интерпретация очень нравится банкирам, поскольку камуфлирует их деятельность по созданию денег. Люди относятся к получаемым в банках займам как товарным деньгам, обеспеченным реальными обязательствами кредитора. Если бы они понимали, что современная банковская система делает деньги из ничего, эмитируя их в силу установленных законодательством норм, возможно, они бы по-другому относились к банкирам и финансовой олигархии, приватизировавшей государственную функцию эмиссии национальной валюты.

Предприниматели, работающие в сфере материального производства, лучше других понимают природу современных денег, которыми они пользуются как средством финансирования оборотного и расширенного воспроизводства основного капитала. Они постоянно заимствуют деньги у банков и возвращают им с процентом за счет собственной прибыли. Они хорошо понимают манипулятивную природу финансовых рынков, цена денег на которых постоянно меняется, как и условия получения кредитов. Еще лучше возможности использования денег как инструмента кредитования развития экономики понимают сотрудники инвестиционных банков и фондов, а также институтов развития, фондируемых денежными властями. Они наглядно видят, как правильное вложение денег в развитие новых производств и освоение новых технологий дает самовозрастающую стоимость, под которую создаются новые деньги. Поэтому они весьма практично подходят к вопросам денежно-кредитной политики, широко используя эмиссию денег для финансирования инвестиций.

Но лучше всех в природе современных денег разбираются финансовые спекулянты, которые ежедневно торгуют денежными инструментами и знают мимолетность цен финансового рынка. Они умеют создавать деньги «из воздуха», манипулируя финансовыми активами и «надувая» финансовые «пузыри». Профессионально занимаясь созданием и стерилизацией денег, они хорошо понимают их фиатную природу и широкие возможности денежной эмиссии для перераспределения национального богатства и развития экономики.

И все же количество специалистов, разбирающихся в природе современных денег, очень невелико и они предпочитают помалкивать, используя свои «тайные» знания в личных интересах. Широкой публике, включая политическое руководство периферийных стран, деньги преподносятся в духе классической экономической теории двухсотлетней давности как золотые монеты. И, хотя золотого тельца из них отлить никто не пытается, люди именно так к ним относятся, фетишизируя денежные знаки.

Наиболее ценными из них считаются американские доллары, служащие всеобщим мировым эквивалентом. Не только простые обыватели, хранящие «зеленые» на черный день, но и руководители денежных властей периферийных стран всерьез воспринимают эмитируемые ФРС США цифры как эквивалент золота, стремясь увеличивать их количество подобно средневековым меркантилистам.

Мировая властвующая элита, извлекая гигантский сеньораж от эмиссии мировых валют, следит за тем, чтобы денежные власти 27 «периферийных» стран руководствовались примитивной трактовкой сущности денег. Это избавляет их от возможности использования своих национальных валют как инструмента финансирования инвестиций в развитие собственных экономик. Последние подсаживаются на голодный денежный паек в формате упомянутого выше «валютного правления», когда эмиссия национальной валюты жестко привязывается к приобретению мировой валюты. Таким образом экономика периферийных стран подчиняется потребностям метрополии в ее продукции и ставится в зависимость от внешних источников финансирования. Для оболванивания руководства периферийных стран используется наукообразная мифология так называемой количественной теории денег, запугивающая денежные власти опасностью самостоятельной эмиссии своей национальной валюты ее якобы неизбежным обесценением (инфляцией) в случае превышения денежной массой валютных резервов.

Количественная теория денег до сих пор превалирует в учебных курсах экономического образования и доминирует в сознании российских денежных властей, несмотря на очевидные катастрофические последствия ее практического применения. Собственно говоря, все бедственное положение нашей экономики во многом связано с тем, что ЦБ следует количественной теории денег в своей политике, которая носит довольно экзотический

²⁷

Под денежными властями понимается национальный центральный банк (или валютный совет) и правительство.

характер с точки зрения общемировой практики. Эта теория не отражает реальность и, если и имеет какое-то отношение к деньгам, то только к той их разновидности, которая в средние века существовала в форме золотых монет. Количественная теория денег явно не выдерживает критики, но она заслуживает внимания, потому что до сих пор является визитной карточкой международного валютного фонда, навязывается всем периферийным странам, а также российским денежным властям, которые уже много лет следуют этой вульгарной концепции.

Символическим выражением количественной теории денег является широко известное уравнение Фишера²⁸, придуманное им сто лет назад и кочующее с тех пор по страницам экономических учебников:

$$MV = PY,$$

где M – денежная масса, V – скорость ее обращения, P – уровень цен, Y – количество товаров. Оно подкупает своей простотой, хотя не имеет, никакого реального смысла.

Во-первых, оно не имеет практического значения, потому что все его параметры, за исключением денежной массы, неизмеримы. На практике вместо количества товаров используется ВВП, а уровень цен интерпретируется как изменение потребительских цен, что и объявляется инфляцией.

Во-вторых, это уравнение по своей сути является тождеством, которое соблюдаются в гипотетическом состоянии экономического равновесия, в котором оптимизированы объемы производства товаров, спрос соответствует предложению, мощности все загружены и все хозяйствующие субъекты получают одинаковую нулевую прибыль. При этом смещение с этого состояния равновесия подавляется механизмами экономической конкуренции. Но такого состояния в реальной экономике не бывает. Состояния равновесия реальная экономика никогда не только не достигает, но даже и не стремится к нему. Она движется от одного аттрактора, т.е. точки притяжения, к другому,

²⁸

Фишер И. Покупательная сила денег. М.: НКФ СССР, 1926.

при этом постоянно меняет свою траекторию, меняется постоянно набор товаров.

В-третьих, скорость обращения фиатных денег в рыночной экономике невозможно измерить и, поскольку данная формула является тождеством, скорость обращения денег обычно вычисляется как объем ВВП, который условно считается показателем денежного эквивалента товарной массы, деленный на объем денежной массы.

Из сказанного следует, что для практического применения формула Фишера непригодна, так как ничего, в сущности, не объясняет и одни ее параметры выводятся из условных эквивалентов других. Тем не менее, хотя данное тождество не поддается верификации, оно принимается как аксиома, из которой выводятся важнейшие постулаты количественной теории денег. На этом основании формулируются рекомендации в отношении макроэкономической политики, исходя из прямо пропорциональной зависимости между приростом количества денег и темпом инфляции.

Почему же количественная теория денег столь популярна среди денежных властей периферийных стран? Дело в том, что она дает им простую и правдоподобную аргументацию для оправдания жесткой денежной политики. Эта политика сводится к ограничению количества денег, которые искусственно делаются дефицитным и дорогим универсальным ресурсом. Она наделяет владельцев денег огромной властью без какой-либо ответственности за их использование для развития экономики. Из этого, собственно, и вытекает право денежных властей распоряжаться деньгами как золотым запасом, что и составляет основу их могущества.

Апологеты количественной теорий денег утверждают, что, если мы, при прочих равных, увеличиваем количество денег в экономике, то у нас растут цены. Но что значит, «при прочих равных»? Это означает, что у нас неизменными остаются все параметры. То есть скорость обращения денег не меняется, объем производства товаров тоже не меняется. При таких предпосылках из формулы Фишера возникает линейная зависимость между

количеством денег и уровнем цен. Эта довольно примитивная и поверхностная трактовка имеет очень много последователей. Людям кажется, что это очевидно: чем больше мы накачиваем экономику деньгами, тем, согласно этой линейной модели будет выше уровень цен. Действительность, однако, куда сложнее и разнообразнее.

При внесении в формулу Фишера зависимостей, отражающих реальные экономические процессы, переменные данного тождества способны изменяться независимо друг от друга. В реальности экономика никогда не воспроизводит равновесия; в каждый момент времени она переходит в новое состояние со своими значениями переменных монетаристского тождества. Вопреки мнению монетаристов, цены могут расти и снижаться при неизменности всех остальных переменных, включая объем денежной массы. При этом может происходить как увеличение, так и уменьшение предложения товаров в зависимости от содержания происходящих в экономике процессов.

Внедрение новых технологий влечет за собой снижение цен, в то время как злоупотребления монополистов вызывают их повышение.

Возьмем типичную для российской экономики ситуацию последовательного повышения тарифов на природный газ, электроэнергию и тепло, рост которых вдвое опережает инфляцию. Монополии в этих сферах ежегодно накапливают сверхприбыль, которая может направляться на инвестиции внутри страны или за рубеж.

Нередко происходит рост цен при снижающемся объеме денежного предложения (при условии привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты Центральным банком, как это и происходит в России). Именно такая картина наблюдалась в первой половине 1990-х годов: цены росли на фоне сжимающейся денежной массы при вывозе получаемой монополистами сверхприбыли за рубеж.

Если сберегаемая сверхприбыль вывозится за рубеж и при этом валюта приобретается у Центрального банка при неизменном обменном курсе, то сокращается объем денег в экономике.

Несоответствие количественной теории денег реальности, игнорирование ею ведущего фактора экономического роста – НТП так же, как и обратных связей между денежным предложением и ростом производства, влечет бессмысленность всех практических выводов и рекомендаций этой теории, включая излюбленные монетаристами догмы, сформулированные М. Фридменом и другими экономистами-представителями «чикагской школы» еще в конце 1950-х гг. Главными источниками трудностей и кризисов они объявили внешние факторы и вмешательство государства в экономику. Из этого следовала необходимость свести к минимуму регулируемую роль государства. Главным механизмом экономического регулирования при таком подходе становится денежно-кредитная политика. При этом важной составляющей макроэкономической политики монетаристы определили ограничение заработной платы, так как именно она оказывает решающее влияние на цены.

Монетаристы находят псевдонаучные объяснения катастрофическим результатам применения их рекомендаций на практике. Вызываемый «сжатием» денежной массы спад производства и рост безработицы интерпретируются ими как закономерная плата за снижение инфляции. Задолго до пагубных последствий этой политики в России Г. Мэнкью называл глубокий спад производства из-за сокращения инфляции «шоковой терапией». В действительности, однако, если инфляция и снижается вслед за падением спроса, то, как правило, ненадолго. «Сжатие» денежной массы порождает стагфляцию – одновременное падение производства и инвестиций при росте инфляции и безработицы. Многочисленные исследования так и не выявили статистически значимой зависимости между приростом денежной массы и инфляции – как в постсоциалистических, так и в развитых капиталистических экономиках. Зато четко прослеживается устойчивая

статистически подтверждаемая связь между сокращением объема денежной массы, с одной стороны, и падением производства и инвестиций, с другой стороны²⁹.

Исходя современного системного подхода к управлению, монетаризм больше похож на своеобразную религию, чем на науку. С идеологической точки зрения он является анахронизмом, пережитком магического мировоззрения, стремящегося редуцировать все сложные явления социально-экономической реальности к простой сущности – в данном случае, к количеству денег. Политику монетаризма можно сравнить со средневековой практикой лечения любой болезни кровопусканием. Подобно современным монетаристам, сводящим каждую макроэкономическую проблему к избытку денег, средневековые эскулапы объясняли причины всех болезней избытком «дурной крови». Последствия их лечения, как и у монетаристов, заканчивались если не летальным исходом, то крайним ослаблением организма.

Монетаризм извлекли из архива экономической мысли полстолетия назад в результате критики доминировавшего до той поры кейнсианства, которое не смогло ни предвидеть кризис мировой капиталистической экономики в 70-е гг. прошлого века, ни растолковать предпосылки его возникновения. Последние приписали самой неокейнсианской доктрине, обвинив государство в избыточном регулировании экономики. Возникший четверть века назад распад мировой системы социализма стал триумфом для монетаристов, узревших в этом практическое подтверждение своих взглядов о вредности государственного вмешательства в экономику. Монетаристская теория была взята на вооружение МВФ в качестве ключевого элемента доктрины «Вашингтонского консенсуса», которая стала основой для проведения экономической политики в большинстве стран с переходной экономикой.

29 Обучение рынку / Под ред. С. Глазьева. М.: Экономика, 2004.

Но как кейнсианская доктрина оказалась бессильной перед кризисом 1970-х гг., так и монетаристская теория не могла объяснить ни катастрофические результаты ее применения в России и других постсоветских республиках, ни азиатский кризис 1998 г., ни мировой финансовый кризис 2008 г. Ведущие капиталистические страны-эмитенты мировых резервных валют быстро отказались от монетаристской доктрины, принявшись вытаскивать свои экономики из кризиса прямо противоположным способом – при помощи безудержной денежной эмиссии. Вопреки монетаристской теории это не повлекло «всплеска» инфляции, но и вопреки кейнсианской доктрине, не обеспечило подъема экономики.

Наглядным позитивным примером отказа от догм неоклассической доктрины стала политика Л. Эрхарда, автора западногерманского экономического чуда после войны. В отношении рекомендаций монетаристов он писал: «Валюта приобретает примат перед экономикой, которым она никоим образом не владеет. Нашей первой и единственной заботой должно быть экономическое благосостояние, а валютно-технические меры оправданы только тогда, когда они безусловно служат достижению этой цели. Валюта не является чем-то, что стоит на одной ступени с экономикой, она является одним из ее вспомогательных механизмов»³⁰. Он считал необходимым расширение кредита для роста производства в ситуации неполного использования имеющихся производственных мощностей. Причем он осознавал границы подобного расширения: «Между инфляцией и объемом денег, которые находятся в обращении, нет никакой причинной связи, инфляция порождается только тем, что в среднесрочном плане или непосредственно могут возникать доходы от деятельности, которая не приносит реальной пользы экономике»³¹.

Еще более четко взаимосвязь между денежным предложением и динамикой производства охарактеризовал Дж. Кейнс: «Если имеет место

³⁰ Эрхард Л. Полвека размышлений. М.: Руссико-Ордынка, 1993.

³¹ Там же.

неполная занятость факторов производства, степень их использования будет изменяться в той же пропорции, что и количество денег; если же имеет место их полная занятость, то цены будут изменяться в той же пропорции, что и количество денег»³².

Как уже было сказано, сегодняшние фиатные деньги ничем не обеспечены, кроме обязательств. Центральный Банк печатает деньги под обязательства государства или обязательства бизнеса. В концепции Кейнса – это обязательство по наращиванию объемов производства. Именно такой механизм был реализован в послевоенной Европе. Центральные банки ведущих европейских стран создавали деньги под векселя предприятий и, соответственно, предприятия брали на себя обязательства эти деньги использовать для расширения производства под контролем коммерческих банков. Таким образом, денежная эмиссия проходила через расширение производства в форме предоставления и возврата кредитов и не сопровождалась инфляцией.

Как следует из изложенного выше, нет никакой прямой линейной и даже монотонной зависимости между количеством денег и инфляцией. Все определяется тем, как соотносится прирост денежной массы с имеющимися производственными ресурсами. Теоретически существует оптимальный уровень количества денег, необходимых для воспроизводства экономической системы с минимальной инфляцией. Поэтому попытки бороться с инфляцией путем сокращения количества денег не могут принести долговременного положительного результата. Впрочем, снижение инфляции не может считаться критерием эффективности государственной политики развития экономики.

Считающийся классиком современной экономической теории П. Самуэльсон утверждал: «Будет ли кто-то беспокоиться об инфляции? Будет ли эффективность использованных ресурсов или реального ВВП немного высшей или низшей? Ответ на оба вопроса таков: нет. Инфляция, которая

³² Кейнс Дж. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.

является и сбалансированной, и предусмотренной, не оказывает влияния на реальный объем производства, эффективность или распределение дохода»³³. Позже было показано, что умеренная инфляция (до 20% в год) не становится препятствием для экономического роста³⁴. В то же время, инфляция свыше 40% негативно влияет на экономический рост³⁵. Прояснить взаимосвязь между инфляцией и экономическим ростом позволили исследования под руководством Р. Нижегородцева³⁶, выполненные на данных более 30 стран. Результат обобщения полученных моделей позволяет определить для большинства государств предельно допустимый уровень инфляции, не превышая которого, можно поддерживать устойчивое возрастание темпов роста ВВП. Причем, как замечают авторы, «разумные, допустимые пределы изменения ключевых макроэкономических параметров должны быть неодинаковыми для различных стран, их значения следует определять на основе конкретных, индивидуальных траекторий экономической динамики. Любая национальная экономика является сложной системой. В каждой стране она отличается своеобразием. Не существует на самом деле одинаковых экономик и для каждой национальной экономики существуют свои параметры развития и свои устойчивые состояния, в том числе свои параметры инфляции, соответствующие максимально возможным темпам экономического развития.

Например, высокая инфляция говорит о низкой эффективности и о неудовлетворительном качестве госрегулирования, высокой его коррумпированности, неразвитости конкурентных механизмов. Это некий показатель неудовлетворительной работы как государства, так и рыночных механизмов. Тем не менее, попытки сбить инфляцию в этой ситуации у нас

³³ Самуэльсон П., Нордгауз В. Макроэкономика. К.: Основы, 1995.

³⁴ Полтерович В. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. №6.

³⁵ Найденов В., Сменковский А. Инфляция и монетаризм. Уроки антикризисной политики. Киев: ОАО БЦКФ, 2003.

³⁶ Нижегородцев Р., Горидько Н., Шкодина И. Институциональные основы теории финансов: современные подходы. М.: ИНФРА-М, 2014.

приводят к падению темпов экономического роста, вследствие зависимости между уровнем денежной массы и объемом валового продукта. Чем больше объем ВВП, тем больше объем денежной массы, который его обслуживает.

Не подтверждается и догма монетаристской доктрины о прямо-пропорциональной зависимости между приростом денежной массой и инфляцией. Проведенный на обширном статистическом материале анализ отношения объема денежной массы к ВВП (монетизации экономики) и инфляции развеивает всякие иллюзии относительно необходимости ограничения денежной массы для успешного осуществления макроэкономической стабилизации. Лидерами по показателю роста монетизации экономики являются Япония и Китай, где объем М2 превысил уровень ВВП в 1,5-2 раза³⁷ и денежная масса в периоды экономического подъема росла на 20-40% в год, сопровождаясь дефляцией.

Исследования, проведенные экспертами Всемирного банка, также опровергли данную догму, показав наличие вполне определенной обратной зависимости между количеством денег в обращении (денежная масса в процентном отношении к ВВП) и уровнем инфляции: чем меньше денег в обращении, тем выше, судя по межстрановым сопоставлениям, темпы инфляции³⁸. Этот факт также противоречит привычным монетаристским представлениям.

В ходе долгосрочного развития мировой экономики как процесса смены мирохозяйственных укладов эволюция денег прошла несколько этапов. Если фиатные деньги стали органичным институтом имперского мирохозяйственного уклада, обеспечив необходимое для развития промышленности расширение кредита, то для классического колониализма и связанного с ним мирохозяйственного уклада были характерны обеспеченные золотом банкноты, поддерживавшие торгово-экономический оборот между

³⁷ Обучение рынку / Под ред. С. Глазьева. М.: Экономика, 2004.

³⁸ Бугалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику (Исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам). М.: Таурус-Альфа, 1997.

различными странами с неразвитым или даже отсутствующим денежным обращением посредством системы взаимосвязанных банкирских домов.

С переходом к интегральному мирохозяйственному укладу появляются цифровые деньги, защищенные соответствующими новому технологическому укладу способами кодирования и обращения. Происходящая в настоящее время цифровая революция в денежном обращении имеет эпохальное значение. Возникновение нового типа денег случается крайне редко и знаменует собой новый этап в развитии не только денежного дела, но и экономики в целом.

Так, начавшийся полтысячелетия назад переход от металлических денег к бумажным банкнотам посредством появления и развития банков открыл возможности бесконечного накопления капитала, а также совершения международных финансовых операций. Без этого инструмента не мог бы развиваться капитализм, не совершилась бы промышленная революция, не возникло бы индустриальное общество, не произошла бы урбанизация, и не было бы постоянно расширяющего наши возможности научно-технического прогресса. Уже более двух веков в мире господствуют бумажные деньги, применяя которые миллиарды людей связаны в бесконечных процессах производства, обращения и потребления товаров и услуг. Без них невозможно представить себе современное государство, использующее национальные бумажные деньги как основу национальной финансовой системы, главный инструмент контроля и распределения благ и символ суверенитета.

Появление компьютеров, оснащение финансовой сферы вычислительной техникой и средствами телекоммуникаций повлекли вытеснение бумажных денег их безналичным эквивалентом – записями цифр на банковских счетах. Это произошло естественным образом и не вызвало больших потрясений, поскольку безналичный денежный оборот возник одновременно с появлением банкнот и выпускавших их банков. Последние вели учет денежных операций и обеспечивали денежное обращение посредством записей на банковских счетах. До компьютеризации банковского

дела это осуществлялось банковскими служащими вручную на бумажных носителях. С появлением ЭВМ записи стали фиксироваться в памяти компьютера и еще некоторое время дублировались на бумажных документах. По мере развития программного обеспечения и средств передачи данных функции операторов брала на себя вычислительная техника, системы резервирования и защиты данных делали ненужными бумажные носители. Но, по сути, характер этих операций не менялся – это были те же записи на банковских счетах, что и на бумажных носителях, только совершавшиеся не ручкой на бумаге, а автоматизированными компьютерными алгоритмами.

Принципиальным отличием недавно появившихся цифровых денег (криптовалют) от используемых в настоящее время является не их безбумажная (электронная) форма, а отсутствие банков в качестве их эмитентов. Они не отражаются на банковских счетах, их эмиссия осуществляется посредством компьютерного алгоритма, защищенного от копирования средствами криптографии. Если связанные с обращением банкнот безналичные деньги по своей сути означают не более чем права требования владельцев счетов в банках к получению денег, то цифровые деньги имеют однозначную идентификацию и жесткую привязку к своему владельцу. Их обращение обеспечивается не банками, а компьютерной сетью (в настоящее время, как правило, Интернетом) посредством многократной фиксации всех операций в распределенном реестре (блокчейн). Проходя через множество транзакций, каждая цифровая денежная единица сохраняет свою уникальность и всегда идентифицируется компьютером на предмет своей принадлежности.

Будучи по форме электронной, каждая единица цифровых денег обладает уникальным номером, что делает ее похожей на банкноту. Но если банкноты обращаются обезлично, они могут быть украдены или подделаны, то любые операции с цифровыми деньгами фиксируются компьютером. При правильной организации алгоритма их обращения они не могут быть подделаны или украдены.

Таким образом, новые цифровые деньги не только сочетают преимущества нынешних безналичных (удобство обращения и накопления) и наличных (нумерация) денег, но и имеют принципиально отличительные свойства, которые и делают их новым типом денег. Во-первых, они эмитируются не банками, а компьютерными алгоритмами, их дальнейшее обращение и сохранность не зависят от эмитента. Во-вторых, каждая цифровая денежная единица имеет уникальный номер и не обезличивается в процессе обращения. В-третьих, все транзакции с каждой цифровой денежной единицей фиксируются и хранятся в сети.

В настоящее время все известные цифровые деньги, начиная с биткойна, именуются криптовалютами и эмитируются частными лицами. Одни участники рынка видят в этом преимущество свободы от государственного регулирования. Другие, наоборот, считают их инструментом «раздувания» финансовых «пузырей» и отмывания денег. Денежные власти всех стран относятся к ним настороженно, отказываются признавать их деньгами и, как правило, не разрешают их использование в качестве средств платежей и расчетов. Но эта ситуация продлится недолго. Все больше государств заявляют об эмиссии национальной цифровой валюты.

История денежного обращения свидетельствует о том, что каждый раз новый тип денег изначально эмитировался частными предпринимателями и лишь затем монополизировался государством. Так, чеканка монет велась в Древнем и даже Средневековом мире разнообразными субъектами, пока государства не централизовывали эту функцию вместе с присвоением эмиссионного дохода (сеньоража) и не устанавливали монопольное право на обращение только своей монеты на подконтрольной территории. Так же и банкноты поначалу выпускались частными банками, пока государства не ввели национальные валюты и не монополизировали функцию их эмиссии за своими национальными (центральными) банками. Каждый раз национализация денег сопровождалась преодолением сопротивления их частных эмитентов, которое подавлялось государствами силой и

оформлялось законодательным образом. Достаточно взглянуть на типичную для современных государств норму российского законодательства, запрещающую эмиссию денег всем, кроме Банка России: это прописано в статье 75 Конституции России.

Из этой закономерности есть одно исключение, подтверждающее правило – эмиссия доллара ФРС США. Последняя была учреждена более столетия назад американскими частными банками. Однако регулирование эмиссии американской национальной валюты ведется ФРС на основании законодательно установленных процедур, главным образом, под покупку казначейских обязательств правительства США. Тем самым именно государству достается львиная доля сеньоража, за счет которого американские власти финансируют гигантский дефицит бюджета, равный объему их военных расходов.

Создание современных фиатных (фидуциарных) денег является самым доходным видом экономической деятельности из всех когда-либо существовавших на Земле. Таковым его делает возможность получения эмиссионного дохода (сеньоража) – разницы между себестоимостью создания денег и номиналом. Образуется сеньораж и снимается лишь однажды – при первой транзакции – и уходит в пользу того, с кем эмитент её осуществляет. Сумма же эмиссионного дохода, образующаяся при создании фидуциарных денег, особенно безналичных, практически равна всей сумме эмитируемых денег.

Поскольку сеньораж достаётся тому, с кем эмитент денег осуществляет первую транзакцию, суверенные страны осуществляют её исключительно с резидентами, что позволяет оставлять эмиссионный доход у себя в стране.

В процессе создания денег странами, находящимися в колониальной или неоколониальной зависимости, первой транзакцией является покупка валюты метрополии, в результате чего эмиссионный доход уходит в пользу страны, валюту которой выкупает эмитент. Данная операция позволяет

латентно выводить из страны основу эмиссионного дохода, являющегося преобразованной формой добавленной стоимости. Именно это происходит в России и большинстве других постсоветских государств, центральные банки которых действуют по рекомендациям МВФ, ограничивая эмиссию национальных денег приобретением иностранной валюты в свои резервы. Но деньги, создаваемые через покупку иностранных валют, не только не способны обеспечить развитие, но и становятся инструментом скрытого ограбления, они обескровливают экономику зависимых стран, подрывают их финансовый и политический суверенитет.

Современная денежная система формировалась на основе монополизации государством эмиссии бумажных денег, изначально проводившейся частными банками в форме их банкнот, означавших ни что иное, как обязательство банка выплатить реальные (золотые или серебряные) деньги по их предъявлению владельцу. Деньгами тогда считали золотые и серебряные монеты. Соответственно и государства, национализировав выпуск бумажных денег и учредив для их эмиссии государственные банки, поначалу гарантировали их обмен на золото, централизовав в госбанках соответствующий объем золотых резервов. Однако эта традиция просуществовала недолго.

С одной стороны, продолжали работать частные банки, перешедшие на проведение операций в национальной валюте. При этом они сохранили функцию эмиссии своих обязательств, которые теперь эмитировались в форме национальной валюты и автоматически становились обязательствами государства. В этой двухуровневой банковской системе государственный центральный банк выполняет функцию кредитора последней инстанции, гарантируя вкладчикам частных банков сохранность их денег. Однако, сколько бы государство ни ограничивало аппетиты частных банкиров, они всегда эмитировали денег больше, чем принимали. Скрываясь под образом финансовых посредников, частные банки сохранили, хоть и в ограниченном виде, возможность эмиссии денег. Мультиплицируя их количество,

банковская система может выходить далеко за пределы имеющихся в центральном банке золотых резервов³⁹.

С другой стороны, государства, сталкиваясь с непреодолимой потребностью увеличения расходов, в том числе на чрезвычайные нужды, связанные с войнами и другими бедствиями, эмитировали для их финансирования больше денег, чем имели золотых резервов. Хотя к золоту добавлялись иные ликвидные ценности, включая обязательства иностранных государств в их национальных валютах, финансирование дефицита государственного бюджета в ведущих странах мира требовало все большей денежной эмиссии.

По мере того как совокупный объем денежной эмиссии все больше отдалялся от величины золотовалютных резервов центрального банка, национальные деньги становились фиатными – не обеспеченными ничем, кроме обязанности государства гарантировать их функции и поддерживать покупательную способность. Сегодня таковыми являются все национальные валюты. Даже если объем денежной базы некоторой национальной валюты не превышает имеющихся в центральном банке золотовалютных резервов, современное государство не берет на себя обязательств по обмену своей

39 Банковский мультипликатор – это увеличение денежной массы (мультипликация денег) в результате депозитно-кредитных операций коммерческих банков. Этот процесс регулируется центральными банками в рамках денежно-кредитной политики с помощью нормативов обязательного резервирования. Мультипликация денежной массы возможна только для банковской системы в целом, но не для отдельного банка. Предположим, ставка обязательного резерва для кредитных организаций установлена в размере 5%. Тогда если клиент банка размещает депозит в размере 1 тыс. руб., то 50 руб. остаются на корреспондентском счете в ЦБ, а 950 поступают в распоряжение банка и выдаются в кредит. Кредитор их тратит, и они попадают на счет в другой банк. Из полученной суммы вторая кредитная организация 5% переводит в резерв, а на остальные 95% вновь выдает ссуду. И так далее. В результате количество безналичных денег в банковской системе многократно увеличивается. Это процесс также называют кредитным расширением, или эмиссией кредитных денег банковской системой.

Таким образом, при изначально неизменной денежной базе осуществляется увеличение или уменьшение денежной массы, а коэффициент банковской мультипликации может быть рассчитан как отношение денежной массы (агрегат M2) к денежной базе.

Увеличение процента обязательного резервирования уменьшает возможности банковской системы по эмиссии кредитных денег и наоборот.

валюты на золото по фиксированному курсу. Последний раз такой обмен гарантировало правительство США – до тех пор, пока в 1965 г. Франция не потребовала в соответствии Бреттон-Вудским соглашением обмена накопленных ею долларов на золото по зафиксированному в этом соглашении курсу. Дефолт США по данному обязательству ознаменовал окончательный конец эпохи золотых денег. С тех пор все обращающиеся в мире денежные знаки являются фиатными. Они создаются без какого-либо реального обеспечения, заменитель которого представляют собой долговые обязательства соответствующих государств и корпораций. Поэтому они могут эмитироваться без каких-либо ограничений и под любой процент в интересах этих государств и в соответствии с целями проводимой ими экономической политики.

Часто ошибочно за обеспечение той или иной национальной валюты выдают объем золото-валютных резервов эмитирующего ее центрального банка. Это частный случай действия специального механизма, связывающего эмиссию национальной валюты с приобретением определенных иностранных валют. Этот механизм, известный как «валютное правление», является способом привязки экономики использующих его стран к потребностям страны, эмитирующей эту определенную валюту. Он является порождением колониального мирохозяйственного уклада, обслуживающим эксплуатацию колониально зависимых стран метрополиями. Сегодня он используется в исключительных случаях, включая Россию, хотя и всячески рекламируется МВФ в привязке к доллару США, интересы которых эта организация собственно и обслуживает.

В общем случае золотовалютные резервы никак не связываются с объемом эмиссии соответствующей национальной валюты и служат только для поддержания стабильности ее обменного курса. Поэтому расчет их минимально желательного объема привязывается к торговому балансу, а не к денежной базе. Считается, что их должно быть достаточно для

финансирования полугодичного импорта, чтобы демпфировать колебания на валютном рынке, связанные с внешнеторговой конъюнктурой.

Значение использования фиатных денег для развития современной экономики можно сравнить с открытием философского камня, о котором мечтали средневековые алхимики. Средние века отличались от периода современного экономического роста, начавшегося с момента первой промышленной революции в конце XVIII века, отсутствием научно-технического прогресса и кредита, обеспечивающего финансирование инвестиций в освоение новых технологий и авансирование расширения производства. Деньги можно было занять только у ростовщиков под сверхвысокий процент, доходивший до 50, а порой и до 100% годовых. Очевидно, что такие кредиты нельзя использовать для расширения производства, рентабельность которого редко превышала 15%, и тем более для финансирования инвестиций в его развитие, средняя доходность которых многие века колеблется в интервале 3-7%, составляя в среднем около 5%⁴⁰. Именно изобретение государственной кредитной системы, позволившей за счет эмиссии национальных денег создать безграничный источник финансирования роста производства и инвестиций в его развитие, сделало реальным появление крупной промышленности и открыло возможности безграничного НТП.

Разумеется, одной эмиссии кредитных ресурсов недостаточно для экономического роста. Необходимы институты, обеспечивающие трансформацию кредита в расширение производства и инвестиции; научно-технический и человеческий потенциал, способный их материализовать в инженерно-технических и организационных процессах; а также механизмы ответственности за эффективное использование и возвратность кредитных ресурсов. Но без наличия последних развитие современной экономики невозможно. Если их не хватает для поддержания расширенного

⁴⁰

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2015.

воспроизводства, экономика деградирует. Если кредит становится слишком дорогим, экономика перестает развиваться.

По своей сути кредит является универсальным инструментом авансирования экономического роста. А проценты за кредит следует рассматривать как обременение экономического роста, аналогичное налогу – только выплачиваемому не в общественных интересах, а в частных интересах банкиров. Классик теории развития экономики Й. Шумпетер метко назвал процент налогом на инновации⁴¹. Чтобы его снизить, открыв возможности для развития производства, государство в передовых странах регулирует эмиссию денег в целях кредитования роста деловой активности в перспективных направлениях развития экономики.

Следует заметить, что создание современных фиатных денег является самым доходным видом экономической деятельности благодаря получению эмиссионного дохода, который достается тому, с кем эмитент денег осуществляет первую транзакцию⁴². Вот почему первые попытки организации государственных центральных банков и систем регулирования банковской деятельности предпринимались частными банкирами, пытавшимися приватизировать сеньораж от эмиссии национальных денег. Делалось это посредством использования «кредитного рычага», позволявшего коммерческим банкам выдавать кредиты больше суммы их капитала и депозитов, а также их рефинансирования центральным банком. Сеньораж при такой схеме денежной эмиссии доставался, в основном, коммерческим банкам за вычетом взимаемых центральным банком процентов. Государство, однако, относительно быстро поставило распределение сеньоража под свой контроль, пытаясь его использовать в общественных интересах, включая финансирование дефицита бюджета и кредитование роста экономической активности. В то же время достоинства фиатных денег

⁴¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. В.С. Автономова. М.: Прогресс, 1982.

⁴² Отырба А., Кобяков А. Как побеждать в финансовых войнах. Альманах «Однако». Июнь-июль 2014 г. № 174.

– бесплатность эмиссии и легкость обращения – могут быстро перейти в недостатки, если государство не контролирует процесс их создания.

В настоящее время основным способом создания денег в странах Запада является их эмиссия центральным банком для приобретения государственных долговых обязательств. Например, в США таким образом выпускается более 90% долларов. Делается это следующим образом. Каждый год в США принимается бюджет. Бюджет вносится администрацией президента, представляется в конгресс. В этом бюджете всегда есть дефицит, который не покрывается налоговыми поступлениями и финансируется за счет займов на финансовом рынке. Для этого казначейство планирует объем облигаций, который нужно выпустить, согласовываемый специальным органом, контролирующим от имени конгресса операции на финансовом рынке. ФРС планирует соответствующий объем эмиссии долларов под покупку этих облигаций. На финансовом рынке они встречаются – правительство продает облигации, ФРС их покупает (рис. 4). Объем эмиссии денег постоянно растет, потому что растут расходы бюджета на обслуживание и погашение ранее выпущенных облигаций. Иными словами, эмиссия доллара, опосредованная покупкой казначейских обязательств, строится по принципу финансовой пирамиды: новые обязательства выпускаются для покрытия старых в геометрической прогрессии.

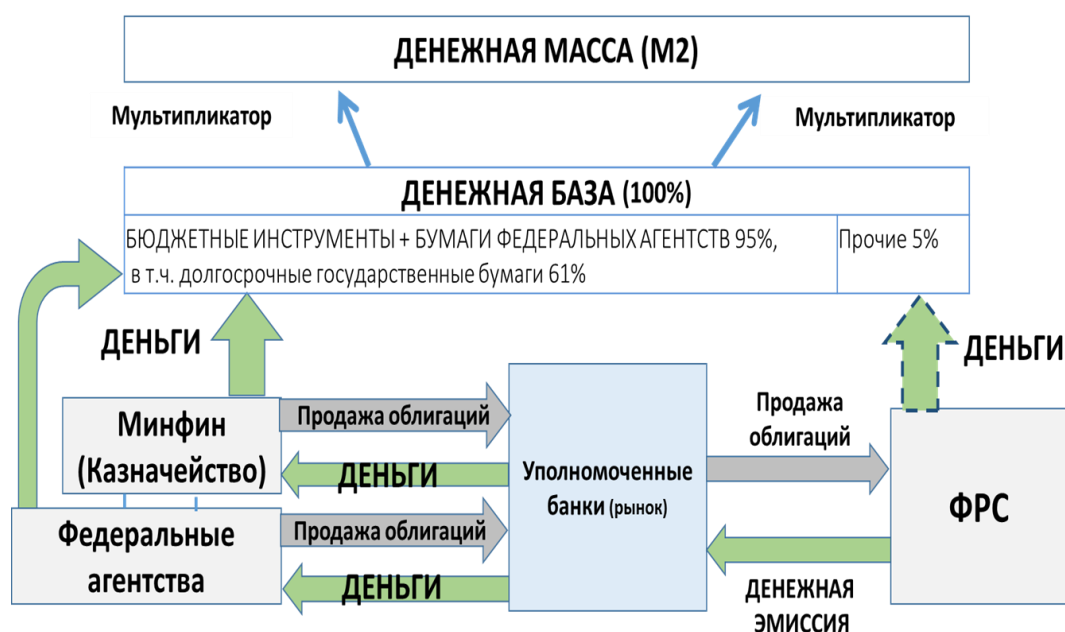

Рис. 4. Схема денежной эмиссии в США
(Источник: Ершов М. по данным ФРС США)

Нарастающий над США «денежный навес» усугубляется эпизодами эмиссии долларов для поддержки избранных частных банков. После начала мирового финансового кризиса в 2008 г. ФРС США «заливает» нарастающие дисбалансы в долларовой финансовой системе денежной эмиссией, которая ведется уже не только под долговые обязательства государства, но и под спасение крупных частных банковских посредников.

Аналогичным образом устроена эмиссия евро. Европейский центральный банк эмитирует деньги под приобретение долговых обязательств государств зоны евро. Особенности политики ЕЦБ при столкновении с глобальным финансовым и долговым кризисами стало сочетание традиционной монетарной политики, учитывающей особенности и задачи ЕС, и «нетрадиционных мер» (так называемых инструментов «смягчения»). Использование инструментов кредитного «смягчения» сочеталось с попытками последующей стерилизацией последствий их воздействия на денежное предложение⁴³. Стерилизация во многом происходила посредством консолидации госбюджетов путем резкого сокращения расходов стран, оказавшихся в долговом кризисе (Греция, Португалия, Италия, Испания), а также путем возложения на акционеров расходов по санации лопнувших банков (Кипр). Как и ФРС США, в последние годы в целях предотвращения падения деловой активности и стимулирования развития экономики эмитируют деньги под приобретение акций и облигаций важнейших банков и корпораций в рамках проводимой ими политики «количественного смягчения».

Следует заметить, что до введения евро в западноевропейских странах эмиссия денег велась под обязательства корпораций. Этот механизм стал

⁴³ Кавицкая И.Л. Монетарная политика Европейского центрального банка в современных условиях // Вопросы регулирования экономики. 2015. Т. 6, №4. С. 131-139.

основой финансирования европейского экономического чуда после Второй мировой войны. Так, в отсутствие каких-либо других механизмов обеспечения эмитируемых денег, немецкий и французский центральные банки приступили к нарастающей денежной эмиссии под обязательства предприятий. В соответствии с этим механизмом коммерческие банки принимали в обеспечение выдаваемых ими кредитов векселя предприятий и затем получали под эти векселя рефинансирование со стороны ЦБ. Эмиссия денег шла через переучет векселей предприятий, платежеспособность которых подтверждалась по итогам мониторинга, который вели центральные банки. Таким образом эмиссия денег шла вслед за спросом на деньги со стороны нескольких тысяч предприятий, пользовавшихся доверием денежных властей. Этот механизм кредита стал основой финансирования европейского «экономического чуда» после Второй мировой войны.

В ведущих странах Востока денежная эмиссия проводится в основном в целях финансирования инвестиций в перспективных направлениях развития экономики. Банк Японии проводит аналогичную политику денежной эмиссии. Возникновение в этой стране экономического «чуда» было профинансировано, в основном, на основе целевой кредитной эмиссии под реализацию приоритетных направлений развития экономики, устанавливавшихся Правительством совместно с научным сообществом и крупными корпорациями. Прекращение этой политики под нажимом США в середине 1970-х годов оборвало опережающий экономический рост Японии. Последовавшие вслед за этим «потерянные десятилетия» подтолкнули Банк Японии к созданию дополнительных источников финансирования экономического роста. В этом столетии им не раз применялись так называемые «нетрадиционные» программы монетарной политики: 1) нулевой процентной ставки 1999–2000 гг. (Zero interest rate, ZIR); 2) «количественного смягчения» 2001–2006 гг. (Quantitative easing, QE); 3) углубленного «количественного смягчения» 2010–2013 гг. (Comprehensive

Quantitative Easing, C-QE); 4) количественного и качественного смягчения с 2013 г. (Quantitative and Qualitative Easing, Q-QE)⁴⁴.

Современным примером эффективного использования денежной эмиссии для кредитования инвестиций является опережающий рост китайской экономики. Первоначальным источником расширения инвестиций была целевая кредитная эмиссия, осуществляемая посредством рефинансирования государственных банков. Определенную роль сыграли прямые иностранные инвестиции, привлекаемые правительством в целях освоения передовых технологий и развития международной кооперации производства. В дальнейшем, по мере роста производства, увеличивались доходы и сбережения населения, создавая восходящий финансовый поток новых инвестиций. При этом Центральный банк Китая продолжает наращивать кредитную эмиссию по каналам государственных банков и институтов развития под инвестиционные потребности модернизации и расширения производства, заявляемые в индикативных планах правительства, провинций, городов и корпораций. Выстраиваемые для этого финансовые инвестиционные платформы позволяют снизить риски и обеспечить направление эмитируемых ЦБ кредитных ресурсов в развитие перспективных производств в соответствии с государственными приоритетами (рис. 5).

⁴⁴ Обзор программ приведен на основе: Никитина С.А. Эволюция денежно-кредитной политики Японии и программа «Абэномики» // Вестник ИЭ РАН. 2015. №6. С. 151-165.

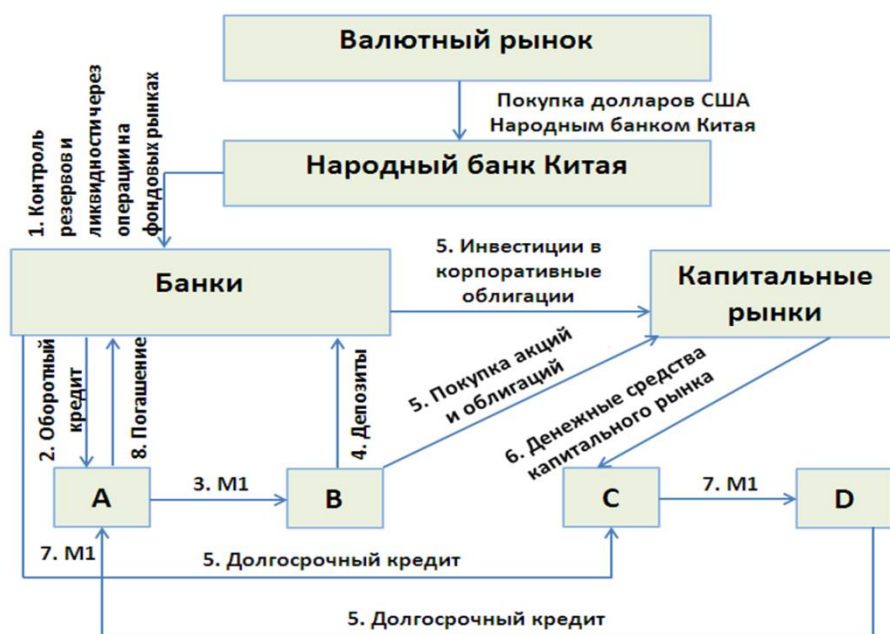

Рис. 5. Схема организации денежного предложения в КНР
(Источник: Yu Yonging, 2017)

Всего можно выделить четыре способа эмиссии фиатных денег. Исторически первый, освоенный СССР – под планы производства товаров и обращения материальных ценностей (советский рубль обеспечивался всем достоянием страны). В модифицированном виде он отчасти сейчас продолжает работать в Китае. Наиболее распространенный сегодня среди эмитентов мировых валют - под гособязательства для финансирования дефицита государственного бюджета. Иногда продолжает применяться и эмиссия денег под обязательства частных предприятий для нужд развития производства. Наконец, самый простой способ – эмиссия денег под покупку золота и мировых резервных валют других стран. В практике большинства стран мира в разное время и при разных обстоятельствах работали различные контуры эмиссии и обращения денег. После мирового финансового кризиса 2008 г. часто практикуется одновременная работа нескольких из них и даже, как в КНР – всех четырех.

Главным фактором, ограничивающим эмиссию фиатных денег, является угроза инфляции. Нейтрализация этой угрозы требует связывания

денежных потоков в производственной сфере посредством трансмиссионного механизма банковской системы, обеспечивающей трансформацию сбережений в инвестиции. В противном случае эмиссия фиатных денег может создать питательную среду для образования финансовых «пузырей» и валютных спекуляций, чреватых макроэкономической дестабилизацией. Опыт того же Китая демонстрирует широкие возможности использования целевой денежной эмиссии для кредитования роста инвестиций и производства без инфляционных последствий. Так, 10-кратный рост ВВП в Китае с 1993 по 2016 гг. сопровождался ростом инвестиций в 28 раз, денежной массы и банковского кредита производственной сфере – соответственно в 19 и 15 раз. На единицу прироста ВВП приходится почти три единицы прироста инвестиций и около двух единиц прироста денежной массы и объема кредита. Это иллюстрирует действие механизма роста китайской экономики: увеличение экономической активности, измеряемое ВВП, обеспечивается опережающим приростом инвестиций, большая часть которого финансируется за счет расширения кредита государственной банковской системы. Несмотря на многократное опережение роста денежной массы по отношению к росту производства, инфляция в Китае за весь период бурной монетизации экономики оставалась в пределах 4-7%.

Низкая инфляция обеспечивалась постоянным повышением эффективности и объемов производства товаров благодаря удержанию денежных потоков в контуре: кредитная эмиссия – рост инвестиций – увеличение объемов и эффективности производства – рост массы товаров при снижении удельных издержек их производства и цены единицы потребительской стоимости – увеличение доходов – расширение сбережений – рост инвестиций. Достигалось это путем привязки кредитов государственных банков к инвестиционным проектам развития производства при соблюдении валютных ограничений на операции с капиталом, «сквозной» ответственности органов государственной власти за достижение

индикаторов роста производства и инвестиций, а также системной борьбе с коррупцией.

Аналогичные способы использования эмиссии фиатных денег для кредитования роста инвестиции успешно применяются в Японии, Индии, Вьетнаме, Южной Корее, Малайзии, Сингапуре и других успешно развивающихся странах. Их характерной чертой является опережающее наращивание целевой кредитной эмиссии для финансирования инвестиций в соответствии определяемыми государством приоритетами (табл. 1).

Таблица 1. Масштаб кредитования экономического рывка

Год	Внутренний кредит / ВВП, %				
	Южная Корея	Сингапур	Китай	Гонконг	Индия
1950	х	х	х	х	15,6
1955	х	х	х	х	18,9
1960	9,1	х	х	х	24,9
1963	16,6	7,2	х	х	25,8
1970	35,3	20,0	х	х	24,8
1978	38,4	30,7	38,5	х	36,4
1980	46,9	42,4	52,8	х	40,7
1990	57,2	61,7	86,3	х	51,5
1991	57,8	63,1	88,7	130,4	51,3
2000	79,5	79,2	119,7	136,0	53,0
2009	109,4	93,9	147,5	166,8	72,9
2010	103,2	83,9	172,3	199,0	76,2

В России отношение кредит/ВВП составляет 42% (2017).

При этом доля кредитов банков в инвестициях не превышает 5%

Таблица 2. Повышение нормы накопления в периоды экономического рывка

Год	Инвестиции / ВВП, %					
	Япония	Южная Корея	Сингапур	Малайзия	Китай	Индия
1950	х	х	х	х	х	10,4
1955	19,4	10,6	х	9,2	х	12,5
1960	29,0	11,1	6,5	11,0	х	13,3
1965	29,8	14,9	21,3	18,3	х	15,8
1970	35,5	25,5	32,6	14,9	х	14,6
1975	32,5	26,8	35,1	25,1	х	16,9
1980	31,7	32,4	40,6	31,1	28,8	19,3
1985	27,7	28,8	42,2	29,8	29,4	20,7
1990	32,1	37,3	32,3	33,0	25,0	22,9
1995	27,9	37,3	33,4	43,6	33,0	24,4
2000	25,2	30,0	30,6	25,3	34,1	22,7
2005	23,3	28,9	21,3	20,5	42,2	30,4
2009	20,6	29,3	27,9	20,4	46,7	30,8
2010	20,5	28,6	25,0	20,3	46,1	29,5

В России отношение инвестиции/ВВП составляет 16% (2017).

Источник табл. 1-2: Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Под ред. Я. М. Миркина. М.: Магистр, 2014.

За счет этого достигалось резкое увеличение нормы накопления при низких доходах и сбережениях населения (табл. 2). Основным источником финансирования капитальных вложений в развитие всех стран, совершивших экономическое чудо, была и остается целевая кредитная эмиссия.

Накопленный за два столетия опыт применения фиатных денег свидетельствует как об их преимуществах, так и о недостатках. С одной стороны, без их эмиссии в целях кредитования инвестиций невозможно представить себе современное развитие экономики, основанное на бесконечном внедрении достижений НТП. С другой стороны, их создание может порождать финансовые «пузыри» и вызывать инфляцию, дестабилизировать экономику. Таких негативных примеров в экономической истории предостаточно – все государства, вынужденные прибегать к безбрежной эмиссии фиатных денег для финансирования текущих расходов (как правило, в условиях войн и политических кризисов), сталкивались с гиперинфляцией.

Обобщая исторический опыт использования фиатных денег, следует отметить, что правительства всех развитых и успешно развивающихся стран пытаются подчинить их эмиссию и обращение целям расширенного воспроизводства экономики и социально-экономического развития. Они это делают путем использования косвенных (рефинансирование под залог обязательств государства и платежеспособных предприятий) и прямых (покупка государственных или гарантированных государством облигаций, фондирование институтов развития) способов денежной эмиссии. Наиболее широко применяемым сегодня механизмом денежной эмиссии является прямое использование эмиссии фиатных денег на государственные нужды путем приобретения центральными банками государственных долговых обязательств. При этом ФРС США последовательно увеличивает долю долгосрочных облигаций в обеспечение эмиссии долларов, создавая таким образом «длинные» кредитные ресурсы.

Денежные власти других западных стран также стараются централизованно контролировать и регулировать эмиссию фиатных денег, направляя ее через государственный бюджет и формируя долгосрочные кредитные ресурсы под прирост государственных обязательств⁴⁵. Успешно развивающиеся страны, не обладающие развитым финансовым рынком, ведут эмиссию денег путем рефинансирования государственных институтов развития, замкнутых на кредитование реального сектора экономики, и инвестиций в приоритетные направления развития.

Однако государственный контроль за эмиссией фиатных денег денежным властям удается обеспечить лишь в той мере, в которой они контролируют работу банковской системы. В отношении деятельности Центрального Банка целеполагание осуществляется законодательно. Так, основными целями ФРС США законодательно установлены: поддержание долгосрочного роста денежных агрегатов с учетом потенциала увеличения

⁴⁵ Ершов М. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М.: Экономика, 2005.

производства; обеспечение умеренных долгосрочных процентных ставок, рост занятости. В отношении контроля над эмиссионной деятельностью частных банков все обстоит гораздо сложнее. Регулировать ее государство может только косвенным образом посредством нормативов резервирования и банковского контроля. Хотя последний становится все более жестким, частные банки находят способы увеличения денежной эмиссии, полагаясь на рефинансирование со стороны своих национальных банков как кредиторов последней инстанции. В условиях глобального финансового кризиса оно становится важным каналом денежной эмиссии.

Значительная часть американских и европейских банков не вписывается в установленные Базельским комитетом нормы. Многие японские банки уже длительное время работают с отрицательным капиталом. Это, однако, не мешает денежным властям ведущих стран мира наращивать эмиссию, поддерживая на плаву свои коммерческие банки в целях рефинансирования расширенного воспроизводства и модернизации национальных экономик. Денежная база мировых резервных валют за семь первых лет после начала глобального финансового кризиса лет в совокупности утроилась⁴⁶. Основными бенефициарами этой безбрежной эмиссии фиатных денег, наряду с государствами и государственными институтами развития, стали крупнейшие частные банки и корпорации.

Благодаря беспрецедентно низким процентным ставкам по кредитам, которые предоставляются под отрицательный с учетом инфляции процент ученым, инженерам и бизнесменам нет проблемы занять деньги. Они предлагаются на очень льготных условиях - были бы идеи, проекты, хорошая репутация и вам деньги дадут без всяких проблем. Так государство помогает им пройти «долину смерти» технологических нововведений, а затем создать на их основе растущие производства нового технологического уклада,

⁴⁶ Ершов М. Об обеспечении валютной стабильности и о новых финансовых механизмах в условиях санкционного режима // Российский экономический журнал. 2014. № 5.

быстрый рост которого выводит сегодня страны с эффективной системой управления развитием экономики на новую длинную волну роста.

Нужно сделать одну важную оговорку: эти кредиты имеют мало общего с раздутыми потребительскими кредитами среднего класса. Последние в условиях неолиберального режима являются де факто «кредитами в идеологию» и будут серьезно уменьшены в ближайшей социально-экономической перспективе. В данном случае речь идет именно о кредитах в развитие, то есть, о кредитах профессионалам, интеллектуалам и производителям, а не потребителям.

Для финансирования роста инвестиций и спроса на продукцию нового технологического уклада используется банальная кредитная эмиссия. Снижая процентные ставки (напомним, что Шумпетер образно назвал их налогом на инновации), до отрицательных величин, денежные власти премируют свои бизнес сообщества за инвестиции в расширение и модернизацию производства, внедрение новых технологий.

Длительное время экономика России работает на половину мощности из-за отсутствия кредита для финансирования оборотного капитала и инвестиций в основной капитал. Вопреки мнению денежно-кредитных властей, возможности расширения предложения товаров и услуг весьма значительны, составляя не менее 25% прироста ВВП при существующем состоянии факторов производства.

Согласно статистическим данным, загрузка основных производственных фондов в промышленности не превышает 60%, включая новые мощности, введенные в течение последних пяти лет. Остаются значительные возможности расширения использования земельных и водных ресурсов. Имеющиеся данные опросов предприятий свидетельствует о значительной скрытой безработице, позволяющей нарастить выпуск продукции на 20-25%, не прибегая к соответствующему увеличению персонала, за счет роста производительности труда при повышении загрузки простаивающих мощностей. Безграничный объем предложения рабочей

силы из постсоветских государств Средней Азии, а также приток высококвалифицированных работников из Украины превышает в настоящее время спрос на трудовые ресурсы со стороны российских работодателей. У российской экономики нет также ограничений роста по состоянию сырьевой базы: выпуск продукции может быть увеличен в несколько раз при комплексной переработке экспортируемых в настоящее время сырьевых товаров. Не является сдерживающим фактором и научно-технический потенциал, используемый, судя по объемам НИОКР, едва ли на треть.

Таким образом, судя по загрузке основных факторов производства, потенциал роста российской экономики составляет только за счет экстенсивного расширения: около 40% прироста промышленного производства, включая более 50% прироста выпуска машиностроительной и химической продукции; не менее 20% прироста выпуска сельскохозяйственной продукции; около 15% прироста оказания транспортных и строительных услуг. При интенсификации использования производственных ресурсов за счет НТП речь может идти об удвоении ВВП в течение десятилетия. Иными словами, российская экономика может расти с темпом не менее 7% ежегодного прироста ВВП в краткосрочной, а при 15%-ом приросте инвестиций и в долгосрочной перспективе. Главным лимитирующим фактором является искусственно созданный дефицит кредитных ресурсов, не позволяющий связать в производственном процессе незадействованные факторы производства.

Между тем, для реализации открывающихся возможностей подъема на «волне» роста нового технологического уклада требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях модернизации и развития экономики. Его организация предполагает повышение нормы накопления с нынешних 18-20% до 35-40% ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях глобального экономического роста. Источником финансирования таких инвестиций

может стать целевая кредитная эмиссия, организуемая денежными властями в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами. Об этом свидетельствует охарактеризованный выше опыт стран, успешно использовавших «окно» возможностей для технологического рывка – все они прибегали к политике финансового форсажа, увеличивая в разы объем кредитования перспективных направлений экономического роста. Их центральные банки становились банками развития, эмитируя необходимое количество денег для реализации централизованно спланированных инвестиционных проектов и программ.

С учетом необходимости удвоения инвестиций для модернизации российской экономики Банку России и Правительству РФ необходимо увязывать монетарную политику с решением задач кредитования модернизации и роста российской экономики. При этом для недопущения негативного влияния на российскую экономику со стороны зарубежных источников финансовых ресурсов важно обеспечить приоритетную роль внутренних каналов монетизации, в том числе расширяя долго- и среднесрочное рефинансирование коммерческих банков под обязательства производственных предприятий и уполномоченных органов государственного управления. Целесообразно также провести последовательное замещение иностранных заимствований контролируемых государством банков и корпораций внутренними источниками кредита.

Но необходимо понимать, что эти технические рекомендации являются, говоря языком точных наук, хотя и необходимым, но недостаточным условием успеха. Общество не зависит от одних лишь финансово-экономических механизмов, как полагали многие теоретические адепты либерального капитализма, оно гораздо более гомогенно. И наоборот, как уже было отмечено, экономические системы испытывают на себе властное влияние внеэкономических факторов.

Хозяйственная деятельность не сводится к производству, она погружена в социальную среду. Сами производственные отношения

определяются институтами, удерживающими в них людей и задающими формы реализации мотивов их поведения. Поэтому, чтобы разобраться в закономерностях развития экономики, необходимо проследить процессы изменения системы общественных институтов — в частности, тех, которые связаны с письменностью и интеллектуальной традицией.

Глава 7.

Эволюция языка и формирование социальных институтов

Как уже указывалось, раскрыть логику социально-экономического развития можно раскрыть по-разному. Можно опираться на смену технологических и мирохозяйственных укладов, на соотношение властно-административных механизмов и сферы сакрального, наконец, можно взять за точку отсчета эволюцию языка и мышления, которые влияют на процесс разделения труда и вместе с тем сами зависят от него.

Египетская империя была первым в истории государственным образованием, обладавшим письменностью и разделением труда, что позволяло организовывать как коллективное сельское хозяйство, так и профессиональное войско, которым в то время не было равных в Ойкумене. Римско-Византийская империя также обладала качественным превосходством над другими социумами благодаря древнегреческому языку эргадичного строя с фонетическим алфавитом, овладение которым значительной частью населения обеспечило как выстраивание сложных иерархических систем управления, так и прогресс в развитии производительных сил на основе развития ремесел и разделения труда.

Ее экспансия ограничивалась только непреодолимыми географическими барьерами: океаном на западе, пустыней на юге, горами на востоке, холодом на севере. Выросшая на ее периферии Русская империя, благодаря освоению языка номинативного типа, получила возможность выстраивать еще более сложные системы управления как иерархического, так и сетевого типа, формировать профессиональные сословия и организовывать взаимодействие любого количества людей как в хозяйственных, так и в военных целях.

Эти три, исторически переходящие друг в друга и сохраняющие преемственность, мировые империи, организовывавшие человеческое

пространство вплоть до Реформации и Великой смуты, в дальнейшем будем называть Империей с большой буквы. Ее воспроизводственные контуры сохранились вплоть до настоящего времени в государствах авторитарного типа. Утратив монопольное положение в мире после Реформации и Великой смуты конца 16 – начала 17 веков, Империя продолжала занимать в нем доминирующее положение в модернизированном виде Российской империи и СССР. В современной России происходит восстановление воспроизводственных контуров имперской государственности, которые в полной мере освоены КНР. При всех качественных различиях на разных этапах своего существования, Империя сохраняла основные структурные элементы системы управления своим воспроизводством.

Империя имела Центр во главе с сакральным Царем, который объединял функции духовного, военного и государственного руководства. В столице концентрировалась духовная, политическая и государственная власть, управлявшая Империей посредством поддержания установившихся традиций путем бесконечного воспроизводства мало менявшихся рутинных процедур принятия шаблонных решений. Для управления плохо контролируемой периферии Центром назначались наместники, копировавшие те же рутинные процедуры управления на региональном уровне. Они обладали широкими полномочиями и значительной автономией, которая отразилась в дошедшей до нас поговорке, иллюстрирующей властное положение наместника на периферии Империи: до Царя далеко, до Бога высоко, а я вам и Царь, и Бог, и воинский начальник. Наместники назначались из состава правящей верхушки во властвующей элите и чувствовали себя вполне уверенно, вступая часто в межусобные войны, а иногда посягая на верховную власть.

В Египетской империи эту правящую верхушку составляла царская семья и родственно связанное с ней жреческое сословие. В Византийской империи правящая верхушка формировалась на основе сочетания царской семьи и приближенных к ней священников, воинских начальников и

администраторов. На Руси правящая верхушка существенно расширилась, вобрав в себя также родовые династии предводителей признавших царскую власть племен. Эта структура власти в модернизированном виде сохраняется и в Российской империи, правящая верхушка которой открылась для выдвиженцев из дворян и бюрократии. В СССР аристократический принцип формирования правящей верхушки был заменен на партийно-номенклатурный, который сохраняется с «китайской спецификой» в КНР.

В СССР и КНР сакральность и престолонаследие как основы легитимизации верховной власти заменяются на идеологическую монополию коммунистической партии, принадлежность к которой становится определяющим признаком для рекрутирования руководящих кадров. При этом внутри руководства правящей партии устанавливаются товарищеские квазиродственные отношения.

Принадлежность к правящей верхушке на основе семейно-родственных или товарищески-партийных отношений давала основание для претензий на власть, вследствие чего в Империи часто происходили дворцовые перевороты. Иногда претендовавшие на первую роль наместники устраивали межусобные войны, которые в определенных случаях приводили к распаду Империи на автономные государства. Эти войны часто интерпретируются в современных понятиях как народные восстания. Однако, оставаясь в рамках религиозного мировоззрения, народ не мог организовать восстания против установленного Богом порядка.

Практически всегда предводителем такого восстания был отпрыск царской семьи или член руководства правящей партии, имевший легитимные основания для претензий на власть. Такова была логика властно-политических отношений в Империи – от Древнего Египта до краха СССР.

Официальная интерпретация исторических фактов не учитывает особенности мышления людей, которое существенно менялось с эволюцией языка. Выше уже говорилось о том, что только после появления

номинативного строя, характерного для современных языков, мышление людей овладело логикой и рациональным самоощущением.

Социально-экономическая структура общества определялась общинной организацией аграрного производства, которая давала относительно небольшой прибавочный продукт, в рамках которого государство могло обеспечивать содержание Царской власти и административного аппарата, а также духовного сословия и войска.

Империя обеспечивала стабильность бесконечного воспроизводства общинного уклада жизни с разделением общества на устойчивые социальные группы, различающиеся функциональной принадлежностью.

Как правило, в каждый момент времени существовала одна империя, которая могла на какое-то время раскалываться, терять контроль над некоторыми провинциями, изменяться и даже трансформироваться под влиянием внутренних противоречий и внешних вызовов.

Считается само собой разумеющимся, что первобытные родоплеменные структуры образовались в разных частях планеты независимо друг от друга. В пользу этой точки зрения говорит разнообразие языков, традиций и материальной культуры разных народов, населяющих сегодня планету. Однако структура организации первобытных обществ, изученных антропологами в разных частях света, поражает своим единообразием. Так же и характерный для них инкорпорированный строй языка имеет общие особенности мышления, еще не выделяющего причинно-следственные связи и не отделяющей личность от окружающей среды⁴⁷.

При всем разнообразии языков, в отсутствие письменности они были бедны и подвижны, различаясь не только между племенами, но и между половозрастными группами плавно переходили друг в друга, образуя языковой континуум.

47 Лосев А.Ф. Знак, символ и миф. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1982.

В первобытных отношениях между членами сообщества действовал сугубо психологический механизм, предписывавший каждому делиться необходимым продуктом с каждым (Б. Поршневу⁴⁸, К. Леви-Строссу⁴⁹), а избыточный продукт хранился и распределялся бигменом, исходя из социально-психологических законов воспроизводства родовой общины.

Б. Поршневу раскрывает функцию слов языка первобытных обществ как знаков, блокирующих принуждение к действию между их членами. Однажды возникнув в человеческом социуме, речевое взаимодействие дало ему качественное преимущество в организации коллективных действий, включая возможность организации охоты и собирательства, а также силовое подчинение окружающих сообществ. Скорее всего, однажды возникнув в одном первобытном социуме, речевое взаимодействие затем быстро распространялось среди других посредством как принуждения, так и имитации. В условиях постоянной войны между разными сообществами первобытных людей за весьма ограниченную кормовую базу неизбежно было осознание родоплеменных отличий исходя из дихотомии «мы-они», важным средством которого стала дифференциация языка.

Ключевой вопрос - определение места и времени возникновения первого государственного образования. Для этого человеческое мышление должно было научиться различать положение людей в обществе, что невозможно без идентификации самой личности человека. Этого не могло произойти в рамках характерного для первобытного общества инкорпорированного языкового строя. А. Ф. Лосев следующим образом определяет его социально-историческое место:

«На этой ступени отсутствует вся мифология, отсутствует различение частей речи, а также еще нет членов предложения. Отдельные звуковые комплексы, понимаемые нами в настоящее время как слова, вовсе еще не есть

⁴⁸ Поршневу Б. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974.

⁴⁹ Леви-Строссу К. Структурная антропология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

слова с определенными основами и определенными оформителями этих основ. Каждое слово можно понимать и как существительное, и как прилагательное, и как глагол, и вообще как любую часть речи. Подлежащее и сказуемое определяются исключительно только местом данного звукового комплекса в предложении. Все предложение, таким образом, является, в сущности, только одним словом. Появляются и знаки, образно отражающие наиболее распространенные высказывания в форме схематичных рисунков, из которых складывались иероглифы.

Отсутствие морфологии указывает на отсутствие в мышлении четко фиксируемых предметов и четкого их взаимоотношения. Вещи различаются между собой и имеют определенные контуры только для ощущения, для чувственного восприятия. Для мышления же они являются только размытыми и бесформенными пятнами. Кроме того, поскольку здесь отсутствует различие между основой слова и ее оформителями, постольку в мышлении отсутствует различие сущности и явлений. А это значит, что явление здесь не есть только проявление сущности, как это мы думаем, в настоящее время, но сама же сущность, т. е. оно нумерически тождественно с ней. Из этого же вытекает, что явлениям приписываются здесь все функции сущности, а сущности - все функции явления. А отсюда - необходимость толкования всего происходящего как фантастического, чудесного, волшебного, сказочного, магического, чародейского.

Поскольку, далее, здесь не только отсутствует морфология, но отсутствуют вообще и части речи, мышление оказывается здесь лишенным дифференцированных, логических категорий. Но все категории в слитном и недифференцированном виде присутствуют сразу везде, откуда - основной принцип первобытного мышления «все во всем»⁵⁰.

50 Лосев А.Ф. Знак, символ и миф. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1982.

А.Ф. Лосев следующим образом характеризует взаимосвязь развития языка, мышления и общества: «В области общественной практики растет разделение труда, приводящее к гибели всю первобытную собирательно-охотничью экономику и к возникновению производящего хозяйства, основанного на изготовлении или разведении сознательно запланированного продукта, к выделению скотоводства, земледелия и ремесла в виде особых и специфических отраслей. Непроступная крепость стихийных сил природы и общества постепенно расшатывается от их непрерывного штурма человеком и человеческим трудом; и вместо своего слепого, стихийного и всемогущего характера они начинают приобретать более дифференцированный, более понятный и потому легче овладеваемый характер.

Но что же иное может происходить в логике и грамматике? Ведь и здесь единственный путь развития - это дифференциация, происходящая и в логическом суждении, и в грамматическом предложении. Раньше не было морфологии. Ясно, что теперь на очереди развитие морфологии, а вместе с ней возникновение необходимости различать сущность и явление, что ведет уже к убыли фантастики и к прогрессу четкого различения вещей. Раньше не различались части речи. Ясно, что дальнейшее развитие языка и мышления должно было приходиться к установлению этих частей речи, а вместе с тем и к постепенному ослаблению принципа «все во всем», который был оплотом первобытного размытого и расплывающегося мифологического мышления. Раньше не различались члены предложения. Ясно, что теперь очередь за этим различением; а вместе с этим последним расшатывается и вся первобытная оборотническая логика, и мышление постепенно переходит на рельсы более реалистического отражения объективного взаимодействия вещей. Наконец, субъект и предикат выступали раньше только своим местоположением, своей конфигурацией и расположением в предложении. Ясно, что теперь наступила очередь за другой, более глубокой и более оформленной оценкой субъекта и предиката в суждении и предложении. В результате всего этого слепой и недифференцированный объект, бывший предметом суждения и

предложения и фиксируемый в них только как некоторый факт, неизвестно какой и неизвестно чего, начинает дифференцироваться; и в нем начинают выступать те или иные контуры, те или иные смысловые признаки и выступать не слепо и инстинктивно, а мыслительно, сознательно и выразительно, выступать уже действительно в виде субъекта и предиката в разумно построенных суждениях и предложениях. Таким образом, если в общественной практике ведущая роль принадлежит разделению труда, то в мыслительной практике ведущая роль тоже принадлежит дифференциации мыслительного труда, а также и прогрессирующей отдельности продуктов этого мыслительного труда».

Скачок в развитии языка и мышления происходит при появлении языка прономинального строя. А.Ф. Лосев следующим образом характеризует этот переход.

«Прономинальный строй, взятый в чистом виде, все еще не знает разделения частей речи. Но, несмотря на это, языки, лишенные разделения частей речи, вдруг почему-то начинают вводить лично-местоименные показатели в свои глаголы-имена и тем самым приближать эти слова к глаголам, постепенно вырабатывая в них из этих показателей флексии и вообще спряжения. Прономинальный и посессивный строй выдвигают новую категорию в языке, или, вернее, две новые категории - субстанцию и принадлежность ей свойств. Субъект предложения и суждения указывает здесь уже не просто на факт вещи и потому определяется уже не просто своим местом в предложении и суждении, но он обладает показателями его субстанциальности и показателями принадлежности ему свойств, к нему относящихся. Но эти две категории получают тут же и свое, вполне понятное и тоже весьма естественное углубление, становясь показателями индивидуума, личности. Если раньше, на ступени инкорпорированного строя, человеческое мышление способно было фиксировать только сам факт существования вещей, а не их постоянные или непостоянные свойства и соответственно предметный мир представлялся такому мышлению в виде

абсолютизированных фактов вещей в условиях сплошной текучести и слепой неразберихи качеств этих вещей (тотемизм и фетишизм), то теперь, на ступени проминального и посессивного строя, начинает упорядочиваться для человеческого мышления и предметный мир: здесь начинают различаться более или менее постоянные свойства вещей и свойства непостоянные; начинают намечаться различение сущности вещей и их явлений; возникают фетиши с определенными свойствами вместо прежнего текучего сумбура, и этим фетишам начинает принадлежать нечто определенное. Сами фетиши распределяются по тем или иным родам с более или менее твердым кругом собственности, т. е. относящихся к ним предметов.

Сама категория субстанции тоже заметно растет. Сначала она еще довольно плохо размежевывается с другими субстанциями; и выступавшие здесь «я», «ты», «мы», «вы» во многих отношениях еще попросту тождественны со многими другими вещами и лицами, составляющими их ближайшее окружение. Первое «я», несомненно, еще чисто коллективно и свидетельствует о всемогуществе рода или племени и о полной подчиненности ему всякого индивидуума, подобно тому, как на стадии инкорпорации человеческий индивидуум тоже зависел от окружающей среды и ощущал себя ее несущественным придатком. Язык показывает, что на место этих непреодолимых и стихийных сил природы и общества, по необходимости представляемых в виде тотемов и фетишей, все больше и больше выступают общественный коллектив, родовая и племенная община, которая и оказывается первым «я», первой субстанцией, какую открывает человеческое мышление с тем, чтобы в дальнейшем дать место для развития и отдельных индивидуумов, для отдельных «я» и «ты», для прогрессирующего освобождения личности и личной инициативы»⁵¹.

Формирование государственных институтов, регулирующих процесс производства и распределения общественного продукта, требовало понимания возможности и необходимости отчуждения этого продукта от

51 Там же

производителя и его распределения между социальными группами. Сами эти группы тоже должны были четко идентифицироваться людьми. Поэтому до возникновения проминального строя об этом не могло быть и речи. Этот языковой строй позволял владевшим им людям организовываться в большие родо-племенные сообщества, охватывавшие относительно замкнутые географические пространства. Обладая примитивной социальной структурой, поддерживавшей устойчивое воспроизводство одних и тех же отношений, эти родо-племенные сообщества могли воспроизводиться бесконечно долго, пока позволяла кормовая база.

Выход за пределы пассивного присвоения даров природы стал возможен, по-видимому, с переходом к эргативному языковому строю. Как пишет А. Ф. Лосев, «действие субъекта не могло мыслиться с самого же начала совершенно свободным. Эта свобода и самостоятельность грамматического и логического субъекта были на первых порах так же ограничены, как и свобода самого человеческого индивидуума в тогдашней социально-исторической обстановке. Человек уже начинал чувствовать себя действующим началом, а не просто только пассивным орудием в руках неведомых, непреодолимых и вполне стихийных сил природы и общества. Но человек не мог с самого же начала не ставить свои действия в зависимость от этих окружающих его сил.

Как пишет А. Ф. Лосев: «мы хотели бы выразить существо эргативного строя терминами общеисторического развития. Это общеисторическое развитие явно еще не выходит здесь за пределы общинно-родовой формации».

Есть все основания думать, что эргативный строй мысли, в котором актив и пассив слиты в одну неразличимость, является отражением как раз таких зрелых периодов общинно-родовой формации, когда вся личная жизнь человека пока еще определяется интересами общины, почему он и пассивен. Но когда вся эта внутренняя и внешняя жизнь человека переживается им уже как свое личное достояние, как своя интимнейшая потребность, свершается

акт свободного произволения. Ясно также и то, что эргативный строй языка и мысли не может претендовать на такую же необъятную универсальность. Это скорее конец всей общинно-родовой формации. Но конец этот поразительным образом специфичен и достиг в свое время огромного территориального распространения, часто оставаясь нетронутым даже в те периоды мысли и жизни, которые вышли далеко за пределы общинно-родовой формации».

Следует заметить, что в первых известных нам государственных образованиях положение личности целиком определялось его принадлежностью к определенной социальной группе, которые не смешивались между собой. Хорошо известное на примере Индии кастовое устройство общества было, по-видимому, универсальной характеристикой первых государств. Их руководящий слой, включающий царскую семью, жрецов, наместников и военачальников, состоял, по-видимому, из представителей одного племени, которое в свое время путем принуждения сумело организовать локальные социумы на географически замкнутой территории. Это племя мыслило себя богами, призванными руководить остальными племенами, выполнявшими всю необходимую для жизнеобеспечения общества и государства физическую работу. Представители этих племен безропотно подчинялись установленному порядку, понимая свою принадлежность к рабочему сословию как раз и навсегда предзаданную свыше. Именно такой порядок архаичного общества наблюдали конкистадоры, вторгшиеся в империю инков в Южной Америке. Остатки этого порядка можно проследить в дохристианских империях, создававшихся наиболее организованным племенем, становившемся правящим и формировавшим политическую, духовную и военную власть, язык и традиции которого распространялись на все покоренное пространство.

Современный порядок социально-экономического устройства начинает формироваться с возникновения номинативного языкового строя. А.Ф. Лосев в связи с этим пишет: «Замечательные свойства номинативного

предложения. Его субъект, его предикат и его объект выше всяких частных и случайных свойств, выше действия и страдания. Это понимание субъекта как тождественного с самим собой впервые обеспечивает полную возможность улавливать его среди смутно текущих вещей, определять его существенные признаки и противопоставлять их несущественным признакам и вообще четко различать в вещах их сущность и их явление и открывать закономерные переходы между этими сущностями и этими явлениями. А вместе с принципом закономерности номинативной мышление впервые оказывается способным открывать и формулировать законы природы и общества, закономерности, всей действительности, так что здесь впервые на месте фетишей и демонов мыслятся те или иные закономерности... Номинативный строй языка и мышления с этой точки зрения является величайшей победой человеческого разума над неразумными стихиями и первым реальным шагом к открытию в них закономерности и, следовательно, первым реальным шагом к переделыванию жизни путем использования этих ее закономерностей. Можно и точнее сказать о социально-историческом происхождении номинативного строя. Мы утверждали, что эргативный строй стал возможен только в эпоху производящего хозяйства и не был возможен раньше, когда жизнь еще продолжала довольствоваться присвоением готового продукта. Язык и мышление номинативного строя, очевидно, отражают дальнейший прогресс производящего хозяйства. И если в них речь заходит о самостоятельности человеческого индивидуума, то, очевидно, в пределах общинно-родовой формации мы должны здесь искать ту эпоху, когда отдельный индивидуум, при всех своих внутренних и внешних связях с общинным коллективом, уже начинал играть заметную экономическую роль. И в мифологии наступил так называемый героический век вместо прежнего, колоссального по своей длительности периода фетишизма и демонологии».

Как видим, А. Ф. Лосев относит переход от эргативного к номинативному языковому строю к античному времени, связанному в

традиционной историографии с древнегреческим государством. Древнегреческий язык эргативного строя стал также, по-видимому, первым буквенным языком, открывшим новые возможности обучения грамотности широких слоев населения по сравнению с иероглифическим письмом кастового древнеегипетского общества. С этого момента становится возможной широкая экспансия государствообразующего народа, получившего возможность расширенного воспроизводства грамотных людей, необходимых для осуществления государственных функций. Это было невозможно в египетском царстве, где только малочисленная каста жрецов владела иероглифическим письмом, что давало ей сакральные основания для управления государством. Буквенная письменность дает возможность образования Римско-Византийской империи, поглотившей и цивилизовавшей огромную территорию от Европы до Индии, включая Северную Африку.

Считается, что параллельно египетскому царству существовало древнекитайское государство, а также протогосударственные образования в Индии, на Среднем и Ближнем Востоке. Даже если предположить, что первые государственные образования появляются на эпоху раньше, в период зарождения эргативного строя, то, учетом протяженности предшествующего ему периода прономинального и посессивного языкового строя, эпоха формирования первых государственных институтов составляет несколько тысяч лет. Могли ли в разных частях планеты они сформироваться одновременно? Очевидно, что вероятность такого совпадения близка к нулю.

Гораздо более вероятным является формирование первых государственных образований в Месопотамии и Египте с последующим распространением этой протогосударственности на близлежащие территории и их имитацией в сообщающихся регионах мира. До появления эргативного строя первобытное общество не могло освоить механизм производства, отчуждения и перераспределения продукта по установленным правилам. Оставаясь в рамках прономинального и посессивного языкового строя, люди

могли заниматься охотой и собирательством с организованным перераспределением продукта бигменом, выполнявшим функции регулятора воспроизводства родовой общины. Наряду с этой функцией, социальная структура родоплеменного общества предусматривала роль вождя, активизирующуюся в периоды межплеменных столкновений и шамана, выполняющего ритуальные функции. Этого было достаточно для воспроизводства родоплеменной общности, но явно не хватало для формирования государственных институтов. Прорыв, по-видимому, происходит с возникновением эргативного языкового строя в одном из племен, которое получает возможности для организации более сложных видов общественной деятельности. В том числе для сельскохозяйственной, строительной, военной, что дает ему сокрушительные преимущества в подчинении других племен и освоении географически доступного пространства.

Очевидно, что переход от охоты и собирательства к земледелию был невозможен без появления речи. Причем, речи достаточно развитой, предполагающей выделение человека из окружающей среды и возможность деятельностного преобразования последней. Эта деятельность предполагала организацию сельскохозяйственного производства, включавшего проведение сезонных работ, обустройство хранилищ, изготовление простых орудий и даже проведение мелиоративных работ с доставкой воды на поля. Организация предполагает иерархию с властно-хозяйственными отношениями. А это, как доказывал Лосев, немислимо до появления эргативного языкового строя.

Вероятность того, что возникновение нового языкового строя могло одновременно произойти в разных частях земного шара, близка к нулю. До сих пор в его некоторых уголках живут народы, использующие инкорпорационный языковой строй, не помышляя ни о земледелии, ни о собственной государственности. Даже проживание на территории современных государств не оказывает заметного воздействия на развитие их

языка и образ жизни. Существует гипотеза о том, что первое государственное образование и, одновременно, первая империя возникают в результате завоевания обширного пространства расселения первобытных людей племенем, язык которого относился к эргативному строю.

Необходимым условием формирования государственных институтов является письменность. Без сохранения информации для обеспечения функций регулирования воспроизводства социально-экономической жизни государство не может существовать. При этом должно достигаться однозначное понимание значений передаваемой информации. Исторические свидетельства о происхождении письменности в Древнем Египте и Шумерских городах подтверждают гипотезу об образовании первой государственности в этом регионе. Там же происходит переход от иероглифического письма к клинописи и, наконец, к алфавиту.

Освоение алфавитной письменности открывает качественно новые возможности для создания, переработки и передачи информации. Возможно, именно это стало ключевым преимуществом Древней Греции, ставшей основой для формирования на порядок более мощной – Римско-Византийской империи. Иероглифическая письменность отличается высокой трудоемкостью и требует длительного обучения специалистов, оставаясь недоступной для подавляющего большинства населения. В Древнем Египте письменность была монополией и привилегией жреческого сословия, хранившей «тайное знание», необходимое для управления государством. Фонетическое письмо намного легче для обучения. Оно становится доступным для всех сословий, обеспечивающих функционирование усложняющейся системы государственного управления. Не только духовенство и государственная администрация, но и намного более многочисленный слой торговцев, воинских начальников и хозяйственных руководителей обучаются грамоте. Общее число грамотных людей увеличивается на несколько порядков, что дает возможность для расширения государства, охватывающего многократно большую территорию и население

по сравнению с Египетским царством. Таким образом древнегреческий язык эргативного строя фонетического типа создал возможность формирования римско-византийской государственности.

Следующий качественный скачок в способности общества к генерированию, накоплению и использованию информации связан с переходом к номинативному языковому строю. Старославянский, церковнославянский и русский языки обеспечили возможность образования еще более сложных систем государственного управления, воплотившихся в Русской империи, приобретающей глобальные размеры. В ней происходит не только еще большая специализация функций государственного управления, но и создается система права, без которого немыслимо современное государство. Вырабатываемые в рамках языка номинативного строя правовые нормы позволяют организовывать сколь угодно сложную социально-экономическую деятельность и разрешать универсальным образом любые конфликты и противоречия. С одной стороны, это позволяет Империи бесконечно расширяться, обустривая весь человеческий мир. С другой стороны, появляется возможность создания альтернативных Империи социальных образований, вырабатывающих свой язык и свою систему управления.

Свойственная номинативному языковому строю способность человека к самосознанию порождает возможность индивидуальной свободы и неограниченного традицией творческой деятельности. В том числе, по формированию альтернативной имперской государственности и образованию новых письменных языков фонетического типа. Так появляется латинский язык и Священная Римская империя, происходит раскол христианской Церкви. В порах имперской государственности зарождаются еретические движения, на периферии возникают автономные образования, пробиваются альтернативные источники власти на основе накопления частных капиталов. Предоставивший Империи способность к безграничному расширению номинативный языковой строй фонетического типа одновременно

становится и ее могильщиком, порождая возможность самоорганизации неподконтрольных и даже враждебных имперской государственности социальных групп.

Осознание человеком своей индивидуальности создает возможность выхода за пределы установленной традиции. В духовной сфере возникают ереси, основанные на нетрадиционной трактовке общепринятых вероучений, а затем и вовсе их отвергающие. В экономической области появляется возможность накопления неподконтрольного государству частного капитала. Расширение нелояльных имперской государственности социальных групп размывает воспроизводственные контуры традиционного общества. Их объединение порождает революционную ситуацию, взрывающую и раскалывающую Империю.

Качественный скачок в способности человека к освоению окружающего пространства и усложнению социальной организации происходит с появлением языка номинативного строя. Он появляется на периферии Империи. Номинативный языковой строй предоставляет личности возможность осознания своей «индивидуальности», что резко расширяет ее экспансивные возможности. При этом общественное сознание остается религиозным, хотя понятие Бога становится все более абстрактным и труднодостижимым. Царь и его семья уже не воспринимаются в качестве богов, хотя Церковь продолжает поддерживать божественное происхождение власти, а ее носители по-прежнему обретают ее по наследству. Царь продолжает концентрировать административную и судебную власть, подчиняя своему влиянию Церковь. Последняя сосредотачивается на посредничестве между Богом и человеком и становится менее централизованной – вследствие охвата империей различных этносов с разной мифологией священникам приходится заниматься миссионерской деятельностью.

Скачок в развитии производительных сил, благодаря прогрессу в технологиях производства, сопровождается соответствующим усложнением

системы государственного управления. В нем существенно усиливается значение права, появляются всеобъемлющие кодексы регулирования социальных, экономических и административных отношений.

Азиатский способ производства доминировал в мире вплоть до появления Вестфальской системы национальных государств после развала Священной Римской империи и Великой смуты в России в 17 веке. Обломки некогда единой мировой империи просуществовавшие еще два столетия в виде Китайской и Османской империй, не вписывались в европейские представления о развитии человечества и потому были объявлены тупиковыми ветвями социальной эволюции. Их изучением не любили заниматься ни советские, ни европейские историки, руководствующиеся линейной логикой исторического процесса. Первые – историческим материализмом, согласно которому человечество в своем развитии прошло эпохи первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического, социалистического строя, чтобы вскоре перейти в коммунистический рай. Вторые – в сущности, расистской концепцией европейской цивилизации, проложившей человечеству дорогу в рай свободы личности и прав человека. Разумеется, обе эти концепции выполняли идеологическую функцию оправдания претензий властвующей элиты европейских государств на мировое господство.

Разумеется, обе эти концепции выполняли идеологическую функцию оправдания претензий властвующей элиты европейских государств на мировое господство. Под эту функцию и писалась общепринятая сегодня историческая хронология, и сочинялись интерпретации реальных событий. В этом мифотворчестве была своя логика.

Глава 8.

Европейская интерпретация истории и русское историческое самосознание

Европейская интерпретация истории общеизвестна. Ее логика заключается в обосновании претензий европейской цивилизации на мировое господство. Согласно этой логике, европейские нации играли ведущую роль в развитии человечества, обустроивая мировое пространство на основе достижений научно-технического и социального прогресса. В подтверждении этой концепции, в дополнение к очевидным достижениям европейской цивилизации, начиная с первой промышленной революции в конце XVIII века, скомпилирована доминирующая сегодня в общественном сознании историография. Она сводится к последовательному глобальному лидерству Древнегреческой и Древнеримской империй в античности, эстафету которых затем переняли Священная Римская, а потом европейские колониальные империи. Эта линейная картина мира призвана убедить человечество в абсолютном превосходстве властвующей элиты европейских наций, преемником которых в настоящее время выступают США.

Идеология навязываемого сегодня Вашингтоном *Pax Americana* основывается на исторической преемственности США античному Древнему Риму со всеми промежуточными этапами доминирования европейской цивилизации. Во избежание очевидных противоречий в общепринятой сегодня историографии предали забвению длительные эпохи Византийской и Русской империй. Вопреки многочисленным фактам, свидетельствующим об их технологическом и социальном превосходстве над европейским захолустьем, западные историки соревновались в лживых сочинениях об отсталости и дикости восточных соседей.

Благодаря современным исследованиям проясняются масштабы фальсификации истории, последовательно проводившейся в XVII-XIX веках.

Сегодня мало кто знает, что Москва уже в начале XVII века была одним из крупнейших «мегаполисов» континента. В период Великой смуты за контроль над ней сражалось множество вооруженных отрядов со всех регионов Европы. Однако эти драматические события, ставшие прелюдией к формированию национальных европейских государств, игнорируются традиционной историографией. Согласно ей, основные события происходили в Западной Европе, в которой после мрачного Средневековья по мановению волшебной палочки профессиональных историков вдруг появились искусство, наука, ремесла и передовые технологии, а также все современные формы организации общества и институты регулирования воспроизводства экономики.

Действительно, уже с XIII века оформляется относительно самостоятельное развитие западноевропейских городов, которые на Балтийском побережье создают автономно функционирующий Ганзейский союз, а в Средиземноморье города-республики концентрируют финансовые, торговые и интеллектуальные ресурсы того времени. Начиная с эпохи Возрождения в XIV веке, они обретают лидерство в искусстве и науках того времени, задавая тон социальному прогрессу. С конца XV века начинается эпоха великих географических открытий, резко расширившая представления западных европейцев об окружающем мире и своем положении в нем.

Но наблюдавшийся в Европе социально-экономический прогресс не означал самостоятельного развития европейских государств. Их еще не было, и свои вольности европейские города получали от императорской власти. При этом империя в то время имела весьма рыхлую и размытую систему государственных институтов, не оформленных, как сегодня, в строгих нормах конституционного права. В условиях объективно небольших возможностях Центра обеспечивать централизованное руководство, была неизбежна концентрация властно-хозяйственных полномочий в руках наместников. При этом, чем обширнее становилась империя, тем больше власти сосредотачивалось на местах.

В раннем средневековье Западная Европа существовала в качестве периферии Византийской империи, в которой сакральная власть была передана папскому престолу в Риме. Последний, однако, не обладал военной властью, вследствие чего возникла причудливая феодальная форма политических отношений, постоянно разрывавшая привычную в империях иерархию управления. Формула «вассал моего вассала – не мой вассал» блокировала функционирование имперских институтов государственной власти, в разрывах которых появлялись возможности для формирования новых «структур повседневности», подробно описанных Фернаном Броделем в монументальном труде о развитии частно-собственнических отношений. Они порождали капиталистические производственные отношения, функционировавшие в порах имперских институтов власти. Вертикаль последней размывалась перманентной коррупцией и внутренними противоречиями между ее распавшимися звеньями, а также межусобными склоками между полулегитимными наместниками.

При наличии единой вертикали императорской власти европейским городам едва ли удалось бы сформироваться в условиях традиционного общества.

В то же время городская ремесленная среда стимулировала развитие языка, который обретает современный номинативный строй. А. Ф. Лосев пишет: «Ясно, что и этот период был возможен только благодаря номинативному строю языка и мышления, требовавшему всюду и везде установления закономерных связей, будь то в мифологии и религии, или в позитивном знании, или в политике, или в общественном и культурном строительстве. Номинативный строй впервые, в должной мере обеспечил для человеческого мышления искание и нахождение закономерных связей в безбрежных просторах действительности»⁵².

52 Лосев А.Ф. Знак, символ и миф. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1982.

Без перехода к номинативному языковому строю невозможно объяснить Реформацию, взбудоражившую традиционное европейское общество в XVI веке. Ведь для того, чтобы написать свои тезисы, Мартин Лютер должен был обладать логическим мышлением и собственным пониманием значений содержащихся в Библии положений. Это невозможно сделать, оставаясь в рамках эргативного языкового строя. Именно в этот период творил Скалигер, с именем которого связывают появление общепринятой в современной историографии хронологии. Ее фабрикация с большим количеством подлогов и ложных интерпретаций исторических фактов стала возможной только с переходом к номинативному языковому строю. Как пишет А.Ф. Лосев, «его субъект, его предикат и его объект выше всяких частных и случайных свойств, выше действия и страдания. Это понимание субъекта как тождественного с самим собой впервые обеспечивает полную возможность улавливать его среди смутно текущих вещей, определять его существенные признаки и противопоставлять их несущественным признакам и вообще четко различать в вещах их сущность и их явление и открывать закономерные переходы между этими сущностями и этими явлениями. А вместе с принципом закономерности номинативной мышление впервые оказывается способным открывать и формулировать законы природы и общества, закономерности, всей действительности».

И, добавим, сочинять эти законы в своих интересах. Овладение номинативным языковым строем позволило его носителям приступить к манипулированию социальными институтами, которые в рамках эргативного языкового строя воспринимались как незыблемые установки высших сил. Носители номинативного языкового строя могли эмансипироваться от сложившихся традиций, этических норм, религиозных представлений, в том числе о божественном происхождении власти и ее субъектов. Тем самым они получали сокрушительное психологическое оружие против тех, кто этих традиций и норм придерживался. Последние просто не могли себе представить, что кто-то думает иначе. Поэтому правители традиционной

имперской государственности оказались уязвимы к коварству сил, заинтересованных в ее разрушении.

Так, например, общеизвестно значение субъективного фактора в организации Великой смуты в Москве. В XVI-XVII вв обман вождей и манипулирование сознанием масс становится ключевым орудием западноевропейской политики. Ее главной целью в то время было разрушение традиционных институтов имперской государственности, в том числе и фабрикация истории в целях манипулирования общественным сознанием. Итог этой работы подвел Джордж Оруэлл в 1949 году: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим: кто управляет настоящим, управляет прошлым».

Конец эпохи традиционных институтов имперской государственности отмечен подписанием Вестфальского мира в 1648 году, по итогам которого религиозный фактор перестал играть существенную роль в европейской политике. Вестфальский мир знаменует также начало формирования европейских наций. Властвующая элита каждой из них претендовала на первенство, создавая свой язык и свою историческую мифологию, призванную убедить население в своем национальном превосходстве.

Сфабриковав историю в целях обоснования своего превосходства, европейские историки заложили мировоззренческие основы для возникновения расизма и нацизма, повлекших истребление сотен миллионов людей и приведших человечество на грань самоуничтожения. С большим трудом человечество почти преодолело эти болезни XX века. Но для окончательной победы над ними нужна объективная историография, позволяющая извлекать уроки из совершенных человечеством ошибок и удерживать достижения.

Российская Федерация является правопреемницей СССР и Российской империи в юридическом и историческом смысле. Этого, однако, недостаточно для формирования созидательного исторического самосознания народа России. Оно остается расколотым, что не может не

влиять негативным образом на российское общество, в котором никак не угаснут угли гражданской войны. Провозглашенное Конституцией отсутствие государственной идеологии не позволяет дать нравственную оценку деятельности органов государственной власти, которые уже много лет проводят социально-экономическую политику, несовместимую с традиционными для российского социума ценностями правды и справедливости. Граждане России живут в разных мировоззренческих галактиках, разбегающихся друг от друга, что не может не размывать социально-психологический фундамент российской государственности.

Для наведения мостов между социальными группами с разным мировоззрением необходимо общее представление о российской истории. Оно не может держаться на мифах и фальсификациях, даже если они окроплены кровью поверивших в них людей. В рамках настоящего текста невозможно дать даже самое общее представление о качестве считающейся официальной и общепринятой трактовки российской истории. Ограничимся только той ее частью, к которой приложили руку западные историографы и их российские ученики.

Как указывается в Википедии, «к концу XV века Империя находилась в глубоком кризисе, вызванном несоответствием её институтов требованиям времени, развалом военной и финансовой организации и фактическим освобождением региональных княжеств от власти императора. Вестфальский мир являлся результатом первого современного дипломатического конгресса (собрания). Он положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета».

Согласно официальной историографии, правление Ивана Грозного происходило в завершающий период развала Золотой Орды и в начальный период развала Священной Римской империи. При этом, если с наследством Золотой Орды Иван Грозный расправился относительно легко, удвоив территорию Московского царства, то на Западе ему так и не удалось преодолеть сопротивления объединившихся против него Польши и Литвы.

Хотя Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское, находилось в тесных сношениях с Московским царством, имело с ним общий язык и веру, объединилось оно с Польским королевством. Речь Посполитая не только стала камнем преткновения экспансии Московского царства на Запад, но и главной угрозой самому его существованию.

Вскоре после смерти Ивана Грозного польская корона организовала поход Лжедмитрия на Москву, и фактически ее захватила, приведя с собой вооруженные банды со всей Европы. При этом сношения между Московским боярством и Польской шляхтой были весьма интенсивными, прямыми и доверительными, включавшими взаимное систематическое вмешательство во внутренние дела друг друга. В этом контексте избрание на царство Михаила Романова, который в период польской оккупации Москвы оставался в городе, а его отец Федор Никитич был приближен Лжедмитрием I и возведен в патриархи Лжедмитрием II, могло стать своеобразным компромиссом между руководителями освободившего Москву народного ополчения и перешедшим под власть польской короны московским боярством.

В этой мутной истории перманентных междоусобных войн, продолжавшихся на просторах Европы с середины XV (на Востоке) до середины XVII (на Западе) веков есть много непонятого и нелогичного. Согласно официальной историографии, первая часть этой эпохи характеризовалась чудесным возвышением Московского царства, которое поглотило значительную часть распадавшейся Золотой Орды. А вторая часть, наоборот, чудовищным разорением Московского царства, сначала Опричниной, а затем нашествием вооруженных банд из Польши и других европейских стран. С воцарением Михаила Романова Московское царство быстро возрождается, замиряется с Польшей и Швецией и продолжает бурную экспансию на Восток, поглощая остатки Ордынской империи вплоть до Тихого океана. При этом в самой Москве, уже тогда бывшей одним из крупнейших городов Европы, образуется немецкая слобода, ставшая чуть ли

не наиболее многочисленным и процветающим ее районом, в котором проживали выходцы из разных европейских государств.

Как видим, в общепринятой историографии много необъяснимых чудес, начиная с неожиданного резкого возвышения Московского царства и заканчивая его столь же неожиданным разорением, а затем снова – быстрым превращением в самое большое в Евразии государство. Прежде чем дать объяснение этим чудесным перевоплощениям, попробуем разобраться с переменами, происходившими в то время в общественном сознании.

Пожалуй, наиболее важным событием того периода следует считать изобретение книгопечатания в середине XV века в Германии. В XVI веке оно распространилось по всей Европе. Реформация была бы невозможна без массового издания трудов ее идеологов, начиная от знаменитых тезисов Мартина Лютера и заканчивая переводом Библии на национальные языки европейских народов с их комментариями и разоблачениями политики Римских пап. В процессе перевода и редактирования Библии на национальные языки европейских народов идеологи Реформации давали свои трактовки богословских догм. Катехизисы Мартина Лютера были широко доступны для читающей публики и произвели глубокое впечатление на общественное сознание того времени.

Реформация основательно подорвала легитимность не только Папы Римского, но и всех носителей власти средневекового общества. В массовом сознании произошла десакрализация церковных и светских властей и получила распространение идея несправедливости социального устройства. Она овладела умами множества не только образованных, но и простых людей, толкнув их на восстания и религиозные войны. Центральная Европа на столетие погрузилась в хаос, из которого она вышла с новым социальным порядком и принципиально новой системой институтов и производственных отношений. На осколках распавшейся Священной Римской империи возникли независимые государства с собственной системой самоуправления. В странах победившей Реформации началось бурное развитие капитализма и

формирование общества с рационалистическим мировоззрением, занявшимся преобразованием мира исходя из собственных интересов, невзирая на вековые традиции.

Московское царство избежало религиозных войн. Первосвященники не играли в нем ведущей роли и подвергались репрессиям со стороны царя в случаях несогласия с его политикой. Иван Грозный, не встречая сопротивления, руками временно назначенного преемника относительно легко провел отчуждение значительной части церковных земель.

Развал Римской империи под давлением Реформации дал мощный выброс в сторону Москвы в лице множества переселившихся под руку Ивана Грозного протестантов, ставших играть важную роль в Московском государстве. Освободившись от традиционных представлений, включая веру в сакральность власти, они обрели мощное оружие – способность обманывать Царя и его семью, изменять и совершать государственные перевороты, предавать ради денег - которым искусно пользуются по настоящее время.

Традиционное религиозное сознание неспособно к коварству и обману. Эта способность возникает только с обретением того типа свободы, которая позволяет нарушать как Божьи заповеди, так и установленный порядок. Именно это произошло в сознании образованных людей с Реформацией в Европе после того, как книги Мартина Лютера и его последователей, вместе с Библией на понятном языке пошли в печать. Освободившись от необходимости соблюдать установленные порядки, реформаторы подняли народ на борьбу с потерявшими в общественном сознании легитимность церковными и светскими властями.

Традиционная сакрализация власти религиозным мировоззрением сменилась на ее установление путем своего рода общественного договора рационально мыслящей местной элитой, озабоченной своим имущественным положением.

Множество носителей этого мировоззрения ринулись на Восток, найдя для себя в Московском царстве приют и обширное поле деятельности. Они взорвали его изнутри, воспользовавшись делегитимизацией царской власти после пресечения династии Рюриковичей и смерти Бориса Годунова. Исходя из меркантильных целей разграбления Московии, ставшей, по меньшей мере, после победы при Молодях центром евразийского пространства, хлынувший в Москву из Европы вооруженный сброд привел к власти вначале польского царевича, а потом, после освобождения Москвы народным ополчением – Федора Романова. О сакральности власти последнего уже не было речи – его выдвижение стало результатом интриг и компромиссов, в которых главную роль сыграл его отец, провозглашенный в лагере Лжедмитрия II патриархом и имевший тесные связи с польскими оккупантами и европейскими авантюристами Филарет. Он и руководил фактически Московским царством, объединяя светскую и духовную власть вплоть до своей кончины в 1633-м году.

В наследство от Филарета и своего предшественника второй царь Романовской династии - Алексей Михайлович – получил конкуренцию с патриархом за власть, а также огромную территорию от польско-шведской границы до Тихого океана с прочной системой централизованного управления. Хотя он получил прозвище «тишайший» и считался искренне верующим человеком, сакральность его власти была подорвана недавно произошедшей Смутой со сменой нескольких нелегитимных царей, церковным расколом и западным влиянием на умы образованной части общества. Десакрализация власти вылилась в народное восстание С. Разина. Так или иначе, власть московского Царя уже не казалась народу столь же священной и незыблемой, как раньше. Важнейшей опорой царской власти стала реформированная по европейским образцам армия, а также закрепощение народа посредством Соборного уложения 1649 года путем правового принуждения, а не традиционного порядка.

Царствование Алексея Михайловича закрепило формирование нового общественного порядка, сменившего традиционный, основанный на вере в незыблемость установившихся традиций. Но, в отличие от стран победившей Реформации, этот порядок, хоть и строился на рациональной основе, но не имел в основе никакого общественного договора и основывался на авторитарном подчинении всего государственного устройства царской власти.

Как известно, вернувшись из своего Великого посольства в Западную Европу, Петр I привнес с собой мировоззрение победившей там Реформации, которое вдохнул в институты русской государственности. Царская власть стала опираться исключительно на оформленное в правовых нормах административное принуждение, которому были подчинены и институты Церкви. Народ был окончательно отделен от власти и отлучен от личной правосубъектности посредством полного закрепощения и фактической передачей в личное рабство помещикам.

Отказ властвующей элиты от традиционных ценностей и ее отгораживание от народа посредством административно-правовых механизмов не могло не сопровождаться постепенной десакарализацией власти. Вначале она произошла в сознании властвующей элиты, следствием чего стала череда дворцовых переворотов с активным участием иностранных агентов. Постепенно она проникала и в толщу народных масс, смутно ощущавших несправедливость своего угнетенного положения.

Династия Романовых, выросшая из коллаборационизма с европейскими захватчиками Москвы в Смутное время, не только последовательно насаждала западноевропейские порядки, но и физически подчинила огромную страну европейским интересам, превратив ее население в бесправных рабов. Подражая всем европейским атрибутам, императорский дом и властвующая элита не торопились, однако, привносить в Россию европейские институты гражданского общества и ценности Просвещения,

предпочитая опираться на архаичные ордынские механизмы абсолютной власти⁵³.

Романовым потребовалось почти двести лет, чтобы полностью подчинить своей монаршей воле огромную страну. Дважды с перерывом в столетие ее сотрясали восстания казаков, которые боролись за свои старые права и вольности ордынской эпохи. Последним потрясением стало нашествие Наполеона, после разгрома которого Романовы стали самой могущественной семьей в Европе. Парадоксальным образом Наполеон помог российскому Императору упрочить свою власть в Евразии. А российский император благополучно передал плоды победы Великобритании, которая руками русской армии уничтожила главного конкурента в Европе. Александру оставили хлопоты послевоенного устройства монарших семей европейских династий в освобожденной от Наполеона Европе, которая дорого обходилась российской казне, не принося очевидных преимуществ.

Москва была живым символом былого величия, резко отличаясь от Петербурга своим восточным стилем. Со времен стрелецкого восстания она пугала Романовых и их европейских придворных своим загадочным русским духом, который мог бросить им вызов. Факт сожжения практически всех известных архивов, содержащих, в том числе, оригиналы самых древних русских летописей, во время пожара 1812 года не может не вызвать удивления. В том числе погибли архивы, хранившиеся и свезенные в здание Московского университета, где за двухметровыми каменными стенами они были надежно

53 «Династия Романовых» лишь в российской историографии называется таким образом. Начиная с Петра III, по генеалогическим правилам, императорский род (династия) именовалась Гольштейн-Готторп-Романовской. Последней, русской по генетическому происхождению, царствующей особой была Елизавета, что, однако, никак не сказывалось на легитимности романовской династии во все еще православном общественном сознании. Но сама династия и властвующая элита ощущали себя европейцами, плохо понимая и опасаясь своих подданных. Говорили, по образному выражению Грибоедова, на «смеси французского с нижегородским», предпочитали больше времени проводить на европейских курортах, с пренебрежением относились к полностью зависимым от них крепостным, а также вышедшим из народа купцам и разночинцам.

укрыты от любых пожаров. После этого сожжения Российская империя окончательно приобрела европейские черты, доромановская история была очернена мифами, на фоне которых деяния Петра и его потомков приобрели цивилизаторский характер.

Парадоксальным и неожиданным для Запада следствием уничтожения исторической памяти о русской государственности стало формирование русского народа. Подобно другим европейским этническим группам, получившим государственность после освобождения от контроля Папства и установления Вестфальского мира, в русском народе вследствие секуляризации всей системы социально-государственного устройства Петром I и ликвидации крепостничества Александром II, стало пробуждаться национальное самосознание. До этого народ себя ощущал просто православным миром и не имел понятия о национальностях. Даже Емельян Пугачев объявил себя Петром III, не стесняясь его немецкого происхождения. Об этом тогда не думали, поскольку власть Царя воспринимали как данную Богом. И даже Наполеона население поначалу встречало достаточно мирно с тайными ожиданиями избавления от крепостничества, но затем народная война с ним объединила население, впервые почувствовавшего себя единой нацией, хоть и разделенной жесткими сословными перегородками.

Сами Романовы после победы над Наполеоном и вхождением в Париж почувствовали себя хозяевами Европы, которой Александр I, по образному выражению современника, управлял из своей кареты. Перемещаясь из одной европейской столицы в другую, он увлеченно занимался реставрацией европейских монархий, взяв на себя функции папы Римского в Священной римской империи. Свою европейскую Империю Александр назвал Священным союзом, объединив европейских монархов на почве борьбы с революционными движениями. В самой России Романовы продолжили политику укрепления своей власти с опорой на армию, дворянское сословие и крепостное право.

Через десятилетие после подписания Священного союза прозападные революционеры ответили Империи восстанием декабристов в ее столице. Сформировавшиеся в Западной Европе институты национальных государств с представительной властью и судебной системой отторгли попытки реставрации традиционных институтов, которые воспринимались общественным сознанием как реакционные и нелегитимные. Александр I был не в силах преодолеть сопротивление Вестфальской системы и созданный им Священный союз ненадолго пережил его создателя. Сразу же после смерти Александра I созданная западными агентами сеть масонских лож организовала восстание декабристов, которое могло кончиться очередной Смутой. После его подавления взошедший на престол Николай I не претендовал на продолжение роли всеевропейского императора, и законсервировал действовавшие в России институты власти и организации общества. Тем временем быстро растущее на основе бурного развития промышленности могущество Великобритании вскоре привело к изменению баланса сил. И еще через четверть века вчерашние союзники ответили на консервативную политику Российской империи Крымской войной, после поражения в которой следующий Александр начал переход к «гражданскому обществу». В числе прочего он был вынужден пойти на демонтаж крепостного права, открыв дорогу формированию капиталистических отношений и втягиванию России в общеевропейский процесс накопления капитала. Спустя пару десятилетий Россия вырывается в лидеры по темпам развития экономики, притягивая капиталы и технологии из европейских стран и втягиваясь в вековые циклы накопления, сформировавшиеся до этого в Западной Европе и определявшие к тому времени ритм глобального экономического развития и геополитических процессов.

Следует отвергнуть созданные немецкими и польскими историками мифы о русской жизни и русском обществе, которые написаны с целью внушения комплекса государственной неполноценности и вековой

отсталости русскому народу с претензией на руководство со стороны «прогрессивной западноевропейской цивилизации».

Исходя из исторической преемственности процесса становления человеческой цивилизации в Евразии, можно предположить, что русская государственность сформировалась как преемник Византийской империи (выросшей, в свою очередь, из древней империи, объединявшей Месопотамию и Египет) с соответствующими институтами и механизмами ее воспроизводства. Ее становление происходило под влиянием прогресса в мышлении властвующей элиты в результате развития языков и письменности. Переход от египетского царства к Византийской империи сопровождался скачком от иероглифического письма к буквенному и древнегреческому языку эргадичного строя. Переход к Русской и Священноримской империям сопровождался скачком к языкам номинативного строя, одним из первых из которых мог оказаться русский.

Разрушение империи начинается с Реформации в Европе в связи с массовым изданием Евангелий на национальных европейских языках номинативного строя. Осознание личностью своей «автономии» (индивидуация) приводит к десакрализации власти Римского папы и делегитимизации власти поставленных им епископов и монархов. Это влечет за собой подрыв традиционных институтов ордынской государственности и формирование гражданской системы социально-экономических отношений, основанной на сознательном нормотворчестве.

Рационализация мышления в Западной Европе индуцирует процессы разрушения традиционных институтов государственности. Произошедшая под европейским влиянием Великая смута привела к установлению власти европейских царствующих особ над Русской империей. Насаждение европейских порядков на ее территории происходило посредством подчинения ее институтов обслуживанию интересов европейской властвующей элиты. Сожжение Москвы сопровождалось уничтожением всех архивов и библиотек, хранивших письменные памятники доромановской

России и свидетельствовавших о сформировавшейся ранее русской государственности. Это позволило мифологизировать и «отредактировать» российскую историю в нужном для властвующей западноевропейской элиты ключе.

Благодаря победе русских войск традиционные имперские институты реставрируются во всей Европе и простираются от Атлантики до Тихого океана. Александра I использует связанные с этим возможности в интересах европейских монархических семей, не обращая внимания на интересы народа России, который остается в крепостной кабале. Примечательно, что в отличие от европейских захватчиков, которые неизменно вели себя в Москве как мародеры и разрушители и во время Великой Смуты, и в период Наполеоновского нашествия, российские войска в Европе вели себя корректно и уважительно к местному населению. Комендантом Парижа, графом Воронцовым, были оплачены даже счета в трактирах, которые остались после ухода российских военных. В этом проявилась имперская традиция ответственности за всех ее подданных и обустройство всей ее территории, особенно окраин.

Российская империя была для Европы донором, экспортируя не только сырье, но и капитал. А во времена краха имперской государственности, как это было в периоды захвата Византии крестоносцами, Великой смуты, Октябрьской революции и развала СССР столица Империи подвергалась тотальному разграблению с вывозом накопленных за столетия богатств в Европу, которые немало способствовали становлению европейских банкирских домов. Властвующая элита европейских государств строила свои колониальные империи на началах их разграбления, закабаления и жестокой эксплуатации местного населения, включая прямое насилие, использование наркотиков, торговлю людьми. Логика основанного на вере в Бога традиционного общества сменилась на логику личного обогащения и накопления капитала.

Глава 9.

Преодоление последствий либеральной глобализации и переход к новому мирохозяйственному укладу

Переход от колониальных империй европейских стран к американским глобальным корпорациям в качестве ведущей формы организации мировой экономики осуществлялся посредством развязывания двух горячих и третьей холодной мировых войн, завершение которых всякий раз сопровождалось кардинальными изменениями мирового политического устройства. В результате Первой мировой войны рухнул монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала в Европе. В результате Второй – развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. С крахом СССР вследствие Третьей «холодной» мировой войны свободное движение капитала охватило всю планету.

Но если в мировой системе социализма управление велось на основе политических решений руководства КПСС, то международная политика в капиталистическом мире определялась взглядами американских корпораций. Ради соблюдения их интересов спецслужбами США устраивались государственные перевороты, совершались политические убийства и репрессии в периферийных странах. Конституция США исходит из примата национального законодательства над международными обязательствами, к которым американские власти относятся как к некой условности.

Пытаясь распространить свою юрисдикцию на весь мир, США завершают жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада. Устанавливаемое в его рамках единообразие массовой культуры, образовательных и идеологических стандартов, сведение всех проявлений человеческой деятельности к единому критерию денежного богатства в долларовой выражении подавляет разнообразие человеческой культуры, без

которого невозможно развитие. Отражением завершения американского цикла накопления капитала стали антиутопии Фукуямы⁵⁴ и Аттали⁵⁵, объявивших о «конце истории» и установлении царства мировых денег. Однако культ доллара, создаваемый ФРС США в целях бесконечного обогащения ее собственников, не может сделаться основой жизни различных народов без уничтожения их культурной идентичности.

Вопреки популярному мнению Френсиса Фукуямы о «конце истории», гегемония США подрывается неразрешимыми в рамках существующей системы институтов воспроизводства капитала внутренними противоречиями. Теоретически можно предположить, что они и дальше будут сниматься за счет притока капитала извне. США могут развязывать все новые войны с целью списания своих долгов и присвоения чужих активов. Но есть предел в использовании этих механизмов поддержания неэквивалентного международного обмена, основанных на природе современных денег.

Завершение жизненного цикла имперского мирохозяйственного уклада ставит предел дальнейшему развитию производительных сил человечества, преодоление которого предполагает переход к новому мирохозяйственному укладу.

Либеральная глобализация, развернувшаяся в фазе финансовой экспансии американского векового цикла накопления капитала, подорвала возможности государств влиять на распределение национального дохода и богатства. Транснациональные корпорации получили право бесконтрольного перемещения ресурсов, ранее контролировавшихся государствами. Последние оказались вынуждены сокращать степень социальной защищенности граждан, чтобы сохранять привлекательность своих экономик для инвесторов. Одновременно уменьшилась эффективность государственных социальных инвестиций, потребители которых

54 Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

55 Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House, 1991.

освободились от национальной принадлежности. В результате присвоения растущей части генерируемых в мировой экономике доходов американоцентричной олигархией происходит снижение уровня жизни населения большинства стран с открытой экономикой, усиление дифференциации граждан по доступу к благам, растет социальное неравенство. Преодоление этих разрушительных тенденций становится возможным с формированием нового мирохозяйственного уклада и изменением всей архитектуры международных финансово-экономических отношений путем введения ограничений на движение капитала с целью блокирования возможностей его ухода от социальной ответственности, с одной стороны, и выравнивания издержек социальной политики национальных государств, с другой стороны.

В настоящее время завершается рождение шестого технологического уклада, который растет темпами около 35 % в год. Падение цен на нефть является характерным признаком завершения периода «родов» нового технологического уклада и его выхода на экспоненциальную часть траектории роста за счет бурного распространения новых технологий, кардинально улучшающих ресурсоэффективность и снижающих энергоемкость производства.

В передовых странах новый технологический уклад уже входит в фазу роста, обеспечивая оживление экономики в Европе, Америке, продолжение экономического роста в Китае, Индии, Юго-Восточной Азии. Мир находится на пороге новой повышательной фазе длинной волны Кондратьева. Этот период смены ТУ революционен не только в технологическом смысле, но и в управленческом смысле, потому что появляются новые методы и институты управления развитием экономики.

Для отстающих стран в этот период возникает «окно возможностей» догнать лидеров на основе опережающего становления нового технологического уклада, раньше других войдя на новую длинную волну экономического роста. Это связано с тем, что структурный кризис, который

мы наблюдаем при смене ТУ, наиболее болезненно переживают передовые страны, потому что в них достигаются максимальные масштабы производства соответствующих технологий, и процесс высвобождения капитала приобретает наиболее болезненные формы. У них останавливаются те сферы генерирования экономической активности, которые обеспечивали им глобальное лидерство, масштаб производства во многом выше, чем требуется для внутреннего потребления и, соответственно, диспропорции, которые приходится преодолевать, формируя новые технологически траектории, чрезвычайно большие. Передовые страны сталкиваются с самым масштабным обесценением капитала не только в устаревших производствах, но и в квалификации людей. Старые профессии становятся менее востребованными, и значительная часть человеческого капитала обесценивается. Капитал, уходя из производственной сферы, стягивается в финансовые «пузыри» и обесценивается.

Для стран-лидеров смена ТУ – большой вызов. Они рискуют потерять лидерство, если вовремя не перестроят свою экономическую систему. Систему перестраивать трудно, потому что в экономике доминируют властвующие элиты, которые привыкли работать в привычном для себя ключе на сложившейся технологической основе. Для отстающих стран таких проблем нет, если они правильно выберут приоритеты, сконцентрируют ресурсы на ключевых направлениях роста нового технологического уклада, то сумеют обойти передовые страны на соответствующей ему новой длинной волне экономического роста. Именно так происходило экономическое чудо в России и США в начале прошлого века, в Западной Европе после Второй мировой войны, в Японии и новых индустриальных странах в 60е годы прошлого столетия, сейчас происходит в КНР и Индии.

В нашей стране формирование технологических цепочек пятого ТУ было прервано распадом единого народнохозяйственного комплекса СССР. Одновременно распались и воспроизводственные контуры всех предшествующих технологических укладов. Экономика стремительно

деградировала, поскольку оставшиеся от советских научно-производственных объединений приватизированные предприятия разрушили сложившуюся производственно-технологическую кооперацию взвинчиванием цен и неспособностью самостоятельного согласования планов выпуска технологически сложной продукции конечного спроса. Эти рынки были быстро захвачены импортными товарами, а базовые отрасли российской экономики переориентировались на экспорт сырьевых товаров. Фактически российская экономика развалилась на мало связанные между собой сектора и утратила воспроизводящую целостность. Составляющие ее технологические совокупности рассыпались, что повлекло уничтожение большей части сектора производства средств производства, который составлял основу народнохозяйственного комплекса. Дальнейшая эволюция оставшейся части промышленности была подчинена внешнему рынку, следствием чего стала сырьевая специализация и деградация структуры российской экономики.

В настоящее время, как уже было сказано, идет бурное становление шестого технологического уклада, ядро которого растет с темпом около 35% в год, революционизируя технологическую структуру экономики по мере расширения несущих отраслей и распространения в смежные технологические совокупности. Именно в это время создаются возможности для рывка а развитии отстающих стран. Заблаговременно создавая производства нового технологического уклада, успешно развивающиеся страны проскакивают депрессию и сразу выходят на фазу роста нового технологического уклада и соответствующую ему длинную волну роста экономики. Тем самым они гарантируют себе опережающее экономическое развитие. Россия рискует упустить шанс совершения рывка в технологическом развитии, если немедленно не приступит к форсированному созданию технологических совокупностей шестого технологического уклада. Чтобы этого не произошло, система управления развитием экономики должна

быть приведена в соответствие с требованиями нового мирохозяйственного уклада.

Власть капитала основывается на концентрации денег, позволяющей добиваться монопольного положения в распоряжении кредитом и владении средствами производства, что особенно ярко проявлялось в практике ростовщичества в первые вековые циклы накопления капитала. Современное государство освоило способы создания кредита путем централизованной денежной эмиссии. Властвующая элита в мировых центрах накопления капитала всегда пыталась контролировать этот процесс в собственных интересах, навязывая государству создание центральных банков в форме частных корпораций. Контроль за Банком Англии и ФРС США в периоды английского и американского вековых циклов накопления капитала способствовал установлению глобального доминирования финансовой верхушки властвующей элиты этих стран. Если бы им удалось демонтировать суверенные права национальных государств на установление ограничений для иностранных инвесторов, то власть американско-европейской финансовой олигархии стала бы действительно глобальной. Отказ от этой перспективы американского государства обозначил политический предел экспансии капитала в самом центре мирового капитализма. Одновременно воспроизводство американского капитала натолкнулось на пределы роста существующего технологического и мирохозяйственного укладов.

Исчерпание потенциала роста доминирующего технологического уклада стало причиной глобального кризиса и депрессии, охватившей ведущие страны мира в последние годы. Переживаемая в настоящее время фаза «родов» нового технологического уклада на поверхности экономических явлений предстает как сочетание финансовой турбулентности, сопровождающейся образованием и «схлопыванием» финансовых «пузырей», и экономической депрессии, характеризующейся снижением прибыльности и объемов привычных производств, падением доходов и цен, в том числе на базовые энергоносители и конструкционные материалы, а также быстрым

распространением принципиально новых технологий, находящихся на начальных фазах своего научно-производственного цикла..

«Эпицентр» кризисных процессов находится в «ядре» нынешнего мирохозяйственного уклада – в финансовой системе США. Первый «толчок» глобального финансового кризиса поразил его ключевые институты – крупнейшие в мире инвестиционные банки. Вслед за ними обрушились несущие конструкции государственных институтов, обеспечивавших воспроизводство капитала, – страховые и ипотечные агентства. Хотя американская финансовая система устояла за счет резкого наращивания денежной эмиссии, ее диспропорции с тех пор лишь усилились: скачкообразно, до 21 трлн. долл, вырос государственный долг, продолжилось раздувание финансовых «пузырей» деривативов.

Параллельное с ростом государственного долга и объемов деривативов наращивание эмиссии долларов свидетельствует о том, что работает в режиме финансовой пирамиды: текущие обязательства обслуживаются за счет эмиссии новых. Данный режим вошел в фазу обострения, когда система теряет устойчивость и становится уязвимой к внешним и внутренним «шокам». Все это свидетельствует о достижении пределов расширения Американского векового цикла накопления капитала и исчерпанию возможностей экономического развития в рамках имперского мирохозяйственного уклада. Понимая это, властвующая элита США хватается за традиционную «соломинку»: чтобы нейтрализовать эти угрозы, она идет по пути дестабилизации и хаотизации стран-кредиторов, коллапс которых позволяет списать значительную часть американских обязательств и присвоить активы.

Выход из нынешней депрессии будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как и в предыдущих случаях, ведущие страны мира демонстрируют неспособность к совместным кардинальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку

экономики на основе нового технологического уклада, продолжая воспроизводить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощенные в ней экономические интересы.

Смыслом американской империи, как и предшествующих ей Британской и Голландской, остается обеспечение накопления капитала в руках их властвующей элиты, которая в значительной степени наследственную преемственность при смене вековых циклов накопления капитала. Институты буржуазного государства обеспечивали защиту этого капитала от политических и социальных посягательств изнутри, а имперская мощь гарантировала его защиту от внешних конкурентов, а также возможности извлечения сверхприбылей от эксплуатации колоний.

В то же время под давлением нарастающей вследствие НТП конкуренции государство, призванное обеспечивать воспроизводство не только капитала властвующей элиты, но и всего общества, становилось все более затратным. Чтобы снизить социальные обязательства властвующая элита западных стран попыталась навязать своим государствам подписание договоров Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и Транстихоокеанского партнерства, содержащих норму об их отказе от использования национального права для разрешения споров с иностранными инвесторами и замене их национальных судов международным коммерческим арбитражем. Тем самым должна была произойти эмансипация крупного капитала от зависимости со стороны государств, лишенных правовой возможности противостоять интересам капитала.

Если бы указанные договора были подписаны, то можно было бы, действительно, говорить о конце истории. Вслед за крахом имперских образований в 20 веке, глобальному капиталу удалось бы стреножить национальные государства и установить свою безграничную власть над миром, управлять которым стало бы несколько олигархических семейных кланов, контролирующих ФРС США и манипулирующих центральными банками Европы и ведущих стран мира. Отказ Трампа подписывать эти

договора и становление нового мирохозяйственного уклада нейтрализовали эту возможность.

Сегодня, исходя из концепции социально-консервативного синтеза, необходима постановка задачи по формированию глобальных механизмов социальной защиты как элементов нового — интегрального — мирохозяйственного уклада. Например, для обеспечения их деятельности может быть введен налог на валютнообменные операции в размере 0,01% от суммы транзакций. Такой налог должен взиматься на основе соответствующего международного соглашения в рамках национальных налоговых законодательств и перечисляться в распоряжение уполномоченных международных организаций. Расходование полученных средств должно вестись на основе соответствующих бюджетов, утверждение которых рекомендуется делегировать Генеральной Ассамблее ООН.

Важнейшим направлением формирования институциональной системы нового мирохозяйственного уклада должно стать создание глобальной системы ликвидации безграмотности и обеспечения доступа всех граждан планеты к информации и получению современного образования. Организация такой системы в обязательном порядке предусматривает унификацию минимальных требований к всеобщему начальному и среднему образованию с выделением дотаций на их реализацию слаборазвитым странам за счет средств, собираемых посредством предложенного выше налога. Должна быть также создана доступная для участия всех граждан планеты система предоставления услуг высшего образования ведущими ВУЗами развитых стран. Последние могли бы по своему усмотрению выделять квоты на прием иностранных студентов, набираемых по международному конкурсу с оплатой обучения из того же источника. Параллельно силами участвующих в этой системе ВУЗов должна быть развернута глобальная система предложения дистанционных образовательных услуг, открытая для всех граждан планеты со средним образованием на бесплатной основе. Создание и поддержание

соответствующей информационной инфраструктуры рекомендуется возложить на ЮНЕСКО и Мировой банк с финансированием из того же источника.

Для предотвращения глобальной финансовой катастрофы необходимы срочные меры по формированию новой безопасной и эффективной архитектуры мировой валютно-финансовой системы, основанной на взаимовыгодном обмене национальных валют и исключающей присвоение глобального эмиссионного дохода в чьих-то частных или национальных интересах. Коммерческие банки, обслуживающие международный экономический обмен, должны быть обязаны проводить операции во всех национальных валютах. При этом курсы их обмена должны устанавливаться по процедуре, согласованной национальными банками в рамках соответствующего международного договора. При необходимости роль всеобщего эквивалента может играть золото, специальные права заимствования МВФ или иные международные расчетные единицы. В качестве таковых предлагаются наднациональные цифровые валюты, создаваемые вначале на уровне региональных интеграционных структур.

Соответственно должны быть изменены функции и система управления МВФ. На него могла бы быть возложена ответственность за мониторинг курсообразования национальных валют, а также роль эмитента мировой валюты, используемой для чрезвычайного кредитования временных дефицитов платежных балансов отдельных государств и их национальных банков в целях предотвращения региональных и мировых валютно-финансовых кризисов и поддержания стабильных условий международного экономического обмена. Совместно с Базельским институтом МВФ мог бы также выполнять функции глобального банковского надзора, устанавливая обязательные нормативы для всех коммерческих банков, обслуживающих международный экономический обмен. Для этого необходимо демократизировать систему управления МВФ, все государства-участники которого должны получить равные права.

Для выравнивания возможностей социально-экономического развития нужно обеспечить свободный доступ развивающихся стран к новым технологиям при условии их отказа от использования получаемых технологий в военных целях. Государства, согласившиеся на это ограничение и открывшие доступ к информации о своих военных расходах, должны выводиться из-под ограничений международных режимов экспортного контроля. Им также необходима помощь в получении важных для их развития новых технологий. Для этого в обязательном порядке следует резко активизировать деятельность ЮНИДО (в том числе по организации соответствующей информационной сети) и Всемирного банка. Последним должны предоставляться кредитные ресурсы, эмитируемые МВФ, для долгосрочного финансирования необходимых для развивающихся стран инвестиционных проектов в сфере освоения современных технологий и создания инфраструктуры. Доступ к этим ресурсам на тех же условиях рефинансирования должны получить также международные региональные банки развития.

В целях обеспечения добросовестной конкуренции следует ввести международный механизм пресечения злоупотреблений ТНК монопольным положением на рынке. Соответствующие функции антимонопольной политики рекомендуется возложить на ВТО посредством специального обязательного для всех государств-членов международного соглашения. Этим соглашением для субъектов международного экономического обмена должно быть предусмотрено право требовать устранения указанных злоупотреблений со стороны ТНК, а также компенсации вызванных ими потерь за счет введения соответствующих санкций. В число преступного использования прав ТНК, наряду с завышением или занижением цен, фальсификацией качества продукции и другими типичными примерами недобросовестной конкуренции, необходимо включить занижение оплаты труда по отношению к региональному прожиточному минимуму, подтвержденному МОТ. В отношении естественных глобальных и

региональных монополий должны быть установлены процедуры регулирования цен на разумном уровне.

В условиях неэквивалентного экономического обмена государствам в обязательном порядке следует оставить достаточную свободу для регулирования национальных экономик в целях выравнивания уровней социально-экономического развития. Наряду с принятыми в рамках ВТО механизмами защиты внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции, инструментами такого выравнивания являются разнообразные механизмы стимулирования НТП и государственной поддержки инновационной и инвестиционной активности; установление государственной монополии на использование природных ресурсов; введение норм валютного контроля для ограничения вывоза капитала и нейтрализации спекулятивных атак против национальной валюты; удержание под национальным контролем важнейших секторов национальной экономики; другие формы повышения национальной конкурентоспособности.

Особое значение имеет создание благоприятных условий для добросовестной конкуренции в информационной сфере, включая средства массовой информации. Доступ в глобальное информационное пространство должен быть гарантирован всем жителям планеты, выступающим как в качестве потребителей, так и в статусе поставщиков информации. Для поддержания открытости этого рынка следует применять жесткие антимонопольные ограничения, не позволяющие какой-либо стране или группе аффилированных лиц доминировать в глобальном информационном пространстве. Одновременно должен быть обеспечен свободный вход на рынок информационных услуг представителям различных культур. Важную для этого поддержку в силах оказать ЮНЕСКО за счет поступлений предложенного выше налога на валютнообменные операции и платежей за доступ к ограниченным информационным ресурсам. Одновременно необходимо принять международные нормы по пресечению распространения информации, угрожающей социальной стабильности.

В случае отказа США и ЕС от переустройства мирового экономического порядка на указанных выше принципах, страны, заинтересованные в скорейшем переходе к новому мирохозяйственному укладу, должны быть готовы сформировать собственные международные институты, альтернативные МВФ, Мировому банку и Базельскому институту. Это вполне реально сделать, опираясь на консолидированную позицию стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС.

Глава 10.

Феномен тоталитарности

Как уже было отмечено, для того чтобы разобраться в закономерностях развития экономики, необходимо проследить процессы изменения системы общественных институтов. И на этом пути огромное значение имеет верное понимание наиболее тонкого аспекта социальности, образно выражаясь, его «души». Такой душой социальной системы являются ее идеологические основы, определяющие при любом мирохозяйственном укладе формирование концептов общественного сознания. Если наука об управлении развитием экономики игнорирует эту сферу знания, она вырождается в нынешний «экономикс» с его убогой интерпретацией главного героя экономических исследований – как бездушного экономического агента, или *homo economicus*.

Для понимания закономерностей развития экономики необходимо принимать во внимание эволюцию систем ценностей людей во взаимодействии с господствующей в общественном сознании идеологией.

Любая идеология содержит позитивные и негативные модальности, сочетает идеалы и предписания с запретами. В негативном модусе пока еще господствующей неолиберальной идеологии в последние десятилетия при постановке любых социальных вопросов считалось хорошим тоном обращение к теме тоталитаризма. Обычно содержание понятия «тоталитаризм» составляют из двух частей, представляя его как сочетание массовых репрессии и массовой пропаганды.

Хотя серьезные историки никогда не считали данное понятие научным, в рамках публичной истории и социологии его применимость довольно высока. Это объяснимо. Понятие «тоталитаризм» позволяет среднестатистическому исследователю уйти от наиболее трудных вопросов, как бы разделив историю XX века на зоны естественного и неестественного

развития. Тем самым ученый освобождает себя от адекватного анализа: моральное осуждение «тоталитарных методов» в политике и экономике частично заменяет анализ социальных структур и процессов, поскольку главный вывод известен заранее. Так работает модель изолирующего историзма, служащая одним из способов идеологизации социальных наук.

Но если все же принять «тоталитаризм» в качестве одного из базовых понятий для разговора на общественно-политические и идеологические темы, нужно обратить внимание на следующее. Нередко в подходе к этой проблеме упускается из виду, что периоды тоталитарности многочисленными и очень крепкими нитями связаны с периодами так называемого нормального развития. Точнее было бы сказать, что тоталитарные тенденции вообще являются закономерным развитием базовых свойств и тенденций модернистского общества, его логическим завершением. Это означает, в частности, что ГУЛАГ настолько же закономерное порождение социалистической идеологии и общественной системы, насколько Освенцим или Талергоф — закономерное порождение либерально-капиталистической системы, имеющей в «анамнезе» века колониального угнетения. А это в свою очередь означает, что независимо от выбора той или иной конкретной доктрины, любая модернистская идеология так или иначе стремится к состоянию тоталитарности — что, разумеется, ни в малейшей мере не оправдывает ни сами «тоталитарные» идеологии, ни связанные с ними политические практики.

Для тоталитарных явлений и процессов характерна определенная цикличность и корреляция с периодами экономических и социальных кризисов. В связи с этим более корректно было бы говорить не о тоталитаризме или «тоталитаризмах», а о состоянии тоталитарности. Ярким проявлением рецидивирующей тоталитарности в идеологии следует считать концепцию якобы неизбежного «конфликта цивилизаций», возродившуюся в 1990-е годы. Еще более ярким ее проявлением является установление

нацистского бандеровского режима на Украине при поддержке и соучастии западных либеральных демократий.

Это архаизация и структурное упрощение идеологического поля. Сублимация политических идей уходит в прошлое. Социальное неравенство вновь оправдывается доктринами культурного и этнического превосходства. Осуществляемая в ряде случаев замена понятия «культурная неполноценность» на «несоответствие демократическим стандартам» вряд ли может кого-то обмануть: эвфемизмы – продукт языка, а не политической реальности.

Либеральная система, возродившая нацистский режим, бесспорно, является тоталитарной и сама по себе. Что, разумеется, не отменяет собственной, «карманной» концепции тоталитарности, встроенной в либеральную идеологию.

Либеральная трактовка тоталитарности основана на идее «двух тоталитаризмов» или - шире – «закрытых обществ», появившейся в работах философа и социолога Карла Поппера ("Открытое общество и его враги"), философа Ханны Арендт ("Истоки тоталитаризма"), политолога Збигнева Бжезинского и некоторых других авторов. Концепция родилась с началом холодной войны, но оказалась долговечнее политических блоков. Смысл ее прост: коммунистические и фашистские режимы якобы являются политически родственными и якобы противостоят «либеральным демократиям».

В системе нового мышления, о которой так много говорили по обе стороны ветшающего "железного занавеса" в эру Горбачева и Рейгана, максима "тоталитаризма" занимала почетное место. Именно теория двух тоталитаризмов (или "двойного" тоталитаризма) служила идеологическим мостиком, который перебрасывался из политического вчера в политическое сегодня. Текущая политика силы как бы искупалась вчерашними жертвами. Избирательно понимаемый «тоталитаризм» был призван служить

индальгенцией, как бы выданной историей сторонникам глобального миропорядка.

Разумеется, с точки зрения логики эта позиция не выдерживает критики, но в психологическом отношении она до самого последнего времени была достаточно действенной. Механизм ее влияния на общественное сознание довольно прост: это постоянное напоминание об исторической травме - то есть, апелляция не к рациональной, а к эмоциональной сфере. Без картины темного тоталитарного прошлого не вырисовывается и картина светлого либерального будущего, имеющая слишком много издержек в виде «гуманитарных бомбардировок», внешней смены режимов, разжигания межнациональных конфликтов и проч. Либеральная утопия более или менее работает только на контрасте. Именно поэтому ей жизненно необходим образ исторического врага.

Со времен Карла Поппера и Ханны Арендт концептуальный каркас либеральной трактовки тоталитарности не изменился: речь по-прежнему идет о "плохих" тоталитаризмах, которые противостоят "хорошему" либерализму. Но постепенно эта манихейская трактовка стала все чаще попадать под огонь критики. Что неудивительно: ведь теория с самого начала напоминала катехизис, который можно только полностью принять или же полностью отвергнуть. При этом в "двутоталитарной" концепции очень заметна эсхатологическая составляющая - inferнальная символика, мотив абсолютного зла, категорическое "никогда больше" — которая наводит на мысль о ее имплицитных религиозных основаниях.

Уже в 1960-е годы появились политические концепции, идущие вразрез с "двутоталитарной" ортодоксией, например, принадлежащие представителям левой Франкфуртской школы. Старшие представители школы, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, рассматривали, в частности, фашизм как побочный результат двух глубинных исторических процессов. С одной стороны — доминирования стандартов рациональности, навязанных

Европе эпохой Просвещения, с другой стороны, «аффективной» реакцией на это навязывание в виде нацистского археомодерна⁵⁶.

С этой точки зрения идеологическая карта двадцатого столетия, расчерченная по принципу "две плохие теории – одна хорошая", уже выглядела сомнительно. При этом надо принять во внимание, что франкфуртцы вовсе не ставили под вопрос саму категорию тоталитарности ("фашизоидности") и даже не пытались сузить ее, как иные консервативные критики "справа". Напротив, они шли по пути расширения понятия, раздвигали его рамки.

Многие критики указывали на разные социальные базы двух режимов. Коммунизм апеллирует к низам, фашизм и нацизм – к среднему классу и крупной буржуазии. Но для системной критики бинарной теории тоталитаризма этого было недостаточно. Чтобы критика переросла в стратегию и набрала достаточную объяснительную силу, был необходим более системный взгляд. Прежде всего надо было разобраться с тем, почему политический мейнстрим XX столетия – либерализм – упорно выводится за пределы проблемного поля при анализе тоталитарности.

Движение в этом направлении стало заметно к 1990-м годам. Наиболее интересной можно считать позицию Иммануэля Валлерстайна, изложенную в работе "После либерализма". Эта книга вышла в 1995-м, всего через три года после благостной либеральной утопии Фрэнсиса Фукуямы "Конец истории и последний человек" (1992). В центре внимания Валлерстайна стояла более масштабная проблема, нежели вопрос о критериях тоталитаризма, а именно угасание и смерть двухсотлетнего либерального проекта. Но с темой тоталитарности это имело прямую связь.

Отличительной чертой валлерстайновской позиции можно считать восприятие фашизма и коммунизма не как двух идеологий, противостоящих либеральной демократии, а как составных частей большого либерального

56 Хоркхаймер, М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер. — М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2011. — 224 с.

проекта, который берет начало в 1789 году. Этот ракурс принципиально важен. Именно он задавал новые возможности в рассмотрении старой "околототалитарной" проблематики. Валлерстайн дает картину событий XX века, абсолютно не похожую на ту, что мы привыкли видеть в советских и постсоветских учебниках, а также в западной прессе. Он стремится описать уже начинавшийся, по его мнению, "процесс разжалования либерализма с его постгеокультурной нормы" и определяет "современность" как эпоху либерального доминирования, которая укладывается в два столетия – между Французской революцией и крушением СССР. Валлерстайн берется утверждать, что противостояние трех политических идеологий — либеральной, консервативной и социалистической - с самого начала было иллюзорным и подчинялось потребностям европейской и мировой Realpolitik.

Социализм в России, согласно Валлерстайну, не был самостоятельным политическим проектом и хотя октябрь 1917-го кардинально перепахал социально-политический ландшафт, уже в 1920-е годы советский режим, по мнению ученого, негласно вошел в консенсус мировых элит. Разговоры о мировой революции выродились в чистую риторику, выгодную всем участникам консенсуса. Именно в силу этой негласной конвенции холодная война не перешла в горячую фазу.

Исходя из этого, можно интерпретировать начало Второй мировой войны как выход наиболее реакционной части либерального истеблишмента за рамки прежнего консенсуса с тем чтобы нанести удар по одному из его участников (СССР). Но с победой Советов консенсус был восстановлен на более выгодных для СССР условиях.

По мнению Валлерстайна, русский социализм, в отличие от классического марксизма, под видом «классовой» разрабатывал иную идею – национального освобождения, то есть, демонтажа старой колониальной системы, оказывая «поддержку многим антиимпериалистическим

движениям» 57 . И здесь США и СССР, несмотря на противостояние, оказывались ситуативными попутчиками, а соперничество двух систем было выгодно им обоим, только если одна из них стремилась отменить колонизацию вообще, то другая - лишь заменить старорежимный колониализм на новый, экономический, финансовый.

Примеров такого симбиоза немало. Например, когда нефтедобывающие страны (ОПЕК) попытались создать картель и шантажировать Запад, именно СССР пришел на помощь "миру капитала" и открыл для него вентиль на полную, не слишком завышая цену. Показательно и индифферентное отношение США и их союзников к силовому подавлению восстаний в восточном блоке (1953, 1968, 1980–1981).

Уже западные интеллектуалы "1968 года выдвинули протест против этого консенсуса, и прежде всего против исторической трансформации социализма, даже ленинистского социализма, в либерал-социализм", - пишет Валлерстайн. А "в 1989 году те, кто был разочарован либеральным консенсусом, повернулся против наиболее ярких выразителей либерал-социалистической идеологии, режимов советского типа, во имя свободного рынка"58.

Симбиоз исчерпал себя. Это косвенно указывает на то, что крах коммунистических режимов заключался не в устройстве самих режимов, а в логике развития всей миросистемы модерна, составной частью которой эти режимы объективно являлись. Напрашивается и другой вывод: либеральный мир, лишившись социалистической альтернативы, с которой он находился в отношениях диалектических единства и борьбы противоположностей, утратил собственную легитимность и устойчивость. Теряя идеологическую привлекательность и накапливая экономические проблемы, как это случилось

57 Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.

58 Там же.

прежде с социалистической системой, либеральный капитализм вынужден прибегать к военной силе, поскольку других способов контроля над ситуацией у него не осталось. И в этом отношении он, по-видимому, готов пойти гораздо дальше своего бывшего соперника, нисколько не стесняясь в средствах.

Каково же будущее либеральной мир-системы? Она будет терять остатки легитимности, упрощаться, ужесточаться и архаизироваться, как бы проваливаясь в собственное колониалистское прошлое. Так, например, если прежде в либеральной среде было принято рассуждать об обществе равных возможностей, то новые либералы считают, что "равные возможности" – это угроза для обладателей экономических привилегий, отсюда, например, «вариативность образования», наблюдаемая в РФ, и т. п. Отход от идеи равных возможностей – это очевидный шаг в сторону сословного государства - того самого явления, с которым так настойчиво призывали покончить европейские буржуазные революции XVIII века, в лоне которых окреп и вырос либеральный проект.

Таким образом, идеологии модерна пришли к отрицанию собственных исходных ценностей. Сегодняшний либеральный мир в ценностном смысле опустился ниже планки 1789 года, что позволяет охарактеризовать его модель уже не как поздний капитализм, но как посткапитализм (или «денежный феодализм»), что, безусловно, свидетельствует о глубочайшем кризисе самой культурной парадигмы модерна.

Либеральный проект ждет неминуемая утрата легитимности в глазах не только угнетаемых наций, но и самого западного общества. И хотя отсутствие альтернативных консервативных и солидаристских проектов может растянуть этот процесс на десятилетия, сохранить status quo уже не получится.

Сегодня либерализм умножает по всему миру число жертв своей политики 59. Мнение о том, что тотальность современного либерализма в последние годы многократно возросла, высказывали многие. Например, в этом абсолютно уверен популярный на Западе автор-антиглобалист Самир Амин, который, правда, в отличие от Иммануила Валлерстайна, придавал своей концепции американоцентричное звучание. Самир Амин считает либеральную идеологию вирусом, который возник как побочный эффект экспансии капитала и ведет к "перманентной войне".

Либеральный мальтузианский принцип тотальной конкуренции противоположен христианской морали, поэтому по мере ужесточения либеральной политики, наследующей мальтузианству, все более активной становится борьба с религией, наблюдаются запреты на публичное ношение крестов, осквернение и разрушение храмов, спиливание крестов, пляски на амвоне и разжигание ненависти к религии.

Другая причина конфликта связана с тем, что христианство стоит на страже традиционных общественных институтов, а они являются нежелательной помехой для неолиберального экспансионизма. Традиция мешает свободному манипулированию информацией и финансами, а также — обоснованию социально-правового неравенства. Это лишний раз подтверждает, что, вопреки мнению Карла Поппера, писавшего о "закрытости традиционных обществ", тоталитаризм — продукт именно западной культуры Нового времени.

Теперь можно вернуться к главному: что произошло с представлениями о тоталитаризме в XX веке и почему столь неубедительная теория стала одним из устойчивых мифов массового сознания. Чтобы замаскировать неудачную родословную тоталитаризма, его защитники всегда

59 Мнение о том, что либерализм есть нечто большее, чем идеология, высказывалось еще в XX веке. Философ, историк и критик Бенедетто Кроче писал: "Либеральная концепция является метаполитической, она выходит за рамки формальной теории политики и в определенном смысле также формальной теории этики и совпадает с всеобщей концепцией мира и реальности" (Кроче Бенедетто. Либеральная концепция как концепция жизни)

были готовы сохранить в списке критериев тоталитарного общества "сильную власть", но затушевывали рационализм и дух революционности, «отречения от старого мира», характерный еще для 1789-93 г., а корпоративный коллективизм фашистского строя стремились подменить общинностью и соборностью русского, православного и – шире – любого традиционного общества. После серии таких подмен теория бинарного тоталитаризма сделалась политическим орудием, заточенным против любой традиции, в том числе и против европейского христианства, которое стало жертвой глобального секуляризма.

Наряду с истоками тоталитарности пришлось скрывать и причины ее расцвета в XX веке. Поэтому феномен германского нацизма адепты «бинарной» теории предпочли не исследовать, а. Скорее, заклясть, навесив табличку "фашизм". По существу это был негласный интеллектуальный карантин. Серьезное научное исследование нацизма и фашизма попало в разряд общественных табу. Ведь даже при беглом взгляде понятно, что сущность явления уходит корнями в общеевропейское колониалистское прошлое и неоколониалистское настоящее. Например, касаясь в своих выступлениях "восточного вопроса", Адольф Гитлер говорил о том, что восточные территории должны стать для Германии тем же, чем стала Индия для британцев. Аналогичная ситуация сложилась с концлагерьями. Впервые их придумали и воплотили англичане в ходе англо-бурской войны, но если тогда эта практика не вызывала беспокойства у европейской общественности, то те же методы, применяемые в центре Европы и к европейцам, вызвали шок. Что допустимо на задворках "свободного мира", то немислимо в самом "свободном мире" — это тоже расистская позиция.

Очевидный факт, заключающийся в том, что режим 1930-х годов в Германии – законный ребенок европейского либерального империализма – поначалу ранил европейское самосознание и поэтому был подвергнут искусственному забвению. Но уже с 1980-х понятие "нормализация

германской истории" все чаще звучит в ходе дискуссий и не считается неприличным⁶⁰, хотя несет в себе неофашистские коннотации⁶¹.

Одним из столпов бинарной концепции тоталитарности была книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги», в котором аналогом противопоставления тоталитаризма и демократии служила пара ключевых понятий: «закрытое» и «открытое» общество. Книга в считалась на шумевшей, но с тех пор как она вышла в свет, в мире многое изменилось - в частности, дилемма общественной открытости-закрытости изменила свой первоначальный смысл. В 1990-е и 2000-е выяснилось, что в отсутствии сильного государства моноидеология не исчезает, просто ее проводниками оказываются другие властные субъекты - олигархия, корпорации и банки. При этом так называемое «открытое» общество представляет собой некоторое количество «закрытых» корпоративных структур с еще более жесткой внешней и внутренней идеологией, чем у прежней государственной автократии. С другой стороны, в условиях развития информационных технологий и роста информационного неравенства проблема «открытости» проблемой информационной безопасности. Так, например, согласно Ульриху Беку, формируется «общество риска», для которого характерен резкий скачок уровня общественных угроз (от терроризма и войн до экологии), а его члены превращаются в единую «команду мировой опасности».

Прежняя борьба идей заменяется борьбой за определение рисков. С точки зрения Бека, функции универсального определения рискогенности должны быть возложены на социологию, которая фактически превращается в науку наук. Общую теоретическую перспективу ближайшего будущего, в

60 Томас Зайберт, немецкий активист движения против капиталистической глобализации, писал: "В 1989 году после распада СССР... в Германии начался сильный рост фашистских тенденций. И однажды, когда я сидел дома и читал книжку, я сказал себе: "Ты не можешь просто читать книги в такое время, ты должен опять вернуться на улицы и дать достойный ответ фашистам"(Зайберт Т. У левых нет готовых ответов на кризис // Левая политика. 2009. № 9)

61 Дрожжин С.Н. Призрак неонацизма: Сделано в Новой Европе. М.: Алгоритм, 2006

которой социология призвана играть роль метадисциплины, Ульрих Бек предлагает называть «Новым Просвещением».

Вполне очевидно, что данная концепция очерчивает перед нами образ новой тоталитарной общественной модели, приветствует рост в обществе новых тоталитарных тенденций. В случае реализации такой модели общество перейдет к алармистскому управленческому волюнтаризму, попросту говоря, к разнообразным методам коллективного запугивания, которые заменят привычные формы администрирования. Такого рода социальное проектирование является и безнравственным, и архаичным, поскольку подобная оптика возвращает общество к первобытным страхам и примитивным жреческим манипуляциям, к магическому сознанию. Социальная критика будет объявлена умножением рисков, сторонники социальной справедливости и социальных гарантий — опасными опасными популистами.

Для либерального капитализма череда кризисов является обычным состоянием, в данном случае кризисы будут не корректировать, а, напротив, поддерживать алармистскую социальную модель. Под названием «общество риска» подразумевается некая новая нормальность, привычка к существованию в режиме перманентного кризиса. Кризисы станут эмпирическим «подтверждением» самих основ идеологического дискурса — в итоге идеология окажется не столько превращенным, сколько прямым отражением политико-экономической реальности. Это закольцованный сценарий с большой долей вероятности приведет к фашизации общества, и эта вероятность представляет собой серьезную угрозу ближайшего будущего.

Субпроектом «Нового просвещения» является замена прежней идеи привилегированного «городского креативного класса» идеей сверхкреативной цифровой среды, наполненной социальными акторами (вместо прежних «автономных личностей») с пакетами персональных данных и набором оставшихся им в наследство от креативного класса «постматериальных ценностей».

Идея тотальной диджитализации представляет собой вариант идеи искусственного интеллекта – но, что важно, не самостоятельного, а использующего в качестве своей материальной базы нейроресурсы самого человека, структуру его психики. Такой апгрейд сознания опасен возможностью утраты свободы выбора, - той свободы выбора, которую даровал нам Господь, например, к отсутствию возможности отличать добро от зла (ведь и то и другое одинаково успешно может быть выражено в наборе цифр). Мнимая неизбежность создания командно-административной системы нового типа может стать частью гражданской религии, будучи утверждена в рамках социальной догматики. Условием перехода к новому социальному порядку является согласие общества (пусть молчаливо-пассивное) представлять мировоззренческие, ценностные и научные проблемы как технические, управленческие и логистические, связанные с манипуляциями массивами цифровых данных⁶².

В новых общественных условиях морально устаревшая теория тоталитаризма требует кардинального апгрейда, и не только она: либерализм необратимо теряет способность объяснять себя. Описывать иллюзорную схему «два тоталитаризма – одна демократия» в принципе не имеет смысла, можно говорить о трех тоталитаризмах или, что гораздо точнее, о состоянии тоталитарности. Последнее понятие обозначает уже не единичные доктрины, а состояние идеологического пространства западной мысли позднего модерна. Подлинной альтернативой тоталитарности было и остается только христианство.

Глава 11.

62 «Цивилизация цифры» коммуницирует на основе логических, формализованных языков: естественные языки для нее избыточны.

Колониалистская матрица идеологии

Следуя логике смены мирохозяйственных укладов, необходимо констатировать, что экономическая реальность колониальной эпохи закончилась в начале XX века. Колониальный капитализм, созданный прямой военно-экономической экспансией европейских держав, уступает место корпоративно-олигархическому, главными игроками мировой экономики становятся транснациональные компании, а затем международные финансовые структуры. Меняются формы зависимости, механизмы принуждения и извлечения прибыли.

Вместе с тем XX и начало XXI века показали, что в кризисные моменты в поведении господствующих экономических и политических субъектов наблюдается возврат к методам силового принуждения и к открытой расистской и колониалистской идеологии.

Колониальная экспансия – это исторический драйвер либерального капитализма, то есть, явление для него неизбежное. Первый период обширных колониальных завоеваний относится к XVI – началу XVII вв. Затем идет период «переваривания» завоеванного, а в XVIII в. наблюдается новый всплеск. В конце XIX в. совершается глобальный раздел мира европейскими державами. В начале XX имеет место уже попытка «пересмотра итогов колонизации», сопровождающийся двумя мировыми войнами.

В XX веке, в рамках казалось бы нового мирохозяйственного уклада, наряду с американской и советской моделями накопления капитала возник немецкий «третий рейх», претендовавший на колонизацию восточных славянских территорий под флагом нацистской идеологии, которую можно охарактеризовать как разновидность колониалистской. В основе этой идеологии лежит характерная для колониального мирохозяйственного уклада градация людей по признаку полноценности — в данном случае этнической, но в иных случаях маркерами «полноценности» могут выступать культурные,

цивилизационный, религиозный признаки. Как правило, в любой форме либеральной идеологии присутствует одна из форм комплекса превосходства.

В книге Пьера Андре Тагиеффа "Цвет и кровь. Французские теории расизма"⁶³ по существу представлен каталог разновидностей расистской идеологии. В ней содержится перечень концепций "расистского мироустройства" во Франции XIX–XX веков, в том числе "этнорасовый национализм", евгенический расизм "социалистической" направленности, а еще – "эволюционный расизм и социал-дарвинизм". Последняя разновидность расизма один в один совпадает с современной неолиберальной доктриной.

Это исследование в числе прочего ценно и тем, что оно не дает повода замкнуть понятие "расизм XX века" в национальных границах, то есть, представить его как в первую очередь германское или "пангерманское" явление - кстати, такая точка зрения сама по себе носила бы расистский характер. В сущности, расистское звучание имела и классическая концепция Ханны Арендт, которая в своих "Истоках тоталитаризма" выдвигала "панславистскую" теорию коммунизма.

Еще более интересным источником, помогающим в анализе общеевропейских корней тоталитарности, может служить книга Мануэля Саркисянца "Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской "расе господ"⁶⁴. Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете". Несмотря на название этого издания, материалы, собранные автором, в целом позволяют говорить о фашизме как о синтетическом явлении европейской рационалистской культуры, имеющем все же британские корни.

63 Тагиефф, П.-А. Цвет и кровь: Французские теории расизма / П.-А. Тагиефф. — М. : Ладомир, 2009. — 238 с.

64 Саркисянц, М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Курс лекций, прочитанный в гейдельбергском университете / М. Саркисянц. — Спб. : Академический проект, 2003. — 400 с.

Книга помимо богатства материала отличается точностью выводов. Важная заслуга автора заключается в том, что он отыскал в либерализме смысловой слой, который является переходным от этнического к социальному расизму. Так, еще в 1850-м году, пишет Саркисянц, "эдинбургский профессор анатомии Роберт Нокс... стал приписывать ирландцам целый ряд качеств, несовместимых с чертами среднего класса", – то есть определил ирландцев (шире – кельтов) как экономически несостоятельную расу. По мнению Нокса, "источник всех бед Ирландии кроется в расе, кельтской расе Ирландии... Следует силой изгнать эту расу с земель... они должны уйти. Этого требует безопасность Англии"⁶⁵.

Таких примеров в данном исследовании немало, и это вполне закономерно, поскольку непредвзятый анализ морально-этических оснований либерализма и нацизма обнаруживает их идентичность. Классическую либеральную теорию и ее радикальный, нацистский вариант объединяет общий моральный императив – тотальная конкуренция, то есть, принцип естественного отбора, перенесенный из животного мира в человеческое общество. В эпоху социализма эту доктрину принято было называть "социал-дарвинистской", и это определение приходится признать довольно точным.

Еще один признак, объединяющий классический колониальный либерализм с нацизмом гитлеровского образца – это модель расколотого, разделенного мира. Один из современных левых авторов, Михаил Магид, перефразируя положения знаменитого представителя левого движения XX века профессора Падуанского университета Антонио Негри, говорит об этом так: "Колониальная идентичность действовала посредством логики исключения... Белое, цивилизованное, организованное, продуктивное, разумное здесь противопоставлялось цветному, природному, хаотичному, неэффективному, чувственному, дикому. Как отмечал алжирский исследователь колониализма Франц Фанон, "колониальный мир – это мир,

65 Там же

расколотый надвое". Колонизированные исключены из европейского пространства не только территориально, не только на уровне прав и свобод, но и на основе мышления, ценностей, жизненных целей. Они представлены в мышлении колонизатора в образе "других", отброшены за границы цивилизации. Конструирование идентичности строится по принципу "мы–они" и основано на существовании жесткой границы"⁶⁶.

Логика исключения, принцип «мы–они», имеет совершенно иной вид в рамках апостольского христианства, которое по сути весьма мягко относится к «они», стремясь обратить их в истинную веру путем проповеди и миссионерства (отсюда такие примечательные понятия христианского словаря, как, например, «добрый язычник»). Тем не менее, уточнение "апостольское" для этого утверждения является критически важным, поскольку в течение веков христианское учение испытывало многисленные деформации, выражавшиеся то в крестовых походах, то в выморочных положениях протестантской этики, то в подмене катехизации - колонизацией.

В сущности, колониализм и связанные с ним формы расизма - это важнейшая черта западного модернистского сознания. Человеческие потери русских от этой особенности только в XX веке насчитывают десятки миллионов жизней.

Неудачной попыткой демонтировать колониальный каркас либерального капитализма было коммунистическое движение прошлого века. По своей идеологии оно стало закономерной реакцией на сформировавшуюся ранее тенденцию отчуждения людей от результатов своего труда. Эту тенденцию коммунисты предлагали устранить с помощью отчуждения средств производства и прибавочной стоимости от собственников, а также ссудного процента от обладателей финансового капитала, осуществив тем самым «экспроприацию экспроприаторов». Они объявили классовую войну капиталистам, которая стала реакцией на классовое угнетение наемных работников и колониальное угнетение зависимых стран и народов.

66 Магид М. "Постимпериализм"

Октябрь 1917-го года означал попытку отказа от периферийной модели развития и глобальной зависимости и одновременно разрыв с собственной традицией. Это типичный пример выплескивания вместе с водой ребенка, поскольку очевидно, что второй аспект этой трансформации - разрыв с традицией - подрывал успешность остальной части советского проекта. Поэтому советская эпоха только на первый взгляд выглядит монолитной, в действительности же она сопровождалась борьбой двух непримиримых тенденций. Противопоставление себя Западу как нового идеологического центра едва ли могло быть достигнуто ценой утраты собственной культурно-исторической специфики.

СССР формально строился на основе модернистских концепций социализма, но на глубинном уровне этот процесс временами негласно опирался на традиционные (общинные) эгалитаристские архетипы русского коллективного сознания. Это определило внутренние противоречия проекта: весь советский период ушел фактически на их преодоление.

Практическая реализация коммунистической идеологии в России вылилась в национальный раскол и гражданскую войну. Советская индустриализация и коллективизация были определены рядом наблюдателей не как социализм, а как государственный капитализм. Это определение выглядит обоснованным в части описания механизмов эксплуатации работников, прежде всего, крестьян. Тем не менее, в отличие от капитализма, целью производства в СССР стала не максимизация прибыли, а развитие производительных сил ради коммунистического строительства. Механизм частного присвоения прибавочной стоимости был упразднен, а деньги превратились в инструмент экономического планирования. Упразднение капитализма в СССР не позволило вплоть до Второй мировой войны выйти за рамки принудительной формы производственных отношений колониального мирохозяйственного уклада; иногда для описания этого феномена используется понятие «внутренней колонизации» с выведением понятия «колониализм» за рамки первоначального содержания (раздел мира

между европейскими колониальными империями). Расширение термина имеет свою логику, учитывая, что после распада колониальных империй разделяющие человечество расистские и классовые идеологии не исчезли, как и сам принцип превосходства.

В рамках данной проблематики, конечно, нельзя обойти стороной вопрос о культурном и цивилизационном расизме. Этот вид расизма можно считать наиболее радикальной формой проявления гегемонии и зависимости в современном мире.

Сегодня существует довольно ясное понимание того, что в идеологическом пространстве Запада мы имеем дело не с «общечеловеческими ценностями» как таковыми, а с определенной (атлантистской) их трактовкой. И эта трактовка является отправной точкой культурной гегемонии.

Так называемый универсализм современности берет свои истоки в англо-американской версии протестантской культуры, которая присваивает роль носителя дефиниций «общечеловеческого», настаивает на знании исторической логики и всечеловеческих ценностей. В определенном отношении эта позиция представляет собой классический случай «похищения языка», описанный Роланом Бартом. Часть выдает себя за целое - таков, если угодно, устойчивый люциферианский мотив атлантизма. Порождаемый им набор культурных идиом скрывает этот принцип под спудом мнимых очевидностей.

Мнимый универсализм и превосходство либерального капитализма англо-американского образца пока еще выступают как метанарратив или «привилегированное означающее» современной культуры, используя терминологию философа Жака Деррида. В политике многих стран еще ощутимы симптомы квазирелигиозного поклонения «титульной» культуре, хотя процесс поклонения, по-видимому, принимает все более инерционный характер.

Западная левая критика нередко связывает англо-американскую гегемонию с «римским стилем» мышления, который полагает, что господствующая культура тождественна культуре как таковой, так сказать, «космосу» культуры, а те формы человеческой организации, которые в нее не вписываются, относятся к сфере культурного «хаоса» и рассматриваются как проявления варварства. Для обозначения этого варварства может использоваться расистский словарь непосредственно — тогда речь идет об «азиатских варварах», «недолюдях» («унтерменшах»), «ущербных нациях». В других случаях случае дискриминирующая парадигма прибегает к камуфляжу, использует систему эвфемизмов, апеллирующих к авторитету чистой науки, рациональности, естественного права, объективного общественного блага и даже некоей абстрактной «морали». Тогда речь идет о «тирании», «авторитаризме», «незрелости демократических институтов», «потомственном рабстве», «неразвитом гражданском обществе». Но эта терминология, обладающая чертами научного стиля и (или) тираноборческой романтики XIX века, выполняет ту же функцию, что и первый ряд лексических единиц.

Сверхзадачей обоих дискурсов является легитимация идеи господства, оправдание ситуации, когда одна, якобы более развитая культура может диктовать свою волю другим, якобы менее развитым, поскольку обладает более высокими идеалами, находится на «правильной стороне истории» (Барак Обама) и т.д. Право использовать свои критерии оценки исторической ситуации при этом имеет, разумеется, лишь одна из сторон — доминирующая.

Эта ситуация дискриминирует остальных культурно-исторических акторов, девальвирует их культурные ценности и исторический опыт. Это заставляет говорить о культур-расистском комплексе идей, который связан с англо-американским мессианством, идеями глобального лидерства и культурно-цивилизационного превосходства.

Разумеется, адептам цивилизационного расизма можно было бы напомнить, что были в истории мира и арабцентричная и испаноцентричная

эпохи, что в период расцвета Восточно-Римской (Византийской) империи Европа де факто была провинцией христианского мира. Можно задуматься и о судьбе «первого» Рима. Но любой гегемонизм включает в себя комплекс психологического бессмертия: в своем самоослеплении он склонен считать себя вечным.

Источником современной расистской мифологии вообще и цивилизационного расизма в частности можно считать ряд особенностей менталитета английских пуритан XVII века. Именно в это время начал складываться британский комплекс исключительности (не следует путать понятия цивилизационной исключительности и цивилизационной уникальности: уникальны все в равной мере, а исключительность предполагает превосходство⁶⁷). Как несложно догадаться, эта пуританская идея напрямую связана с кальвинистским учением о «спасении избранных». Но на английской почве данный мотив получает совершенно неповторимую аранжировку — в частности, идею «исключительной» роли Англии и английского народа в истории церкви» (106). Продолжением этой идеи в 1610-1620-х гг. становится трактовка англосаксонских пуритан как «нового избранного народа», а Америку как новую «Землю Обетованную». Таким образом, можно констатировать, что нарастание мессианизма и идей религиозного превосходства в английском сознании сопровождалось определенным регрессом религиозной мысли, усилением в ней ветхозаветных мотивов и трактовок, своего рода гебраизацией.

Новоанглийские историки XVII века (Э. Джонсон, У. Хаббард, К. Мэзер и другие) изображают колонистов «как благочестивых «святых», которые по воле Бога совершили «исход» из Англии, чтобы спасти истинную религию от Антихриста».

67 См. Адамова Нина Эдуардовна. Идеи «исключительности» в представлениях английских пуритан и сепаратистов накануне эмиграции в Новую Англию (первая треть XVII в.) : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Адамова Нина Эдуардовна; [Место защиты: Санкт-Петербургский институт истории РАН].- Санкт-Петербург, 2015.- 251 с.) (с. 62)

Интересно, что сама идея «второго избранного народа» не казалась пуританам ни абсурдной, ни пародийной. Но именно наложение мотива «новой избранности» в сочетании с привычным христианским идейным комплексом позволял вывести на британской почве идею исключительности и особой миссии англичан не в последнюю очередь в самом христианском мире. Эта миссия на первых порах обозначалась как очищение христианства от влияния идей Антихриста. В полемике пуритане нередко сравнивали своих религиозных оппонентов с Сатаной.

Еще более радикальные, чем обычные пуритане, сепаратисты подчеркивали единство «истинных реформатских церквей», стремясь отделить себя и своих детей от «ложных церквей» (отсюда *separatio* и сепаратизм).

Мотивы «исхода», «земли обетованной» и «города на холме», как ни странно, напрямую были использованы в качестве основания для отчуждения англичанами и индейских земель и одновременно - в качестве метафоры внутреннего «пути ко спасению».

Пуритане XVII века полагали, что Господь заключил с английским народом «ковенант» (договор), выделив таким образом англичан из числа европейских народов в качестве избранных. Эта «исключительность» трактовалась одновременно как бремя ответственности перед другими народами - наряду с дарованной Богом властью. Трудно удержаться от параллели с американским радикальным протестантизмом XX века, в частности, с течением диспенсационализма, закрепляющим за англо-американскими протестантами тот же статус «второго избранного народа», а за Америкой идею “Manifest Destiny” (проявленной судьбы).

Строго говоря, после «исхода» в Америку уже можно говорить не об английской, а об англо-американской мысли.

Примерно в это же самое время возникают первые признаки обмирщения, секуляризации пуританской доктрины. Так, например, историк Дж. Бэнкрофт, основатель «романтической» школы американской

историографии тогда же, в XVII веке описывает пуританизм как «предтечу демократии», поскольку он опирается не на духовенство, а на «христианский народ», в конечном счете это означает политический суверенитет как высшую религиозную ценность, связывая его однако именно с ветхозаветным общественным идеалом. Параллельно формировалась и экспансионистская установка. Как шутили историки XVII-XVIII вв., «пуританин, который не лезет в чужие дела, – это оксюморон».

Постепенно британские принципы мышления на основе мифов превосходства, мессианизма, социал-дарвинизма и прогрессистского универсализма становятся общим идеологическим фоном, идейной средой, в которой формируется общеевропейское и американское общественное и политическое сознание. Особенно явно эта зависимость проявилась в контексте колониалистской политики.

Материалы широко известной книги Мануэля Саркисянца «Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ»⁶⁸ позволяют говорить о расизме как о явлении, имеющем британские корни, но ставшем синтетическим явлением западной культуры вообще. Уже в кайзеровской Германии подражание британским стратегиям было положено в основу собственной политики. И это касалось не только административно-военных мер в колониях — влияние было значительно более глубоким, речь шла о многоаспектном расистском мышлении как таковом. Карл Петерс, один из первых немецких государственных деятелей, отвечавших за колониальный курс в Африке, заявлял: «Я всегда ссылался на британскую колониальную политику как на важнейший фактор». «Каждый день пребывания» в лондонском Сити — центре тогдашнего финансового мира — «давал мне новый конкретный урок колониальной политики». Он восхищался тем, что «многие сотни тысяч людей в Англии могут

68 Саркисянец, М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Курс лекций, прочитанный в гейдельбергском университете / М. Саркисянец. — СПб. : Академический проект, 2003. — 400 с.

наслаждаться досугом, потому что на них работают многие миллионы представителей чужих рас» <...> «происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь там... наши наставники...» - резюмирует Карл Петерс. Само его мировоззрение, по его словам, сформировалось за время его пребывания в Англии и помогло стать крупным политиком: «Каждый день пребывания» в лондонском Сити... давал мне новый конкретный урок колониальной политики».

По свидетельству М. Саркисянца, Адольф Гитлер охотно признавал, что его политика построена по английским образцам. В 1935 г. он заявил: “Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели”... “Наша цель – не Данциг, – заявляет он 23 мая 1939 года. – Наша цель – расширение жизненного пространства на Востоке”, и это пространство на Востоке Гитлер называет «германской Индией», добавляя при этом: “Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное”.

Заметим, что в гитлеровскую военно-политическую коалицию входило более 20 государств — в основном, европейских. Что касается противостояния во Второй мировой войне Англии и США с одной стороны и Германии с другой, то вполне очевидно, что оно было ситуативным, а не идейным, и лишь после краха рейха в 1945 году было задним числом оформлено как якобы идеологическая — с пропагандистскими целями, в интересах новой информационной войны и противодействия советскому влиянию.

С предельной откровенностью современная англо-американская мысль сама это подтверждает. Так, например, профессор Принстонского университета Стивен Коткин 9 апреля в конце своей лекции в Институте перспективных исследований Принстонского Университета заявляет, что Великая Отечественная война была не выиграна, а проиграна Россией, только это произошло в 1990-е годы. Переломным моментом войны он называет вывод советско-российских войск из Германии и стран бывшего Варшавского

договора, который был завершён к 1994 году: «Подобно отступающей армии Наполеона, российские войска отступили по тем же дорогам вглубь России в начале 90-х... Потребовалось много времени, но всё огромное здание Победы оказалось разрушенным в полноте времени».

При такой интерпретации событий второй половины XX века вопрос о ревизии итогов Второй мировой войны и героизации нацизма даже не стоит. Из сказанного следует, что войну с Россией продолжает англо-американский Запад, исходя из ценностей атлантизма, для которого третий рейх — естественный союзник, составная часть и инструмент в достижении долгосрочных целей. Очевидна преемственность позиций: холодная война как продолжение Великой Отечественной, дело Германии продолжают США и НАТО, а аналогом проекта «третьего рейха» следует считать объединённый англо-американский мир⁶⁹.

Таким образом, расистская модель идеологии начиная с XIX в. представляет собой двухэлементную инвариантную структуру: британский инвариант и общеевропейский набор вариантов на общую идеологическую тему. Причём речь должна идти не об отдельном — скажем, национально-этническом, на котором специализировалась Германия в 1930-40-е гг., а о многоаспектном, комбинированном, интегральном расизме, включая культурный и цивилизационный.

Образ мира и человека, встроенный в идеологию атлантистского типа, легко узнаваем. Атлантистская социальная доктрина состоит из нескольких составных частей: утилитаризм, утверждающий общественное благо от эгоистической конкуренции; имманентизм - вера в объяснение вещей «из них самих»; панпрогрессизм — вера в тотальный Прогресс всего и сразу — в «прогресс вообще»; протестантская идея избранности ко спасению, в секулярной форме превратившаяся в оправдание неравенства; социал-

69 URL: <https://aurora.network/articles/163-zajavlenija/66611-amerikanskiy-istorik-sssr-proigral-velikuju-otechestvennuju-polveka-spustja?fbclid=IwAR0-wnTEe5JziG5XxCUg0h0jqZHM-v0v6x1KibLyC6cifo9p4pyYuhdZmaU>

дарвинизм и мальтузианство, утверждающие пользу естественного отбора и ненужность «лишних» людей; принцип статусного потребления, формирующий тип человека как «эго-машины», «фабрики желаний».

Этот базовый набор идей в совокупности дает атлантистской технократической элите сакральную санкцию на неограниченное социально-политическое насилие. Французский философ Рене Жиран еще в 1970-е гг. обратил внимание на этот феномен, назвав его «сакральным насилием». Его мотивный комплекс включает в себя фигуру «сакральной жертвы», обычно это враги господствующего миропорядка, совершившие действительные или мнимые «преступления против человечности» - Милошевич, Каддафи, Хуссейн, иногда целые народы (сербский, русский), а иногда просто люди, нанешие вред интересам атлантизма, вроде Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена.

Сакральная жертва должна претерпеть ущерб, тем самым послужив благо остальных. Отсюда и расистский комплекс идей у диспетчеров атлантистского проекта.

Атлантистский дискурс содержит в себе расистскую матрицу («цивилизованная» и «нецивилизованная» части мира), и эта матрица многократно воспроизводится в процессе культурной коммуникации. Меняются ее исторические формы, но содержание остается неизменным. Заметим, что данный феномен в морально-этическом смысле является полным зеркальным «перевертышем» христианской нравственности. Он не просто имеет мало общего с христианством (как восточные религии), но сознательно противопоставляет ему себя по принципу «от противного», обращаясь к неоязыческой архаике, и потому является постхристианским.

Одной из заметных черт англосаксонского менталитета и культуры является протестантский идеал (*service ideal*) «экономии усилий». Данный идеал представляет собой форму социализации английского протестантизма. В позднейшем развитии этот феномен дал своеобразные формы гражданской религии, использующие христианский набор символов, но далекие от

христианских ценностей. Согласно духу этого мифорелигиозного феномена, благодать распространяется вместе с инвестициями, а биржевые колебания и экономическая конъюнктура — в том числе хрестоматийная «невидимая рука рынка» - выступают как субститут провиденциальности.

На данный мифорелигиозный комплекс наложился просветительский мессианизм, понимаемый как необходимость цивилизовать дикарей независимо от их воли («бремя белого человека»). Синтез утилитаристской квазирелигиозности и этого просвещенческого мессианизма дал в чем-то ожидаемый результат.

Принцип «экономии усилий» (экономической аскезы) стал восприниматься элитами в самом комфортном и незатратном смысле — как переложение этих усилий на представителей нецивилизованной части человечества, на варваров. В освобождении белого человека от его тягот, заключалось, так сказать, их подлинное служение Богу. Так в историческом русле англо-саксонского протестантизма был реализован в наиболее совершенном и развитом виде этот колониалистский идеал. В этой подмене сыграла решающую роль пародийная форма ветхозаветного мотива избранного народа.

В рамках этой семантики сформировались мифы превосходства, которыми отмечена европейская форма римской болезни — колониализм и расизм во всех видах - цивилизационном, культурном, религиозном, социальном и, наконец, национально-этническом (с идеей «высшей расы»).

Александр Панарин по этому поводу писал: «благородную открытость Просвещения они заменили эзотерикой «демократического» расизма, связанного с убеждением в том, что демократия имеет свой тип ментальности, характеризующий европейского «белого человека».

В сущности еще является большим вопросом, существовала ли «благородная открытость просвещения» не только в философских трудах и политических декларациях, но и в реальной социальной практике. Во всяком случае колониалистская экспансия плохо сочетается не только с христианской

нравственностью, но даже и с духом философии Просвещения, толкующей о царстве Разума, «свободе, равенстве и братстве».

В этом комплексе идей «христианство» приравнивается к античной по происхождению идее «высшей цивилизации», что и порождает «римскую болезнь» Запада и усиливает его разрыв с собственной традицией.

Колониалистская модель разделенного общества является важнейшим культурным кодом в условиях англо-протестантского доминирования.

В период «романтического» британского империализма колониалистский дискурс был основан на идее *civilizing mission* - цивилизаторской миссии по «просвещению народов», - и «бремени белого человека». Предполагалось, что господство европейских держав, внешнее управление и вмешательство в жизнь колоний в конечном итоге выполняет благотворную, «цивилизирующую», просветительскую роль.

Юридическим оформлением колониалистской политики следует считать понятие *terra nullius* («ничейной земли»), которое открывало возможность Британии и другим европейским странам на «законном» основании присваивать земли нехристианских народов — тем более, что здесь присутствует прямая смысловая и логическая подмена понятий: колонизация как замена катехизации. Интересно, что и в XX веке в ходе нагнетавших в США процессов истцам из представителей индейских племен так и не удалось добиться отмены этого принципа и признания незаконности изъятия их земель.

Компактным местным вариантом социального рабства можно считать описанные английскими классиками «работные дома», политику огораживаний времен Генриха VIII, которая вела к разорению и голоду среди крестьян. Яркими примерами расистской политики можно считать подавление восстания сипаев в Индии и опиумные войны в Китае. Цивилизаторы искренне считали индейцев, индусов, китайцев и негров людьми, не сравнимыми с ними с точки зрения прав и интересов. Впрочем, в определенной ситуации на роль сакральных жертв могли быть назначены и

соседи-ирландцы, которых в ходе религиозных войн в XVII веке могли продавать в рабство.

В период англо-бурской войны идеология колониализма изменилась. Тогда возникла необходимость в градации собственно колониалистских практик — бурских и британских — на «плохие» и «хорошие». Для этого был впервые задействован дискурс естественно-правового регулирования («защиты прав и свобод»). Которое, впрочем, осуществлялось ради войны за территорию, с применением не только чисто военных, но и карательных мер: именно в англо-бурской войне англичанами впервые в истории была использована практика создания концентрационных лагерей, впоследствии позаимствованная у них немцами и австро-венграми в Первую мировую, затем большевиками и национал-социалистами.

На следующем этапе европейской истории колониализм принял форму нацистской градации «человеческого материала» по расово-этническому принципу. При этом некоторые народы Европы ощутили себя в том же положении, в котором прежде прибывали народы мировых окраин.

Во второй половине XX - начале XXI в. (эпоха позднего модерна или постмодерна) набирают силу именно культурные и цивилизационные формы расизма. Место прежних «биологически неполноценных народов» заняли «враги мировой демократии», «закрытые тоталитарные общества» и народы, якобы «неполноценные» в гражданско-политическом смысле. Эта тенденция ярко проявилась, начиная с 2014 года, в политике Украины по отношению к русскому меньшинству, поддержанная англо-американским политическим классом.

Данный феномен чем-то напоминает идеологию первого этапа колонизации, только теперь она предполагает иные методы. В роли главных объектов неоколониалистских практик оказываются так называемые неконвенциональные субъекты — уже упомянутые «враги мировой демократии», не способные воспроизводить эталонные политико-правовые

стандарты, предписанные гегемоном, и исповедующие «тоталитарные ценности».

Очевидно и то, что идеология социума, скроенного по британским образцам, в значительной мере расходится с социальной реальностью.

Например, антитоталитарная риторика, как уже говорилось, сама по себе является тоталитарной и по стилистике и по задачам - в частности, она используется для отмены социальных гарантий, в целях социального контроля и военно-политической экспансии.

Пожалуй, главная черта расистской модели идеологии — это принципиальное расхождение между либеральными концепциями и конкретной исторической практикой. Например, одна из ключевых фигур Просвещения, классик философии свободы, теоретик гражданского общества и правового демократического государства англичанин Джон Локк «был одним из крупнейших инвесторов британской работоторговли своего времени. Он также дал философское обоснование отъятия земель колонистами у североамериканских индейцев. Его взгляды на экономическое рабство в современной научной литературе расцениваются то как органическое продолжение антропологии Локка, то как свидетельство её противоречивости»⁷⁰.

Данный сюжет из истории британской мысли как бы показывает, что англо-саксонская концепция общества и государства, с самого начала допускала возможность и даже необходимость в рамках «философии свободы» переложить на кого-то бремя несвободы и несправедливости — так работает принцип «экономии усилий» — включить в проект сакральную жертву, которую позволительно использовать в этом качестве.

Право на это действие первоначально обосновывается в мессианистском ключе: колонизация как право «цивилизовать», возможность развития и плата за нее. Возникает парадоксальный образ всемирного «университета свободы», платой за обучение в котором является собственно

70 URL.: http://elenapyyhtia.blogspot.com/2018/06/blog-post_94.html

свобода, но свобода здесь-и-сейчас, маленькая и несовершенная, однако реальная.

В рамках этой логики необходимо обосновать позволительность парадоксального принципа - принуждение (несвобода) ради свободы (ср. «принуждение к миру», «гуманитарные бомбардировки» и проч.).

Как правило, в качестве аргументации используется фаталистический дискурс о естественных предпосылках и «неизбежности» существующего порядка вещей, неготовности некоего субъекта получить равный статус, о необходимости неравенства в интересах развития этого субъекта. Наконец, как самый радикальный вариант, необходимость предотвратить «угрозу» миропорядку, исходящую от потенциальной сакральной жертвы (жители бывшего СССР, бывшей Югославии, бывшей Новороссии, мусульмане, христиане, так называемые «популисты» и сторонники «незрелой» демократии, ксенофобы, «деplorанты» и проч.).

Объективно данная ситуация делает «мировых лидеров» бенефициарами расистского проекта, использующего механизм извлечения цивилизационной ренты.

Для функционирования этого механизма необходимы межкультурные и межцивилизационные отношения, выстроенные по принципу взаимодействия воспитателя и воспитуемого, вассала и господина, «дикаря» и «цивилизатора». Иными словами, требуется добровольное согласие жертвы на свою роль.

В экономическом смысле такое согласие означает готовность занять место в самом низу обменных и производственных цепочек, согласившись на неэквивалентный обмен и невыгодную нишу в мировом разделении труда (например, выполнять роль сырьевого придатка или компьютерного «сборочного цеха»). С этой целью проводится антипротекционистская политика на территории зависимой страны и вывоз капиталов, вкладывание его в ценные бумаги господствующих субъектов, а не в национальную науку, образование, индустрию.

Механизм извлечения цивилизационной ренты включает в себя мифы превосходства атлантистского проекта. Эта идеология требует инфантилизации зависимых обществ, например, возложения на них груза «исторической вины» за какие-то события. Ощущение коллективной вины парализует способность к генерированию собственных исторических смыслов. Без такого контура идеологической зависимости извлечение ренты требует непомерно больших издержек - например, долгосрочной военной оккупации. Такой сценарий тоже возможен и нередко реализуется. Но, как правило, в этом случае проект теряет рентабельность для одной стороны и психологическую привлекательность для другой.

Важным признаком политических моделей, основанных на пананглизме и панамериканизме, является принцип экстерриториальной кратократии, то есть, применения своих норм и установлений (юридических, политических и проч.) за пределами территории собственной страны.

Принципы англо-американской экстерриториальной кратократии находятся, что называется, в открытом дискурсе, - то есть, отражены в идеях и принципах военно-политической стратегии американских элит, таких как «глобальное доминирование» или «глобальный контроль». Атлантистские критерии господствуют в трактовке понятий «стандарты демократии» и «права человека». При этом приоритеты деятельности профессиональных правозащитников из других стран всегда «случайно» совпадают с позицией внешнеполитических ведомств США и Великобритании.

В числе проявлений атлантистской кратократии можно также назвать экстерриториальное применение американских законодательных норм (например, при аресте подозреваемых в других странах), политико-экономическое давление (санкции, ограничение в области тарифов, эмиссионного и кредитного курсов — например, в Китае и России), блокирование оптимальных маршрутов сырьевых поставок (Россия-Европа), экономические санкции (Иран, Россия), нерегламентированное применение вооруженных сил, практику государственных переворотов, подготовку

террористических групп и отрядов боевиков, внешнеполитическое давление с целью дистанционной смены власти (попытка назначить нового президента в Венесуэле) - и это не говоря о поддержке терроризма (Сирия) и военного геноцида (Украина). Характерно, что на законности многих подобных операций англо-американские элиты и не настаивают: например, выступление бывшего госсекретаря США Колина Пауэлла с пробиркой, содержащей возбудитель «сибирской язвы», принятой в качестве повода для нападения на Ирак, официально было признано ошибочным.

Континентальная Европа и англо-американский мир значительно различаются в цивилизационном отношении. Это проявляется на уровне строя мышления, философских традиций, особенностях юриспруденции (римское право и прецедентное право), лингвистических концепций и школ.

Для филолога очевидны глубинные мировоззренческие различия между, например, европейским структурализмом и англо-американским логическим анализом языка, теорией речевых актов. Если французы изучали семантические ресурсы языка, семиотику, то британский логический позитивизм призвал формализовать естественные языки с помощью логики. Для этого был предложен метод протокольных предложений (Людвиг Витгенштейн) и «преодоление метафизики средствами философии языка» (Рудольф Карнап, см. одноименную работу). Фактически этот английский путь означал математическую трансформацию языка, превращение его из орудия человеческого разума в инструмент искусственного интеллекта. Сегодня в области социального управления на мировом уровне побеждает идея «цифрового общества» - вариант идеи искусственного интеллекта, не предусматривающей процедур серьезной научной верификации.

Это сопоставление дает понять, как глубоко проникли идеи атлантистского миропорядка и отношения к человеку в пространство культуры континентальной Европы и остального мира. Как известно, «язык — это дом бытия» (Мартин Хайдеггер) и социальный институт, он отражает способ структурирования коллективного сознания, в том числе и состояние

других общественных институтов. Таким образом, можно констатировать, что носители англо-американской культурно-языковой картины мира смогли навязать ее остальному миру на уровне управленческих практик. Именно поэтому, например, значимость научных текстов определяется исходя из их индекса цитируемости именно в англоязычных источниках.

В пространстве массмедиа легко проследить принудительное заимствование английской общественно значимой идиоматики. Яркий пример — внесении изменений в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Поправки в тексте статьи об ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации в прессе обозначается как «закон о фейковых новостях».

Воздержимся в данный момент от оценки идейно-политического содержания этой инициативы, но обратим внимание на то, что хотя речь идет о решении внутренней, национальной проблемы (неважно, верном или нет) для ее массового усвоения используется понятийный элемент социально значимой лексики англоязычных обществ. «Фейковые новости» - это калька с английского "fake news", ее использование означает отказ от использования русских понятийных аналогов. В соответствии с особенностями англо-американской культуры, без поправки на культурные различия используется, например, понятие «технократ» как безусловно положительно, а не нейтрально маркированное, при этом оно не имеет альтернативы в виде столь же нейтрального антонима («пневмократия», «сенсократия» и т.п.).

Количество таких идиом растет, отражая при этом англо-американский социокультурный опыт, не применимый в контексте русской социокультурной среды. Особенно деструктивным является использование англоязычной политической идиоматики, когда оно касается решений и оценок, имеющих существенное национальное значение — таких как «failed state», или квалификации нерегламентированных силовых действий - “peace enforcement”, humanitarian bombing».

Ситуация с английской идиоматикой и терминологией напоминает ситуацию, описанную Джорджем Оруэллом в знаменитом романе «1984», где проводником репрессивных культурных практик служил специальный тоталитарный язык - «ангсоц». Ирония истории проявляется в том, что в роли такого языка — только ему больше подойдет название «англиб» - выступает собственно английский, а точнее — идиоматика и специализированная лексика английского языка «цифровой эпохи».

Неадекватность этого мертворожденного феномена потребностям развития ощутима даже для неспециалиста. Очевидно, что его экспансия в пространстве повседневной речи порождает серьезный сбой в национальном культурогенезе, поскольку отражает семантику не национального, а глобального культурного пространства.

Отдельным аспектом цивилизационного расизма в XX-XXI веке следует считать феномен неокOLONиализма. Он имеет экономическую, политическую и культурную формы. Проявления этой идеологии в сфере мировой экономики достаточно точно описаны представителями школы мир-системного анализа (МСА) в рамках концепции «центра-периферии», «неравного обмена», «неравной специализации» и «иерархии товарных цепей»⁷¹.

Стоит упомянуть о сложившемся еще в XIX веке явлении «патерналистического колониализма», являющегося идеологическим замещением военной интервенции, которая в ряде случаев становится не слишком выгодной странам экономического центра, поскольку тормозит экономическую активность в зависимой стране и снижает размер колониальной ренты.

Это явление получило развитие в XX и XXI вв. уже в неокOLONиалистском формате Оно породила ориенталистский дискурс в культуре, а именно искаженный образ мировых окраин, навязываемый

Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. — 176 с.

политическими элитами не только западной культуре, но и самим окраинам — в частности, утрированные формы «патриархальности», с одной стороны и вестернизации с другой. Эти образы, как правило, направлены на вытеснение идей о внутренней, имманентной эволюции периферийных стран, о «собственном пути модернизации».

В интересах западных сохранить неопределенный, промежуточный статус «периферии», статус Востока как «недозапада». Именно такой *status quo* обеспечивает беспроблемное извлечение цивилизационной ренты, вывоз капиталов и ресурсов. Поэтому ассимиляция не должна останавливаться, но и не должна иметь логического завершения. Это мир, разделенные части которого находятся на расстоянии «полу-вытянутой» руки друг от друга. Вместо хрестоматийного «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись» имеет место ситуация, когда эти два мира не могут ни сойтись окончательно, ни разойтись.

Культурная гегемония при этом достигается с помощью навязывания Другому (в данном случае глобальному Востоку или глобальному Югу) ложного образа его самого, то есть, влияние на формирование чужой идентичности в рамках западного культурного стандарта. Рост этой неокOLONиалистской практики наблюдался в 1960-е годы на волне интереса к ориенталистике. Сегодня вызывает интерес новый ориентализм, в рамках которого Запад конструирует для себя «глобальный Восток» в качестве постмодернистского симулякра (включая идею «локальных идентичностей», существующую в рамках современной регионалистики).

Проблема симулятивных культурных образов ориентализма и их политизация обсуждается в работах А. Негри, С. Амина, Э. Саида. Эдвард Саид говорит о «ложном образе Востока» и о западной ориенталистике как имперской дискурсивной практике: «“Ориентализм” чаще всего воспринимали как своего рода голос поработенных (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего

влияния. Таким образом, я в качестве автора исполнял предписанную мне роль: быть саморепрезентацией того, что прежде было подавлено и искажено в научных текстах, составляющих дискурс, исторически обращенный не к народам Востока, а все тому же Западу».

Обратив в этом контексте внимание на российское идеологическое пространство, мы обнаружим, что роль сконструированного Другого в нем играют культ субъектов «модернизации» (вместо реальной модернизации) и многочисленные образы *global russians* - это же понятие по существу лежит и в основе украинской проектной идентичности. С точки зрения западного политического истеблишмента и большей части научного сообщества, Россия вписана в парадигму восточных культур - историческая Византия для них также часть «Востока», остававшаяся христианской едва ли не по недоразумению. Этим убеждением подпитывается политика по «оттеснению России от теплых морей», вытеснению ее из европейского пространства, печально известная концепция «Междуморья» и иные геополитические проекты и доктрины.

К сожалению, русско-византийская культура, будучи тесно связанной с европейской, менее остро реагирует на деструктивные практики агрессивного ориентализма, нежели Ближний Восток, где всегда помнили и помнят о набегах крестоносцев, или Дальний Восток. В рамках восточных культур грань между «своим» и «чужим» гораздо более ощутима. Российская же ситуация обнаруживает наличие серьезных проблем с пониманием национальной идентичности, и эта ситуация вызывает тревожные ожидания у критически мыслящих представителей русской культуры.

Многие реформы «по западному образцу» не только противоречили развитию русских общественных институтов, но, вопреки громким декларациям, имели мало общего и с западными институтами, что также определяло их деструктивный характер. Это в свою очередь мифологизировало логику и смысл отношений русского мира с миром западноевропейским. Русские пытались — и государство нередко укрепляло

их в этом заблуждении - договориться с Западной Европой «по-хорошему», по-джентльменски, а в пределе неким мистическим образом в нее «вступить», так словно бы русские сами по себе изначально не являются европейцами и не имеют за спиной той же самой христианской традиции.

Вера в сакральную санкцию «европеизма» в некоторые моменты — например, в начале 1990-х — вызывала подобие коллективного помешательства. Концепция вестернизации, искусственно поднятая в России до статуса гражданской религии, отражает выморочную ситуацию, когда элиты не берегают, а разрушают исторический опыт народа. Эта ситуация обозначена у Освальда Шпенглера, в «Закате Европы» термином «псевдоморфоза». Она дезориентировала общество, лишала его собственного незаменимого опыта.

Изнанкой стороной этого явления можно считать западную русофобию - реакцию на стремление России к самостоятельному выбору исторической судьбы. Русофобия рождается в XVI веке, как раз тогда, когда Европа начинает всерьез сомневаться в своей христианской идентичности и возможности существования «единого христианского мира». В XVI веке русско-византийская аутентистская, библейская модель европеизма, не знавшая Ренессанса, стала вызовом для западноевропейской конструктивистской космологии, созданной Ренессансом, каковая космология, как выяснилось, в долгосрочной перспективе ведет к отрицанию ценностей библейской традиции. Так, Франсуа Рабле писал о грубых и неразвитых народах - «московитах, индейцах, персах и троглодитах». Примерно тогда же выходят знаменитые «Записки о Московии».

Между тем, Русь остается в рамках той самой традиции, которую отверг Запад, формируя себя заново на основе новой, негативной идентичности модерна — исторического отрицания. В действительности христианин и есть подлинный европеец, который остается собой, не стремясь бесконечно реконструировать себя и (что хуже) других. Но поскольку сторонники «великого разрыва с традицией» (термин Ф. Фукуямы) выбрали

иной путь, исторический ресурс христианского европеизма остается нам в наследство. Мы готовы им делиться, Запад отказывается его принять. Для европейского сознания это возвращение к исторической травме — ситуации внутренней расколотости коллективного «я». Поэтому смыслы, несущие экзистенциальную угрозу, активно вытесняются. Ощущение чужой подлинности невыносимо в условиях отказа от себя. Поэтому наше наследование христианской традиции воспринимается как историческое упрямство, отсталость и мракобесие.

Англосаксонский вариант цивилизационного расизма следует считать модельным для всего западного общества эпохи модерна. Это инвариант идеологии, который так или иначе в разных вариациях воспроизводился почти во всех модернистских идеологиях XIX-XX вв., включая «германский» нацизм.

Именно этим объясняется формальное и по существу притворное осуждение нацизма, поверхностная и исторически обратимая практика «денацификации» (как раз в период денацификации чиновники рейха заняли места в новых европейских управленческих структурах, а неудобные темы, например, использование рабского труда славян, попросту замалчивались). Все эти меры проводились идеологически близкими нацизму политическими кругами под давлением исключительных исторических обстоятельств, связанных с победой СССР в Великой Отечественной войне. После распада социалистического проекта произошла радикализация культур-расистских идеологий, а в начале XXI века - реабилитация нацистской идеологии.

Если отказ от большевизма произошел сравнительно легко, а большевистский период по историческим меркам не так долгов, то Запад живет в колониалистской парадигме несколько веков.

Прошедшая некоторое время назад революция в историографии частично сняла табу с освещения новой проблематики, к которой относится покаяние за колониализм. Социолог Майкл Манн приводит данные о

громадном количестве жертв, которые лежат на совести стран «первого мира», о том же пишут Мануэль Саркисянц, Борис Кагарлицкий и другие российские и западные исследователи⁷². Они признают, что становление либеральных демократий сопровождалось этническими чистками, которые принимали масштабы геноцида.

Таким образом, в среднесрочной исторической перспективе станет актуальной тема покаяния за колониализм. Представляется неизбежным ослабление пананглизма и панамериканизма, разрушение англо-американской культурной гегемонии и признания социал-расистских и культур-расистских идей и социальных моделей утратившими историческое значение. За этим последует болезненное, но необходимое покаяние западного общества за колониализм и расизм по аналогии с историческим покаянием за коммунизм.

В ближайшие десятилетия будет иметь огромное значение признание и закрепление за народами, подвергшимися колонизации и геноциду, статуса народов-жертв. Такое признание пока еще представляет непреодолимую проблему для западного сознания, что особенно хорошо видно на фоне реабилитации нацизма в последние годы.

Хотя в 1940-е годы европейский обыватель неожиданно увидел себя в зеркале, перестройка европейского сознания тогда еще по-настоящему не началась. Определенная фрустрация западного общества не достигла уровня самокритичности и неизбежного катарсиса и не кончилась покаянием.

Но нынешний мировой кризис вселяет определенные надежды. Ведь «кризис» по-гречески означает «суд» и сейчас общество модерна подошло именно к этой исторической точке. Ему предстоит прозрение и покаяние.

Задача России как наследницы византийской ветви европейской цивилизации состоит в том, чтобы принять будущую исповедь Запада и его

⁷² Mann M. The Sources of Social Power. Cambridge, 1996; Кагарлицкий Б.Ю. Счет на миллионы. Хороший фашизм и фашизм плохой / Русская жизнь. – URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1307>

отказ от антигуманной доктрины либерализма и колониализма. Это поможет западным соседям достичь болезненного, но необходимого покаяния, за которым должно начаться выздоровление.

Глава 12.

Культур-системный подход к истории и русско-византийский культурно-исторический тип

Межкультурные и межцивилизационные отношения — одна из вечных дискуссионных тем. Серьезной помехой для ее откровенного обсуждения стали неоправданные теоретические привилегии ряда направлений модернистской социологии. В рамках их стандартов культурно-цивилизационная проблематика либо объявляется устаревшей, либо в конструктивистском духе отрицается онтологичность культурно-исторических субъектов как якобы искусственно построенных «воображаемых сообществ».

Рабочее определение культурно-исторического субъекта может звучать следующим образом: такой субъект определяется суммой устойчивых компонентов (топосов, если использовать термин А. М. Панченко), составляющих культурно-языковую картину мира его народа. Эти компоненты по-разному выражают себя в разных исторических контекстах и периодах: достаточно сравнить «соборность», «общинность» и стихийный советский коллективизм, скрытую религиозность русской общины — и хилястический характер системы ценностей российской интеллигенции. Культурные топосы остаются постоянными в разных контекстах, меняются лишь их исторические формы.

Данное определение не противоречит пониманию истории как единого всемирного процесса. Но всерьез заниматься продуктивным поиском его порождающих факторов и движущих сил можно лишь при одном условии: ни одна из культур не находится в господствующем положении, никто не находится в позиции культурного гегемона с «готовыми ответами» на

важнейшие вопросы, не пытается представить свою концептуализацию исторического процесса как общезначимую.

Когда Макс Вебер определял культуру, к которой сам принадлежал, знаменитой формулой «протестантская этика и дух капитализма», он тем самым подчеркивал, что речь идет не об отвлеченной и обобщенной эволюции социальных институтов в общечеловеческом измерении, а об их конкретной, специфичной культурно-исторической принадлежности. Тем не менее, либерально-капиталистическая система все еще нередко преподносится как «золотой стандарт» общественно-исторического развития.

Если мы теперь, исходя из веберовского определения западноевропейского "кода", попробуем определить наш, русский, он же и неовизантийский, то получится примерно следующее: "православная этика и дух общинной солидарности". Можно назвать это определением русско-византийского культурно-исторического типа, который, как считал Николай Данилевский, развивается подобно живым организмам.

Культуры и цивилизации равноправны, но каждая имеет свои законы развития. В силу политико-экономической и культурной зависимости развитие одних тормозится за счет ускорения развития других. Как показал XX век, включение периферийных экономик в систему мирового разделения труда консервирует их отсталость. Потенциал разных культур сталкивается здесь с унифицирующим влиянием глобальной модели, созданной в интересах англо-американской культуры.

На уровне идеологии и исторических концепций это проявляется вполне предсказуемо. На универсалистской трактовке истории, как правило, настаивает та культура, которая в данный исторический момент имеет превосходство. В 1960-е годы цивилизационный подход был более характерен для западного либерализма и настойчиво критиковался советскими историками как реакционный. В 1990-е ситуация зеркально поменялась: либеральный универсализм породил идею конца истории, а в России в обиход общественнознания, напротив, «вернули» Николая

Данилевского и Освальда Шпенглера. Но «конец истории» не состоялся, идею о нем вытеснила идея «конфликта цивилизаций» социолога и политолога Сэмюэля Хантингтона. Приоритет цивилизационных особенностей был таким образом вновь признан, но на этот раз в негативной форме, как основание для конфликта и превосходства, а не для взаимоуважения и равенства.

Этот поворот ознаменовал собой своеобразную «смену курса» - отход от просвещенческого гуманизма и поиск новых средств господства, которые могли бы поддержать модернистский проект либо помочь демонтировать его способом, наиболее выгодным для господствующих политических групп.

Приняв в качестве рабочего понятие Николая Данилевского «культурно-исторический тип», можно определить его следующим образом: это компоненты идентичности, выраженные в культурно-языковой картине мира народа, нации или цивилизации (культурного типа). Можно еще добавить: эти компоненты по-разному выражают себя в разных исторических ситуациях, при разных режимах, в разных культурных контекстах. Данное определение в числе прочего является и ответом на вопрос: что в культурно-историческом типе является постоянным, а что изменчивым. Постоянно культурно-ценностное содержание. Изменчивы исторические формы, которые оно принимает.

Например, колониализм, один из кодов западного модерна – на каком-то этапе принял форму нацизма, а на следующем этапе вместо "расово неполноценных народов" искали уже "врагов мировой демократии", "тоталитарные общества". Точно так же христианофобия когда-то выражалась в открытом нигилизме, а сейчас она выражается в постмодернизме и трансгуманизме.

Другой пример. Русские крестьяне понимали революцию как "всеобщее поравнение" перед Богом, как "репетицию Страшного суда" и как строительство подобия Рая на земле. Разумеется, это не каноническое православие, а сектантское, еретическое, хилиастическое. Но не секрет, что в

его формировании сыграли свою роль последствия Раскола и синодального периода в жизни Церкви, когда она бюрократизировалась и упускала паству.

Об этом прямо говорил Патриарх Кирилл на Архиерейском соборе в декабре 2017-го года. Он напомнил собравшимся: "В царской России Церковь была государственной, во главе ее был император, а управлялась Церковь бюрократической администрацией, именуемой обер-прокурорством Святейшего Правительствующего Синода. <...> Буквально с первых дней существования новой власти, уже через особые институты, включенные в спецслужбы тогдашнего советского государства, начались попытки формировать ту же политику, что была до революции, а именно согласовывать назначения, контролировать все, что происходит на уровне высших церковных решений. <...> А когда в 1990-е годы произошли перемены и Церковь ясно заявила, что не должно быть никаких бюрократических прокладок, нашлись горячие головы среди наших тогдашних революционеров. Предлагалось даже создание министерства по делам религии, и некоторые из известных людей, принимавших активно участие в политических переменах, не только хотели, но даже предлагали свои кандидатуры в качестве новых обер-прокуроров".

Византийский принцип симфонии властей – тоже один из базовых элементов русского культурно-исторического типа. Это, в частности, весомая и деятельная роль Церкви в решении социальных проблем в союзе и сотрудничестве с государством. После революции Церковь, как известно, загоняется в подполье. Но при этом советская интеллигенция⁷³ стремится занять ее место и выполнять ее роль – сотрудничать с государством и одновременно оппонировать ему, быть народу "духовным наставником", учить, окормлять. Церковь подвергли гонениям, – но культурный архетип проявился в измененной форме: конечно, это была антицерковь.

73 Заметим, что на Западе нет понимания интеллигенции как особого идеологического сословия

Закономерен вопрос: что еще относится к русско-византийскому культурно-историческому типу и отражается в семантических последовательностях русской культуры помимо общинности, эгалитарности и "симфонии".

Специалисты в области византологии называют основу русско-византийской цивилизации «моделью пластичного универсализма», получившую отражение и в идеях «всечеловечности» и в политических проекциях идеи соборности. Другое важное качество – континуальность, способность вписывать в единый ценностный контекст разные национальные культуры. В данном случае более уместным будет сравнение не с пресловутым "плавильным котлом", а с мозаикой, где каждый элемент – часть целого, но не растворяется в нем, сохраняет автономную ценность. Именно эта сторона византийской цивилизации сделала ее библиотекой христианского наследия и обеспечила ее инклюзивные возможности.

Особого упоминания требует иконичность русско-византийского мышления, которая предполагает, что сей мир, включая и общество, есть лишь прообраз высшей реальности, реальности должность, то есть ее рисунок, икона. Данный принцип воплощен и в иконописи, и в крестово-купольной стилистике нашего храмового зодчества ("образ неба на земле", пространство храма как "икона" собственно Рая – в отличие от бесконечной устремленности к нему готических соборов).

Социальная проекция иконичности - это соборность, в частности, соборная сотерия, отношение к общественной жизни как общему деланию (общинность светская как отображение церковной). Эти качества обобщаются в принципах литургичности всей жизни человека и мирообожения – изменения к лучшему мира и социума, по аналогии с обожением отдельной личности. Все эти принципы с неизбежностью вытекают из принципа иконичности. Можно также говорить о партиципативности, избегании дихотомического рационализма в русской ментальности – это результат преобладания платоновского (а не

аристотелевского) наследия в рамках христианского платонизма как основы восточного богословия.

Стоит указать и на христианский гуманизм, в основе которого лежит принцип нравственного права, а не формального «естественного права», автономного по отношению к категориям морали и справедливости.

Еще один признак - особая роль государства (необязательно монарха), от которого народ ждет защиты от "динатов" (в византийской терминологии). То есть, в системе нынешних понятий - от олигархии и оффшорной аристократии, от бюрократии, от высшего дворянства, которое в 1917-м году предало и царя, и государство, и народ – наконец, от партийной номенклатуры, которая в 1990-91 гг. повторила то же самое, предав СССР ("советский проект") и превратилась в олигархию через "приватизацию".

Стоит упомянуть принцип народоначалия и демократии большинства, который сочетается с централизмом и который государство обязано защищать от притязаний динатов. Отсюда специфика византийской монархии – не династической, а наполовину выборной. Отсюда же и принцип социальных групп, а не партийности в парламентаризме. Об этом подробно пишет Виталий Третьяков в статье "Конец партийности и сословная демократия", вошедшей в философскую трилогию "По-другому".

Таковы, если коротко, основания нашей идентичности и традиции или если угодно, цивилизационного кода. Эти основания и следующие из них закономерности невозможно оценивать как хорошие или плохие. Их нельзя устранить, отменить или подкорректировать волевым усилием, властным указом или принятием какой-то экономической модели. Их можно уничтожить только вместе с народом, с его исторической субъектностью. Иногда это бывает равнозначно поголовному физическому уничтожению народа, и тогда возникает геноцид.

Культурно-исторические (цивилизационные) теории, вопреки распространенному стереотипу, вовсе не являются продуктом «почвенного» сознания — напротив, это продукт культурного обмена. Русский вариант

данного направления мысли подобен западным аналогам, которые берут начало в работах Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби. В России чаще перебрасывают мостик к работе Николая Данилевского «Россия и Европа». Данный подход открывает перспективу для изучения имманентных внутренних факторов развития национально-исторических образований. Он позволяет, в частности, рассмотреть влияние культурно-исторических факторов на социально-политические процессы.

Культурно-исторический подход предполагает разрушение мифа о единой "столбовой дороге цивилизации". Особенно эффективен он в этом случае в сочетании с методами мир-системного анализа (МСА), исследующей формы экономической и политической зависимости в эпоху позднего капитализма в рамках концепции "центра-периферии", "неравного обмена", "неравной специализации" и "иерархии товарных цепей".

Такой комплексный подход, с одной стороны, соответствует высоким методологическим требованиям современной науки, а с другой стороны, согласуется и с концепцией Н.Я. Данилевского, который подчеркивал: "Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью".

Когда все цивилизации воспринимаются как в равной мере уникальные, вступает в силу закон несравнимости и несоизмеримости, принцип «культурно-ценностного плюрализма», о котором писал, например, Дж. Грей в книге "Поминки по Просвещению", оспаривая универсалистские претензии современного неолиберализма. И наоборот. При отрицании тезиса об уникальности культур мы сразу попадаем в ситуацию, где кто-то присваивает себе право на метапозицию по отношению к другим, право говорить от имени общего, от имени «единых» стандартов, каковые, так или иначе, непременно будут опосредованы определенной традицией. Подобные позиции выливаются в итоге в доктрину глобального доминирования,

наследующую колониальную политику, начавшейся с того, что территории нехристианских народов объявлялись *terra nullius* - «ничейной землей».

Тем не менее, цивилизационный, он же культурно-типологический подход требует учета роли тех факторов и контр-систем, которые тормозят развитие обществ, ставят под вопрос историческую субъектность народов. Речь идет о наложении процессов, которые протекают как бы на разных орбитах современной истории, но постоянно пересекаются.

В условиях процесса фрагментации и распада глобальной экономики и ее политических институтов, который неизбежен в недалеком будущем, культурную гегемонию поддерживать сложно. Отсюда желание либерального истеблишмента уже сегодня отойти на заранее подготовленные позиции, снять с себя ответственность за устаревающие доктрины. Им необходимо избежать содержательного ответа на вопрос о причинах краха просветительской утопии и проекта модерна, поскольку ответа у них нет. Для этого они стремятся «выскочить» из модернистской идеологической парадигмы прежде, чем этот процесс завершат их оппоненты, сбросить груз ответственности, не признавая официально и открыто смену идеологической матрицы.

В неизбежном при таком развитии событий периоде теоретической неопределенности синтетический культур-системный подход может оказаться наиболее уместным.

Глава 13.

Гражданское общество как проблема

Понятие «гражданское общество» всегда вызывало острые дискуссии, но в ультралиберальной России оно до сих пор является идеологической священной коровой. В западных исследованиях, как подчеркивает В. Э. Гончаров, проблематика *civil society* рассматривается в контексте *political theory* и порой весьма критично. В РФ утвердился взгляд на *civil society* как на некую нормативное, «неприкасаемое» понятие, отсылкой к которому можно решить любую социально-политическую проблему.

Когда реальная общественная жизнь расходится с социологическим описанием, последнее превращается в набор застывших формул, происходит идиоматизация языка. Понятие “гражданское общество” в России – один из таких случаев. В очередной раз «циклический характер колебания западной идеологической моды оказался недоступен пониманию русской интеллигенции, традиционно ищущей в западных идеологических новинках ответы на последние вопросы бытия”⁷⁴.

Единого определения *civil society* в науке не существует. Подсчет эпитетов, употребляемых вместе с этим понятием, дает очень пеструю лингвистическую картину. Например: «национальное», «транснациональное», «демократическое», «абсолютное», «относительное», «правовое», «социалистическое», «моральное», «реальное»...

Этот набор говорит о неоднозначности термина, у которого есть как сторонники, так и критики. Часть критиков *civil society* называет это понятие «элементом социального самоописания» и идеологемой. Лучшим подтверждением их взгляда является российская ситуация - в России понятие продолжает употребляться как название «активного» привилегированного

74 Гончаров В. Э. Гражданское общество как идеологема. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Goncharov_Ideologema.pdf

меньшинства «миддл-класса», которое требует от государства сохранить его привилегии в ущерб интересам остальных граждан. Между тем, поскольку социальные миноритарии начинают терять свое влияние, в ближайшем будущем, по всей видимости, неизбежен сдвиг в сторону «большого» гражданского общества - то есть, социального большинства, сплоченного общим пониманием социальных прав, нравственных ценностей и национальных задач.

Наиболее солидные по возрасту версии возникновения *civil society* связаны с идеями философов-просветителей — Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Источником превращения общества из естественного в политическое (гражданское) с точки зрения этих философов является соглашение — общественный договор — свободных личностей. С самого начала эта идея превратилась в абстрактную непроверяемую гипотезу. Может ли такой договор, оставаясь подлинным и достоверным, возникать *out of time out of space* – вне определенных места и времени, так что большая часть его участников или не знает о нем или узнает спустя долгое время после заключения? Получается, что социальное тело человека живет отдельной жизнью — отдельной от его разума, воли и совести. Идея общественного договора два века подряд подвергалась серьезной критике как слева, так и справа, прежде всего за умозрительность: никакого действительного договора человечество (или его часть) никогда не заключало. Это инструментальное понятие, скрывающее механизм властных практик, результаты которых оформляются *postfactum*. На том, что это происходит именно *postfactum*, сошлись бы и «левый» Иммануил Валлерстайн и «правый» Карл Шмитт. Тогда что получается, что системообразующим фактором *civil society* являются какие-нибудь духи просвещения, естества природы или культуры или исторической неизбежности. Например, Природа, «естественный закон», «прогресс цивилизации», «Мировой Дух», «невидимая рука рынка», «проявленная судьба» (*manifest Destiny*) и т.д. Все это религиозированные, а не инструментальные понятия - аксиомы или, точнее, догматы гражданской

религии. Не является ли в таком случае идея *civil society* либеральным аналогом построения коммунизма, сторонники которого тоже любили привлекать на свою сторону «богов» истории?

Наряду с концепцией «общественного договора» существовала и другая версия происхождения *civil society*, связанная с именем Бернарда Мандевилля, автора трактата «Басня о пчелах» или «Возроптавший улей» (1705). Подзаголовок этого сочинения служит его основным лейтмотивом: «Пороки частных лиц — это благо для общества» («*Private vices, public benefits*»). Именно пороки и делают человека общественно-политическим «существом». Это куда более откровенный взгляд на проблему. Кроме того, Мандевиль подчеркивал манипулятивный и несамостоятельный характер общественных процессов, то есть, не связывал *civil society* с идеями демократии и «всеобщего равного участия».

Список концепций можно было бы продолжить. Но важно, что в разных концепциях к гражданскому обществу применяются разные критерии. Например: независимость от государства, независимость от других властных субъектов, влияние на государство, добровольность объединений, участие в защите политических и гражданских прав, окружающей среды, некоммерческий характер и использование услуг волонтеров, гуманитарная помощь обездоленным.

Разные варианты определения *civil society* используют разные опорные понятия. Иногда признаком *civil society* является влияние на политику, иногда, напротив, политическая стерильность, пребывание вне сферы политических интересов. Вопрос о том, может ли *civil society* в принципе быть независимым от государства и других властных структур, является дискуссионным и активно дебатруется. Иногда маркером *civil society* признается взаимодействие его структур с такими знаковыми и даже сакральными международными общественными и правозащитными «лейблами» как «Human Right Watch», «Врачи без границ», «Репортёры без границ», «Greenpeace», «WWF» и т. п.

В ряде подходов к явлению *civil society* используется индекс CSI (Civil Society Index) — то есть, набор из ряда показателей, таких как «активность гражданского участия», «влияние на государственную политику», «ценности базовых свобод», «толерантность». Особо выделяется «глобальное гражданское общество», а вместе с ним и его индекс GCSI (Global Civil Society Index), к которому, по сравнению с первым, добавляется «членство в организациях гражданского общества» и «присутствие международных неправительственных организаций». Можно ли определять и оценивать *civil society* с помощью подобного расчета индексов — вопрос, требующий отдельного обсуждения.

Согласно одной из существующих точек зрения, подобная наукообразность указывают на то, что применяемый метод сам задает и конструирует свой предмет — и в этом случае приходится говорить о «формирующей социологии» и идеологизированном подходе..

Если обобщить все или большую часть существующих концептуализаций понятия *civil society*, можно констатировать, что под «гражданским обществом» обычно подразумевают: 1) всю социальную систему, если она обладает определенными признаками - например, удовлетворяет либеральному определению «свободы» 2) ту ее часть, которая наиболее эмансипирована от государства 3) то и другое одновременно 4) тот или иной социум, определяемый как *civil society* на основании вердикта неких наблюдающих организаций, при этом используется оценочно-нормативный, предписывающий подход.

В России одно из любимых определений *civil society* - «активная часть общества». Но какая именно часть общества «активна» и в каком именно отношении, определяет все та же «активная часть» именно в силу исходно заложенного критерия активности. Здесь мы имеем дело с (само)назначающим жестом. Такая практика представляет собой примитивную и вульгарную форму определений 4-го типа (по существу, право сильного) и вряд ли может иметь что-то общее с научным подходом, но

очень удобна для идеологизации и пропаганды. Подобная ситуация имела место в 1993-м году, когда такая «активная часть общества» составила и направила первым лицам государства печально знаменитое «Письмо 42-х». Письмо призывало к безжалостной расправе над идейными оппонентами, не согласными с социально-экономическим курсом «младореформаторов» и деиндустриализацией страны. В результате целые десятилетия были потеряны для общества, институт парламентаризма уничтожен, а исполнительная власть окончательно дискредитирована.

Важно, что диктаторский режим в данном случае использовал механизмы «гражданского общества» в его либеральной трактовке — как неограниченную власть привилегированной («активной», «успешной», «наиболее сознательной») части общества над остальными.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что феномен «гражданского общества» сам по себе не может считаться абсолютной ценностью. «Гражданское общество» - не цель, а средство, в то время как в общественном строительстве, говоря словами Алексиса де Токвиля, «важны не процедуры, а цель». Отсюда и неоднозначность в трактовках и оценках *civil society*.

Когда в XVIII-XIX веках формировался институт гражданского общества, далеко не все считали его прогрессивным. Если Томас Пейн категорично утверждал, что “гражданское общество — благо, а государство — неизбежное зло”, то Шарль Монтескье, наоборот, был уверен в том, что “гражданское общество — это общество вражды людей друг с другом, которое для её прекращения преобразуется в государство”.

В какой-то мере гражданское общество (ГО) стало результатом частичной десакрализации понятий “государство” и “церковь”. На этом фоне новый институт приобрел собственную сакральность, собственные святыни — такие как естественное право, священное право собственности, вера в универсальность прогресса. Поэтому понятие “гражданская религия”, впервые озвученное Руссо, было не просто метафорой. Гражданская религия

– это религия гражданского общества. Но если в церковь приходили все желающие, то принадлежать к ГО неимущая часть народа практически не могла. Уже в XX веке Юнгер Хабермас подчеркивал, что лишь немногие личности располагают имущественной независимостью и образовательным статусом, чтобы считаться членами ГО. Защита интересов всех остальных всегда отвечали нормы традиции, а не либерального права.

Как писал историк и экономист Иммануил Валлерстайн, «меритократическая мобильность в огромной степени остается возможностью лишь для меньшинства, поскольку меритократия - это ложный универсализм. Он провозглашает универсальную возможность, которая по определению имеет реальное значение только если она неуниверсальна. Меритократия внутренне элитарна (is instrinsially elitist)».

Общество рыночного фундаментализма в качестве «достойных» неизбежно выдвигает именно «состоятельных». Классическая демократия большинства и нормальные социальные лифты в такой ситуации невозможны. Либеральные политологи утверждают, что социальное большинство может существовать лишь как носитель тоталитарного «анонимного сознания». Но вспомним - в ходе английской революции Джон Лильберн, представитель партии левеллеров, писал: «Вся власть изначально и по своей сущности исходит от народа и, следовательно, принадлежит только ему. Свободный выбор этого народа и его согласие, выраженное через его представителей, — единственное основание всякого справедливого управления».

В XX-XXI вв. происходит утрата этих исходных оснований. Некоторые философы XX века, например, Карл Шмитт и Джорджо Агамбен, отмечали, что уже после Первой мировой в Европе наступил период «чрезвычайного положения», при котором «нормативный аспект права обесценен» административными, управленческими субъектами, имитирующими демократию. Карл Шмитт писал о процессе фрагментации верховной власти, о том как работа парламента превращается в своеобразный

спектакль. В режиме свободного развития гражданское общество не имело достаточного иммунитета, чтобы противостоять этим тенденциям.

Если говорить о критике идеи *civil society*, то и здесь существует несколько разных направлений: нормативистское, идущее от Ханны Арендт, историцистское, в духе Карла Шмитта, марксистское (Карл Маркс, Антонио Грамши и другие), немарксистское социалистическое (Иммануил Валлерстайн), генеалогическое (Мишель Фуко), системный подход Николаса Луман и так далее.

Например, Карл Маркс считал гражданское общество ареной войны всех против всех, а «права человека» - понятием, прикрывающим права собственника и левая мысль как марксистского, так и немарксистского направления была склонна воспринимать *civil society* как продолжение и вспомогательный инструмент государственного насилия. Мишель Фуко полагал, что *civil society* не ограничивает господство власти, а поддерживает его и писал о десубстанциализации власти, превращении ее в «культур-дисциплинарный режим», в котором *civil society* играет существенную роль. В рамках этого режима индивиду постоянно бросают информационную наживку, вызывая реакции «поклевок» и тем самым формируют желаемые модели поведения. Объекты такого воздействия ведут как игровую фишку по лабиринту социальных сценариев. Подобные методы осуществляются с помощью механизмов *civil society* именно в условиях позднего капитализма и постмодернизма. Тогда как в идеократическом (моноидеологическом) обществе советского типа государство регистрировало, отмечало и объясняло свои шаги и инициативы именно с помощью символического языка идеологии, не нуждаясь в услугах анонимных исполнителей привилегированных социальных групп *civil society*.

Благодаря символическому языку идеократии мы знаем сегодня о существовании Талергофа, ГУЛАГа, Освенцима, Гуантанамо, жертвах репрессий, колониальных войн, классовых чисток, рабского труда «остов» и культурной революции. Если бы во всех этих случаях репрессивная политика

проводилась непубличными методами дисциплинарной трансгрессивной власти, с применением фиктивного представительства *civil society*, - общество могло бы до сих пор пребывать в неведении о масштабах и методах применяемого насилия. Именно в такой форме этот процесс протекает, например, на Украине, где в роли *civil society* выступают полумилитарные образования и штурмовые группы нацистских боевиков вроде «Правого сектора» (запрещенная в России организация).

В современных подходах к проблеме *civil society* наблюдается некоторая тенденция к пересмотру ее исходных исторических трактовок. Прежде всего просвещенческое решение проблемы *civil society* как «политического» общества-суверена сегодня не выглядит релевантным. Эта локковская концепция работала в эпоху борьбы с абсолютизмом, при этом деятели Просвещения имели дело с властью и идеологиями монументального, а не трансгрессивного типа. Последние применяются на этапе формирования идентичности и отстройки жизненного мира человека. Трансгрессивная (дисциплинарная) власть не опредмечивает сама себя, избегает повышенной знаковости, она диффузна и технократична. В связи с этим понимание гражданского общества Локком, Монтескье или Руссо невозможно переместить из прежней социально-культурной парадигмы в современную - это ведет к утрате предмета анализа и подстановке на его место исторической реконструкции.

Под удар критики сегодня попадает манихейское определение *civil society* как антипода публичной власти, которая якобы есть априорное зло. В частности, Юрген Хабермас рассматривает *civil society* как территорию, колонизированную государством. Но государственная власть публична и признается государством официально — отсюда механизм ответственности. Как он реально работает — другой вопрос, но он существует. Непубличная власть ответственности избегает принципиально. С государством можно пытаться договариваться. Общество по крайней мере знает, кому задавать вопросы. С ТНК, финансовыми институтами и сетевыми организациями это

невозможно. Степень свободы и самостоятельности *civil society* по отношению к этим институтам всегда будет на порядок ниже чем по отношению к государству. Олигархия и крупный бизнес не подотчетны обществу даже в рамках электоральных процедур, в то время как их влияние на экономическую конъюнктуру в ряде случаев является определяющим. американцы говорят и пишут о своем *Deep state* - «глубинном государстве». Мы его не видим, но оно кардинально вмешивается в действия президента Дональда Трампа и он не в состоянии осуществлять свои замыслы, которые возложило на него как раз *civil society* — его избиратели.

Едва ли «гражданское» общество эквивалентно понятиям «негосударственное» или «неполитическое»: господство трансгрессивных культурных векторов - постгуманизма, постдемократии, постистории, постсекулярности, - свидетельствует об этом со всей ясностью. Отказываясь от своих политических интересов в современных условиях, индивидуум становится объектом чужих политических интересов. Разрывая связь со своим государством — он неизбежно попадает в орбиту влияния чужого государства, выполняет роль приводным ремнем чужого гражданского общества или транснациональных структур.

Отказ от идентификации с конкретным государством или политической позицией ничего принципиально не меняет. Общество, находящееся вне досягаемости властных практик национальных и транснациональных игроков — это миф, похороненный еще в XX веке, нечто вроде проектов «вечного мира» Вильгельма Лейбница и Иммануила Канта. Если одно государство начинает считать собственное общество абсолютно независимым политически, тогда приходит другое государство и говорит: «Мы вам объясним, что значит быть независимостью и каковы ее критерии. По поводу независимости будете отчитываться перед нами».

Часть критиков *civil society* называет это понятие «элементом социального самоописания», отмечая признаки его персонификации и очеловечивания в современном идеологическом дискурсе («Гражданское

общество» - это мы!»). Поэтому так сильна тенденция к порождению «бессмысленных высказываний» (в витгенштейновском смысле) с употреблением этого понятия. Между тем, речь должна была бы идти, напротив, о «расколдовывании» понятия, которое мы некорректно употребляем и которое из-за этого становится бесполезным, малоприменимым.

Множество отдельных проблем в исследованиях *civil society* еще только ждет фундаментальных исследований. До сих пор наблюдается неопределенность в вопросах о том, как соотносится понятие *civil society* с понятиями «массовое общество» и «информационное общество», является ли гражданское общество только национальным или глобальным, как на него влияют процессы социальной фрагментации, атомизации, диджитализации. На Западе нередко пишут об опасности процесса глобализации для гражданского общества. В России это непопулярная тема. Специфическая российская проблема связана с влиянием на *civil society* процесса люмпенизации миддл-класса и перехода его в категорию нового прекариата.

Спецификаторское понимание термина *civil society* принадлежит все же скорее к сфере либеральной идеологии и генерируемых ею культурных мифов, чем к сфере науки. Это идеологема, «ловушка дискурса», отражающая особенности определенной социально-политической модели, исходная точка ее самоописания, а не принцип гражданской культуры как таковой⁷⁵.

Если же говорить о «гражданском обществе» просто как об успешном обществе — стабильном и справедливом, структурно и духовно возрастающем, зрелом, ответственном - то мы в очередной раз придем к идее приоритета интересов демократического большинства. Такое общество обычно складывается в процессе национальной самоорганизации. Особенно часто это проявляется в кризисных, исключительных ситуациях: вспомним ополчение Минина и Пожарского, «Русское единство» в Крыму,

75 См. В. Э. Гончаров «Гражданское общество как идеологема». (URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Goncharov_Ideologema.pdf)

«Бессмертный полк» в Москве. Все эти явления, несмотря на разницу в масштабах и целях, связаны с ситуациями ускоренной мобилизации общества. В них-то и проявляется подлинная институциональность, вырастающая из национальной традиции, а не навязанная элитами или привилегированными социальными группами.

Считается, что государство подавляет институты гражданского общества. Подавлять их в своих интересах может любой властный субъект, включая и государство, но защищать способно только государство, потому что остальные властные субъекты вообще не обязаны это делать.

Немалый период истории русское гражданское общество подавлялось. Например, русская секулярная реформация, как и «русское просвещение» была не движением снизу, как в Германии или Франции, а навязанным сверху проектом. Частично «реформация» удалась, поскольку сформировала казенную церковь и разрушила гражданскую теократию, которая складывалась вокруг старой Церкви. На низовом уровне, куда не дошли усилия реформаторствующих верхов, сохранялся исходный, общинно-коммунитарный тип социальности - он-то и был «внеполитическим».

Реальное гражданское общество в условиях России - это солидарное общество, в котором важен принцип взаимной ответственности, взаимопомощи. Данный принцип спасает общество от возвращения в «естественное» состояние архаизации и варварства. Конечно, этот взгляд противоречит концепции естественных прав и попперовской идее «открытого» общества, которая на деле ведет к власти закрытых корпоративных структур. Тем не менее, в гражданском обществе фактор большинства не может не быть решающим.

Определяя в целом возможный формат современного *civil society*, по-видимому, есть смысл говорить о «большом гражданском обществе» или «гражданском обществе большинства». Формирование такого общества, присущее, как уже было сказано, формированию всякой нации, предполагает нечто демиургическое, имеющее свою историческую миссию (можно

вспомнить понятие «исторический народ» Николая Данилевского). В контексте такой трактовки гражданское общество вовсе не обязано отвечать устаревшим требованиям модернистского политического стандарта, критериям гегемонистской «западной» культуры. Зрелость любого общества следует понимать не как соответствие неким мифическим общемировым стандартам, а как завершенность собственной культурной формы. При этом форма у каждой нации своя, поэтому и зрелость выглядит по-разному. Как сказано в Новом Завете, у каждого свой талант, данный Богом и грех зарывать его в землю. Это относится и к людям, и к народам, и к обществам. Применительно к народам речь идет об исторической миссии, исключаяющей лишь угнетение других народов (это небогоугодно). Как правило, большое гражданское общество существует независимо от формы правления, если только нация не угнетена другими нациями или отдельными социальными группами, если ее культурная форма не поглощена чужой культурной формой или глобалистской «сверхкультурой», если она сохраняет свой суверенитет.

«Малое» гражданское общество, в отличие от большого, основано на присвоении себе отдельными социальными группами права говорить и решать от имени всего общества, то есть, на подмене частью целого, большинства меньшинством.

Отсюда попытка дискредитировать категорию большинства. Именно дискредитировать, а не отменить, ведь сразу и открыто порвать с демократической традицией - традицией *vox populi* — невозможно: у многих еще стоят перед глазами страницы прочитанных школьных учебников. Поэтому борьба с демократической традицией проводится в несколько этапов: на первом этапе понятие «демократия», связанное с понятием «большинство», намеренно дробится. Происходит терминологическое разделение демократии на «зрелую» и «незрелую», «архаичную» и «цивилизованную». На втором этапе или синхронно с первым в понятие «демократия» вместо принципа большинства закладывается принцип меньшинства и его прав как имеющий привилегии по отношению к правам большинства: иногда это открыто

декларируется под предлогом чего-нибудь вроде «позитивной дискриминации». При этом инициируется неуклонный рост числа меньшинств, постоянное дробление и фрагментация социума.

Для подлинного гражданского общества важен принцип социально-правового равенства, прототипом этого принципа является равенство людей перед Богом. Реальная демократия — это власть народа, охраняемая государством, а не власть одних социальных групп над другими при попустительстве государства, - вот в чем кардинальное отличие большого *civil society* от малого. Малое *civil society* – форма диктатуры, форма тоталитаризма, общество не может считаться «политическим», если большая часть его членов просто выброшена за рамки политического процесса и реально не участвует в принятии решений.

У существующих концепций *civil society* немало уязвимых мест. Многие стороны как понятия *civil society*, так и стоящего за ним феномена до сих пор плохо изучены — например, до сих пор не ясно, существует ли гарантия сохранения равного уровня свобод в гражданском обществе, что или кто является гарантом такого равенства.

Социологам предстоит объяснить обывателю смысл происходящих перемен и дать определение нового гражданского общества. Мы обречены на возвращение к реальной демократии большинства и чем раньше мы избавимся от стереотипов, тем быстрее можно будет распорядиться своим будущим.

Глава 14.

Люмпен-миддл-класс

В XX веке понятие гражданского общества было присвоено представителями среднего класса и его политического авангарда — «креативной» прослойки. В этой ситуации речь идет уже не о самом *civil society*, а о том, что кто-то пытается говорить от его имени. Обычно такой дискурс предполагает принесение в жертву традиционных ценностей и интересов большинства ради модернистского «рывка», «великого разрыва» и «творческого разрушения» (как свидетельствовали сами либеральные идеологи). Особая роль в этом случае отводится социальной жандармерии либерализма — «среднему классу».

Понятие «средний класс» («миддл-класс») - одно из самых мифологизированных в российских условиях. В частности, критерием самоидентификации и принадлежности к нему является в значительной степени идеология, а не уровень доходов: «офисный планктон», хипстеры и студенты нередко склонны к тому, чтобы принимать и защищать ценности не своей социальной группы. Отсюда проблема с употреблением термина. Объективно средний класс – это те, кто находится на средних этажах структур управления или имеют средний бизнес, люди, которые сами принимают решения. В этом отличие данной группы от вышеперечисленных, который по существу составляют новый прекариат — раздутый люмпенский слой информационного общества. Но в данном случае, следуя установившейся традиции, мы будем употреблять привычное понятие, по возможности заключая его в кавычки.

Несмотря на привилегированное положение, в котором пребывает этот социальный слой, у его представителей есть отчетливые проблемы с самоидентификацией. Прежде всего - и это главная часть российского мифа

о среднем классе - вопреки претензиям на роль общественного авангарда, данная социальная группа не представляет общество. У ее членов есть свои собственные интересы, не совпадающие с интересами большинства, поскольку объективно «средний класс», как и его старший собрат — собственно средний класс - конкурирует с обществом за ресурсы и внимание элит, хотя общество и не вполне это осознает.

Привычный для этих людей уровень потребления государство может поддерживать только идя против интересов остального населения. Например, беря кредиты, процентное бремя которых будет переложено на низы, монетизируя образование, здравоохранение, секвестрируя социальные расходы, жертвуя реальным сектором и рабочими местами. Поэтому интересы реального и квази-миддл-класса и остального общества объективно противоположны, независимо от политических лозунгов. Таким образом средний класс в обеих своих ипостасях де факто превращается в прослойку «псевдограждан» (would be citizens).

В условиях кризиса падения эффективности капитала либеральные технологии власти и контроля начинают ослабевать. Сокращаются ресурсы, используемые для содержания многочисленного и экономически нерентабельного «миддл-класса». Сужение возможностей неограниченного кредита ставит под вопрос продолжение курса на накачку спроса и форсирование потребления. Между тем, именно этот механизм позволял поддерживать численно раздутый «миддл-класс» на плаву, помогая ему жить не по средствам и создавая иллюзию «долевого участия» в монетаристском проекте.

Пробуксовка системы в период кризиса говорит о том, что проблемы, связанные с кризисом падения эффективности капитала, не нашли решения в рамках неолиберализма. Исправить ситуацию в 1980-90-е годы мешало утилитаристское мышление элит, уверенных в том, что «проблемы надо решать по мере их поступления», в первую очередь извлекая выгоды из существующего положения вещей — например, из последствий демонтажа

социализма. Сегодня смена системы уже неизбежна. Поэтому «миддл-класс» в качестве ее стержня исторически обречен.

Представитель второго поколения «франкфутской школы» Герберт Маркузе еще в 1960-е гг. писал, что репрессивный аппарат либерального общества эпохи постмодерна формирует фашизоидный тип сознания – «одномерного человека»⁷⁶. Этот тезис согласуется с тенденцией, подмеченной еще в начале XX века: у нацизма и либерализма одна и та же социальная база – средний класс. Именно поэтому представители левых движений называли электорат нацистов «взбесившимся средним классом», а сам нацизм «идеологией мелких лавочников». Аналогом «лавочников» в условиях корпоративного капитализма является менеджериат и «креативный класс» - в самом широком смысле, от копирайтера до продюсера, поскольку сегодня речь идет в первую очередь о продаже услуг, технологий комфорта и развлечений. В условиях России эти группы и составляют активное ядро «миддл-класса».

Становится все более заметным, что на фоне экономического кризиса происходит заметный сдвиг «среднего класса» в направлении ультраправых форм либерализма с идеями цифрового общества, размывания культурно-образовательного пространства, контроля над семьей, борьбы с Церковью и уничтожения остатков социального государства. Все это подается под абстрактными лозунгами «модернизации», «оптимизации», «эффективности», «креативности», «защиты прав и свобод» и все той же «цифровизации».

В действительности мотивация «среднего класса» более прозаическая: он беспокоится о собственном будущем и желает застраховаться от кризиса и его последствий за счет остального общества. Самым радикальным способом для этого являются протомайданные выступления.

76 Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова.— М. : АСТ, 2002. — 526 с.

Майданная тактика известна по украинскому, армянскому и другим сюжетам. Полицию и власть провоцируют, ставя им подобие шахматной «вилки». Если майдан разогнан, власть обвиняют в неоправданном насилии. Если нет — тогда она «не владеет ситуацией». Власть в этой двойной логике несет ответственность за любой исход; что бы ни предпринимали сами протестующие — они находятся вне критики. Любой вариант выхода из конфликта угрожает власти частичной, а иногда и полной делегитимацией. Это и есть эффект «вилки».

В шахматах эффективным ответом на «вилку» является встречная контратака с резким повышением ставок и жертвами фигур. В российской политике такой универсальной и долгосрочной контригрой стали возвращение Крыма, поддержка антифашистского сопротивления в Донбассе и успехи в Сирии. Но устранение власти от украинских событий и от русского вопроса в целом, а также согласие на «пенсионную реформу» к 2019-му году частично нивелировали этот эффект.

Когда контратаки нет, власти начинают диктовать условия, выгодные социальным меньшинствам, не представляющим мнение национального большинства. Поскольку такая оппозиция нелегитимна, ее задача — сделать уровень легитимности власти еще ниже или хотя бы равным своему, отсюда и провокационная тактика. Молчаливо принимая эти правила и не обращаясь к обществу напрямую, действующая власть неизбежно проигрывает. Своим выживанием в России она обязана лишь небольшой численности протестующих и их непопулярности у широких масс населения (кандидаты от оппозиции вроде Григория Явлинского стабильно набирают 2-3%).

Сегодня наблюдение за протестами оппозиции позволяет сделать два важных вывода - о профессионализации протестов и о превращении любого конфликта в повод для демонстрации общей антигосударственной позиции.

Оппозиции нужно представить ситуацию как конфликт власти и гражданского общества, выдав за последнее себя, а затем с помощью

давления и провокаций добиться уступок. Тот факт, что в обществе есть другие мнения, в расчет не принимается.

Социальная группа, которая выдает себя за все гражданское общество, пытается говорить от его имени, - это «креативное» ядро «миддл-класса». В России в последние годы его численность сокращается⁷⁷ и он становится все более антисоциальным. Этому классу обычно атрибутируется некая важная социальная миссия, например: “канал обратной связи с государством”, “фильтр общественных требований к политической системе” (определение Дэвида Истона)⁷⁸ - но по крайней мере все это имеет мало общего с реальностью. Призванный служить буфером между верхами и низами и консолидировать общество, «миддл-класс» сегодня это общество раскалывает и дестабилизирует. Его цель - достижение статуса привилегированной группы на содержании у той самой власти, которую миддлы публично очень «не любят» и от которой театрально отрекаются. Этот статус позволяет жить на политическую ренту, играя роль постоянного клина в отношениях между властью и общественным большинством.

В XIX веке средний класс формировался как узкий слой образованных людей для обслуживания либерально-капиталистического общества. Но постепенно изменилось и направление развития капитализма и роль в нем среднего класса⁷⁹. Общественные отношения стали больше похожими на корпоративно-банковский феодализм (диктат непроизводительного финансового сектора), возникло общество потребления. В этих условиях

77 И не только российский. Даже в США, где численность миддл-класса особенно раздута за счет ввоза капитала из остального мира, она в последнее десятилетие упала ниже отметки в 50% и продолжает неуклонно уменьшаться.

78 Easton D.A. Framework for Political Analysis. London; Sydney; Toronto; New Delhi; Tokyo, 1965

79 Деструктивная роль миддл-класса в России объясняется не только условиями постсоветского и раннесоветского периодов, она имела место и до 1917-го года. Тогда его составляли «лишние люди» из дворян и разночинцев. Он так же поддерживал политических радикалов, бомбистов, вел борьбу с государством, которая закончилась трагедией февраля 1917 года. И либеральное духовенство сыграло здесь свою роль.

средний класс перестал быть группой профессионалов-производителей и превратился в слой профессиональных потребителей.

В 1981-м году на волне неолиберального консенсуса Запад переходит к искусственному стимулированию частного спроса и тем самым резко увеличивает численность среднего класса. С этой целью меняется модель кредитования: от обычного возврата долга - к модели рефинансирования, характерной для крупных экономических субъектов. Уровень жизни такого среднего класса перестал соответствовать реальным доходам, его научили жить не по средствам. Основной специализацией миддл-класса с этого момента стало именно повышенное потребление, делающее его паразитарной прослойкой. Миддл-классу дают кредиты на сверхвыгодных условиях, чтобы он интенсивно потреблял, поэтому идеология миддл-класса — восприятие самого процесса потребления как сакрального. За рост денежной массы и обязательств по ней в условиях «длинного» кредита вынуждено расплачиваться уже все общество — расплачиваться уровнем жизни, рабочими местами, социальными гарантиями, нормальной экономикой.

В постсоветской России была попытка вместе с капитализмом западного типа искусственно создать и средний класс в качестве социальной базы нового строя. Вместо этого был создан периферийный тип капитализма, и периферийный квазимиддл-класс — своего рода ребенок из пробирки. Процесс его рождения очень напоминает попытку в первые годы советской власти проводить искусственную пролетаризацию люмпенов и бывших крестьян. Социальный продукт искусственной пролетаризации получил карикатурное изображение в «Собачем сердце» Михаила Булгакова и ощутимо отличался от образа немногочисленных, но подлинных пролетариев, с дореволюционных времен работавших на заводах. Аналогичным образом в постсоветской России 1990-х искусственно создавался слой *global russians* — идеальных потребителей.

Интересно, что становление новорусского квази-миддл-класса происходило после распада реального советского среднего класса, складывавшегося в СССР в 1970-е годы. Для сравнения: в 1990-е годы была широко распространена либеральная концепция, утверждавшая, что интеллигенция временно представляет в новой постсоветской России мнения и интересы среднего класса, который еще не появился, но появится в будущем. То есть, как иронично подмечали некоторые критики, она «выражает то, чего нет». Строго говоря, фиктивную роль данной социальной группы в условиях России следует объяснять не только особенностями постсоветского и раннесоветского государства. Средний класс Российской империи также не цементировал общество, а вел борьбу с государством в эксклюзивном порядке, каковая борьба и закончилась разрушением государства в феврале-марте 1917-го года.

В таких странах как Украина или Россия в силу их периферийного статуса социальная картина классического либерального капитализма словно перевернута с ног на голову и местный аналог миддл-класса не объединяет, как на Западе, а дестабилизирует общество. Но инерция российской либеральной мысли требует считать его опорой государства - ведь так обстоит дело на Западе.

В частности, по причине устойчивости данного стереотипа российский «миддл-класс» пользуется неоправданными привилегиями в обществе. На него ориентированы кредитная политика банков, сфера услуг (от бутиков до барбер-шопов), на него работает культурная и медиа-индустрия. Самые громкие и скандальные премьеры рассчитаны отнюдь не на широкого зрителя, но и не на критичного и требовательного интеллектуала, а именно на миддлов. Для них пишут рейтинговые авторы (Борис Акунин, Людмила Улицкая и т. д.). В 2000-е годы в среде литературных критиков получила распространения концепция, согласно которой новая русская беллетристика пишется как раз для среднего класса и отражает его потребности. Это «умная беллетристика», потому что новорусский средний

класс в основном составляют люди образованные, в том числе бывшая интеллигенция, но читать «по-настоящему серьезную литературу» у этих людей якобы нет возможности, так как они много времени посвящают карьере.

Направленность этого контента нередко отличается дегуманизирующим пафосом и антинациональным, русофобским содержанием: достаточно вспомнить такие произведения как «Матильда», «Сволочи», «Левиафан», «Праздник», «Братство», «Тангейзер». Фактически именно «миддл-класс» является заказчиком и бенифициаром проекта нового «Закона о культуре», который стремится вывести произведения искусства из-под действия ст. 148 УК РФ (об оскорблении чувств верующих) и в конечном счете поставить его вне каких-либо моральных и социальных оценок.

Но поскольку реальное гражданское общество в России не вполне отдает себе отчет в создавшемся положении (даже после 2014 года), оно проигрывает агрессивному меньшинству медийные площадки, уступает политическую инициативу и лишается права выбора, который за него делает этот слой. Поэтому к известному выражению «активная часть общества делает свой выбор» можно добавить: «за остальное общество». Узурпация в каком-то смысле вынужденная: в режиме реальной демократии у «миддл-класса» нет шансов переиграть общество 80 - поэтому его «креативные» лидеры так не любят понятие «реальная демократия» и так любят термин «популизм». Их цель - закрепить ситуацию асимметричного выбора, то есть, выбора немногих за всех.

С этой целью наиболее креативная часть «миддл-класса» поддерживает в массах политический инфантилизм. Это достигается, в частности, бесконечными и бессмысленными разговорами о тоталитарном прошлом, о «бремени исторической вины», «короткой исторической памяти»,

80 Философ Юнгер Хабермас подчеркивал: лишь немногие личности располагают имущественной независимостью и образовательным статусом, чтобы считаться членами гражданского общества. Легко заметить, что этот принцип не имеет ничего общего с принципами реальной демократии.

«потомственном холопстве», известный слоган «мне стыдно, что я русский». Радикальным вариантом действий по инфантилизации и дискриминации социального большинства является критика празднования 9 мая и «Бессмертного полка». «Бессмертный полк» принято обвинять в мнимой официозности и противопоставлять ему в сущности пародийный, но тем не менее действительно официозный проект «Бессмертный барак».

Все перечисленное свидетельствует о том, что авангард «миддл-класса» наносит удары не только по исторической религии (православному христианству), но и по гражданской религии, способной объединять общество, по любым точкам его консолидации. Сознательно противопоставляются друг другу «белые» и «красные», верующие и неверующие, традиционалисты и леваки и т. д., четкая идеологическая линия при этом не выдерживается: важен именно раскол в среде оппонентов. С точки зрения миддл-миноритариев, их интересы должны быть удовлетворены государством за счет интересов широких слоев населения, которым необходимо принципиально иное: сохранение их единственного капитала - социальных прав и традиционных ценностей, справедливости и нравственности, которые не позволяют жертвовать одними ради других.

Такая позиция указывает на люмпенизацию российского миддл-класса и его объективную принадлежность к новому прекариату.

Прекариат (термин Гая Стэндинга⁸¹) - это «новая люмпенизированная прослойка», представители которой под влиянием кризиса и ухудшения социальных условий превращаются, говоря языком ряда социологов, в «псевдограждан» - «would be citizens»⁸². Даже в относительно стабильном западном социуме есть зоны нестабильности, в которых оказывается часть населения, которая и представляет собой прекариат. Одним из отличительных признаков прекариата считается «аномия» (понятие введено Эмилем

⁸¹ Стэндинг Г. Прекариат : новый опасный класс [The Precariat: The New Dangerous Class] / Пер. с англ. Н. Усовой. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328с.

⁸² Тарновский К. Ю. Атомизация и аномия в российском обществе (URL: https://www.academia.edu/11657471/Anomie_and_atomization_of_Russian_society)

Дюркгеймом и Робертом Мертоном) — то есть, релятивизм, размытость представлений о социальных и моральных нормах. Но российский прекариат — он же люмпен-миддл-класс - имеет генетическую особенность, резко отличающую его от западного аналога. Если на Западе антисоциальный прекариат представляют в основном социальные низы - безработные, студенты, мигранты - и так называемая «условно-занятая» молодежь (фрилансеры), то в России точка роста прекариата приходится не периферию, а на пограничные с реальным средним классом сегменты социального поля. Достаточно успешные люди имеют мировоззрение, которые де факто делают их маргиналами, люмпенами с антигосударственными и антиобщественными взглядами. Этот парадоксальный феномен называют «социальными ножницами». Подобные «ножницы» до недавнего времени не были свойственны стабильному Западу, но в последние годы перемены в эту сторону наметились и там. В связи со сказанным за миддл-классом (в ближайшей перспективе уже не только российскому) в настоящее время закрепляется понятие «постпрекариат», то есть, прекариат нового типа, не похожий на старый.

Пока еще, повторимся, речь идет в большей степени о России, но выбор универсализирующего термина оправдан постепенным сближением тенденций формирования ряда социальных групп в России и на Западе в последнее время. Интересны и примечательны причины этого сближения. В условиях кризиса западный «нормальный» миддл-класс беднеет и пролетаризируются, испытывая, как говорят социологи, страх пролетаризации. Из этого «напуганного» слоя формируется новый тип социальных протоаутсайдеров — так называемые «новые бедные». Характерные его черты: высокий уровень полученного образования, культурных и потребительских запросов. Данная категория людей, боясь стать реальными аутсайдерами, стремится взять свое здесь и сейчас, причем с запасом. Эта ее мотивация в перспективе способна создать властям немало проблем. Уже сейчас большая часть американских миддлов не любит

президента Дональда Трампа, и эта нелюбовь взаимна. Трамп «сбрасывает» средний класс с социального корабля, лишает его привилегий. В России же элиты заигрывают с люмпен-миддл-классом и в результате проигрывают политически, упускают ситуацию.

В отличие от США с их «новыми бедными», российская тенденция формирования постпрекариата не вызрела сама собой, а была задана искусственной логикой развития 1990-х годов. Поэтому процесс в России продвигался быстрее, зашел гораздо дальше и больше зависел от идеологических, а не от материальных факторов. Нарождающийся в настоящее время американский постпрекариат прагматичен и консервативен, хотя вместе с тем и меркантилен. Тогда как российский люмпенский средний класс - это люди не столько с определенным уровнем дохода, сколько с типовым потребительским поведением и, что важнее, со стандартной майданной идеологией, которая в США просто невозможна. Во многом, хотя и не полностью, это глубинные свойства российского люмпен-миддл-класса связаны с наследием 1990-х годов. В период 1990-х российские миддлы существовали лишь теоретически в проекте младореформаторов, - на практике их, согласно этой реформаторской логике, временно «замещала» интеллигенция. Но поскольку российская интеллигенция является крайне идеологизированной и радикальной прослойкой, это предопределило особенности менталитета псевдо-среднего класса, когда он в России действительно возник — в частности, преобладание идеологических факторов формирования его идентичности над имущественными. Именно поэтому сегодня среди уличных протестантов так много студентов и других малоимущих, выступающих отнюдь не с левым (требования социальных гарантий), а с ультраправым мировоззрением. Эти люди воспринимают свои интересы как резко отличные от интересов большинства и как якобы общие (как им представляется) с интересами ядра миддл-класса. Они примерно так же одеваются и разговаривают, имеют аналогичные политические взгляды, но не уровень доходов. Вольно или невольно они играют роль ряженых;

политические ряженые в России XXI века — не менее частое явление, чем феномен самозванства в прошлые века. Еще более экзотической выглядит ситуация, когда не представители низов, а представители элит начинают вести себя как миддл-класс. Типичный пример последних - это Ксения Собчак, с удовольствием позирующая на фоне уличных протестов и излагающая прописные истины о демократии, которые элита на самом деле не разделяет, оставляя их для «простолюдинов».

Постпрекариат противопоставляет себя теоретически или ситуативно - власти, а практически - остальному обществу, что объективно и ведет к его люмпенизации. Подсознательно его представители ощущают: в условиях нарастания кризиса их рента может только сокращаться (причем чем дальше, тем больше это уже не только российский, но и общемировой тренд). Чтобы замедлить данную тенденцию, надо разогреть ситуацию, все время тревожить власть и оставаться в центре событий.

Отсюда другая черта, перешедшая постпрекариату по наследству от собственно прекариата — психология временщиков, склонность к коротким жизненным проектам, желание быстро получить какие-то блага и поменять «площадку» - место действия и декорации. В российском обществе люмпен-миддл-класс — если не брать во внимание некоторые последствия кризиса - чаще всего имел и имеет престижную профессию и стабильное социальное положение, но в отличие от настоящего среднего класса он тем не менее не заинтересован в сохранении стабильности системы в целом, не связывает с ней свое будущее. Отсюда «Пора валить!», «Назад в 1990-е!» и другие эскапистские тезисы. Себя представители постпрекариата воспринимают именно как исторических и социальных временщиков, а систему, в которой живут - как случайную среду, которая не нуждается в развитии. Общество для них представляет собой просто ресурсную базу, из которой можно «вытащить» (взять) все самое ценное, так сказать, вынести оборудование из офиса, который вот-вот закроется, в общем, не упустить момент.

Но примечательно то, что российский постпрекариат, он же миддл-люмпениат (люмпен-миддл-класс) стремится привить и даже навязать это мировоззрение большинству, поставить в эту ситуацию все общество, объективно ведя дело к политическому коллапсу и очередному разрыву традиции.

В период глобального кризиса большая часть населения отсекается от социальных лифтов, связанных с качественным образованием и карьерными возможностями. Поддержка привилегий и гипертрофированных запросов «миддл-класса» также становится все менее рентабельной. «Миддл-класс» уже не только политически, но и экономически превращается в слой «лишних людей». Доступ к социальным лифтам его представителям затрудняется и сужается - возникает тот самый феномен «страха пролетаризации». В этих условиях миддл-люмпениат объявляет открытую войну: обществу - на уничтожение (здесь ставки запредельны) и власти - ради компромисса и уступок со стороны последней. Это и определенная месть верхам за «урезание пайка» и ультиматум: верните все как было или раскачаем (перевернем) лодку. Верхи и рады бы умиротворить агрессивный слой, но не могут: кризис съедает ресурсы.

Поскольку в условиях кризисных ограничений добавить благ одной группе можно лишь урезав их остальным, ультиматум люмпен-миддл-класса автоматически означает войну с низами и требование ухудшить их положение, отобрав остаточные социальные гарантии и терпимый уровень доходов широких слоев населения. Именно в этом контексте следует рассматривать и печально знаменитую пенсионную реформу.

Процесс идет по нарастающей и в конце концов начинается откровенная игра в «революцию». Самое неприятное в этой истории заключается в том, что процессы социальной раскачки, набрав определенный темп и амплитуду, становятся трудноуправляемыми. Останавливать их становится все труднее и все более затратно. Кроме того, у майдана есть внешние диспетчеры и кураторы, которые, исходя из концепции глобального

доминирования в мире, используют происходящее для ослабления и уничтожения своих потенциальных конкурентов. В основном подобным кураторством занимаются структуры, созданные транснациональным капиталом и американскими политическими кругами. Так, в частности, американские официальные лица публично, открытым текстом называли сумму, вложенную в «продвижение украинской демократии» - 5 млрд. - хотя, вероятно, это уменьшенная цифра и в действительности превышала названную в несколько раз.

Важно понимать, что в результате майдана, то есть, восстания миддл-люмпениата никогда не происходит подлинной революции, то есть, перехода власти к другому общественному слою. При некоторой ротации элит власть остается олигархической, но полностью переходит под внешнее управление (это результат ослабления государства). Государство теряет остатки суверенитета и из обычного вассала превращается в автоматического исполнителя. Для общества это означает отнюдь не смягчение, а резкое ужесточение режима. «Новая» власть оформляет свою радикализацию, приняв ту или иную форму ультраправой идеологии. Репрессии становятся массовыми, но все менее гласными.

Иными словами, майдан — это не революция, а ультраправый переворот.

Имеет свои специфические особенности отношение миддл-люмпениата к демократии. Для него это не власть народа (пусть и ограниченная традицией, законами, «вертикалью»), а власть демократов, причем самоназначенных. Демократия хороша, но не для всех, а лишь для тех, кто дозрел до нее, - рассуждает миддл-люмпен. Вместе с тем отсталость общества он объясняет «недостатком демократии». Возникающий в рассуждении логический круг очевиден. Вместо нормальной логики начинает работать расистская логика исключения: представитель постпрекариата скатывается к трактовке социального большинства как нерепрезентативной

общности — отсюда, любовь к термину «популизм» и нелюбовь к понятию «реальная демократия».

С социально-философской точки зрения миддл-люмпены — сторонники контрактного юрицизма. «Равенство перед законом» миддл-класс понимает в потребительско-коммерческом смысле: закон служит тому, кто имеет деньги на адвоката (в широком смысле). Подобный взгляд представляет собой механизм отсечения низов от возможностей правового государства. Идеологии среднего класса — классический либерализм, неолиберализм, постмодернизм. Закрепляя имущественное расслоение, эти идеологии закрепляют и культурное, правовое, информационное неравенство. Суд, образование, здравоохранение — все это стоит денег, которых у подавляющей части общества нет и не может быть. Только в условиях такого неравенства «независимый» суд рентабелен для люмпен-миддл-класса. Стремясь закрепить и увеличить свои привилегии, «средний класс» также настаивает на монетизации социальной сферы и на модели «правового государства». Последняя нужна именно миддл-классу, но не элитам, которые живут по собственным законам, и не низам, лишенным доступа к инструментам «правового государства» и актуального политического процесса.

Но для общества социальные права — единственное, что у него есть. Поскольку социальное большинство может использовать лишь правовые инструменты, не связанные с определенным уровнем достатка, то такие инструменты неизбежно будут опосредованы нормами нравственного права, то есть, права на основе традиции. Нравственное право доступно всем, так как нравственность также существует одна на всех. Это дает в руки социальному большинству возможности, которые не умаляются низким уровнем достатка, а традиционные ценности способствуют сохранению именно этих правовых механизмов. Социальное большинство выступает не за новую сословность, а за ценностный договор с государством.

Для люмпен-миддл-класса и миддл-класса вообще социальное государство — демпинг, обнуление социальных преимуществ, которые дает

им их уровень доходов. Поэтому задача этого слоя противоположна: борьба против прав, основанных на нравственности и традиции, замена «права по справедливости» денежным правом. Отсюда атаки на общественные институты, которые ретранслируют традиционные ценности - Церковь, семью, школу, нормативное искусство. По этой причине Церкви стремятся привить экуменизм и буржуазность (гламур), семью разрушают ювенальной юстицией, пропагандой абортот и содомии, школу — псевдореформированием и «вариативностью», искусство — актуализмом и аморализмом.

Введение в ряде российских регионов ювенальных технологий, работа над законодательными механизмами, позволяющими отъеме единственного жилья, над новым Законом о культуре, над «инновационными» формами образования — все это хроника войны среднего класса с социальным большинством. Большинство пассивно сопротивляется этим процессам. Его мотивация проста: вы можете заплатить адвокату или дать взятку, когда ювенальщики начнут отбирать у вас ребенка, а мы не можем, вы можете обеспечить вашим детям доступ к качественному образованию, а у нас на это нет денег, поэтому дайте нам другие законы - на основе нравственности и справедливости.

Альтернатива в данной ситуации существует только одна: лишение среднего класса его привилегий по аналогии с уничтожением партийных привилегий в 1980-е, либо развал общества и государства.

Глава 15.

Чужая речь

Язык либерализма достоин отдельного изучения.

Одно из интересных явлений либеральной языковой культуры - отчетливая тенденция к абсолютизации и расширению значения понятий «актуальный», «открытый», «свободный», «современный» и т.п. Обычно с этим классом понятий квази-миддл-класс (новый прекариат) и его идеологи связывают категорию так называемых постматериальных ценностей. Сама идея постматериальности интересна уже тем, что пытается разбить привычное двоемирие европейской ментальности: эти ценности не материальные, но и не духовные, они свободны одновременно и от «метафизики» и от низменной утилитарности, что уже говорит о наличии трансцендентного в их семантике.

По большому счету в условиях информационного общества культурно-языковая среда - это поле непрерывной борьбы дискурсов. Гегемония либерализма формирует языковую картину мира, которая навязывается «пользователям»⁸³ как единственно возможная. К аналогичному статусу стремится английский язык в научной сфере и секуляристская речь модернизированной церковности — например, в некоторых евангелических церквях, адепты которых принимают решение избавиться от «тоталитарного понятия греха» и «культы личности Христа», устранить преобладание существительных мужского рода в переводах библейских текстов и т. п.

Либеральная дискурсивная среда пропитывает весь жизненный мир современного человека и освобождение от ее влияния представляет собой непростой процесс. Выработка дистанции по отношению к либеральным

⁸³ Определение субъекта именно как «пользователя» само по себе соответствует стилистике информационно-цифровых сообществ позднего либерализма

нарративам, лексике, идиоматике, синтаксису даёт неповторимый опыт встречи с иной языковой реальностью и развивает вкус к независимому мышлению.

Философ и политтехнолог – каждый по-своему – понимают условность языковых конвенций, но простой обыватель находится в более слабой позиции, находится в абсолютной зависимости от языка, который использует его окружение. Поэтому для большинства мыслить и вести себя «нелиберально» становится весьма нетривиальной задачей. Дело здесь не только в социальном страхе перед «либеральной жандармерией», но и в самой логике мышления, заданной языком. Есть такие вопросы, которые в рамках либерального дискурса даже не представляется возможным поставить и артикулировать. Например, в либеральной системе категорий сложно добросовестно отрефлексировать проблематику тоталитарности. Примечательно, что само изучение тоталитаризма ("тоталитарного опыта человечества", "режимов XX века" и т. п.) сегодня жёстко вменяется в обязанность. Изучение тоталитарности само по себе становится тоталитарным, и уже появилось поколение, которое свой первый опыт встречи с тоталитарно-репрессивными практиками получило именно в форме принуждения к избирательному осуждению тоталитарных явлений прошлого.

Как правило, опускается тот факт, что все формы тоталитаризма в XX веке оказались производными от разных форм идеологии модерна, наиболее влиятельные из которых – именно либерализм и протолиберализм (колониализм). «Антитоталитарный» субдискурс сегодня сам генерирует тоталитарные схемы с беспрецедентной интенсивностью. Например, производит и поддерживает концепцию коллективной исторической вины, что, вне всякого сомнения, представляет собой культур-расистскую либо социал-расистскую тоталитарную стратегию 84 . В частности, виной

84 Ярким примером такой стратегии можно считать публичную деятельность Светланы Алексиевич – автора книги "У войны не женское лицо", уроженки Западной Украины и белорусской писательницы, предпочитающей писать на русском языке. Алексиевич утверждает, что невовлечённая позиция по отношению к феномену

объявляется невовлеченность в проблему. В этом случае неизбежен перенос обвинения с конкретных виновников репрессий на всех "невовлечённых", то есть на народ, с которого, в отличие от реальных виновников, можно спрашивать бесконечно, попутно выдвигая ультимативные требования идеологического свойства⁸⁵.

Иными словами, тема тирании и политических прав, как говорят философы, «закрутилась на себя улиткой»: по аналогии с известным афоризмом о борьбе за мир можно сказать, что «будет такая защита прав, что и не вздохнешь без разрешения». Но данное наблюдение с трудом тематизируется в рамках либеральной лексики и фразеологии и совершенно не поддерживается либеральной социально-политической повесткой.

При этом либеральный дискурс присваивает чужие стратегии, в частности, критику некоторых (не всех) либеральных идей, порождая спектаклярные аутокритические сценарии в собственном внутреннем пространстве ⁸⁶ — таковы пессимистический либерализм И. Берлина, "незавершённый модерн" Ю. Хабермаса и др.

Главный вопрос заключается в том, почему множество значимых содержаний не тематизируется в рамках либерального интеллектуального поля.

Чтобы это понять, следует учитывать, что современный либерализм — не просто политическая доктрина или учение, политико-идеологическая сторона либерализма составляет сегодня лишь периферию его семантики. Ядро либерального дискурса — это жёсткие критерии субъектности и социальности, которые «человек-пользователь» вынужден принимать прежде, чем он начнет размышлять о политике или вопросах культуры. Эта

тоталитарности ("Я родился позже, к чему меня всё это обязывает?") морально ничтожна, поскольку "жертвы так же противны, как и палачи" и якобы существует опасность "повторения ГУЛАГа".

⁸⁵ По аналогичной схеме строится формула украинских ультраправых: "Кто не скачет, тот москаль", при этом совершенно не важно, кто именно этот "тот" и "москаль" ли он на самом деле: важен сам принцип.

⁸⁶ См.: Дебор, Ги Эрнст. Общество спектакля / Ги Эрнст Дебор. — М. : Логос-Радек, 2000. — 184 с.

инициация серьезно затрудняет возможность свободного выбора и критической оценки - основы либеральности закладываются до и вне критической деятельности. Разумеется, зависимость «пользователя» от "либерлингвы" (*lingua liberalis*), не позволяет ему наблюдать границы этого феномена и осознать связанную с ним опасность дегуманизации, постепенного перехода общества от классического гуманизма к постгуманизму.

Все это не вопрос политической ангажированности или «формирования мировоззрения». Дело не столько в том, что человек думает, сколько в том, как, «каким способом» он это делает, как организован процесс мышления. Организован он по законам либерального языка, поскольку личность и субъективность также являются продуктами языка, встроенными в речь и поведение на дословном уровне.

Так, например, концепт "свободы выбора" имеет высокий статус в либеральной культуре и преподносится как единственно возможная точка сборки автономной личности. Тем не менее,

либерализм порождает несравненно более эффективные механизмы социального принуждения и контроля, то есть, более высокий уровень тоталитарности, нежели "старорежимные" прозрачные и монолитные идеологии, критикуемые самим либерализмом⁸⁷.

Таким образом, современный либерализм – предмет не только социологического и политологического, но также культурологического и антропологического исследования, и не в последнюю очередь - лингвистического анализа.

Поскольку либеральным элитам все труднее поддерживать необходимый для них порядок дискурса, в ход всё чаще идут грубые инструменты: от фальсификаций на выборах (манипуляции с бюллетенями в США) до ультраправой идеологии (арабская весна, украинский майдан).

⁸⁷ Это принципиальное различие вытекает из соотношения двух типов власти, монументальной и дисциплинарной (в рамках терминологии М. Фуко).

В этих условиях общество нуждается в оценке и глубоком анализе культурно-языковой ситуации, в которой оно пока еще находится, но из которой ему достаточно скоро предстоит выйти.

Общество уже начинает испытывать отчуждение по отношению к либеральной культуре, дистанцироваться от нее, и эта дистанция заполняется новым содержанием. В России такое содержание появилось в результате крымского консенсуса и событий 2014-го года. Аналогичным образом на Западе развивается дискурс подозрения по отношению к либеральной идеологии и фразеологии. Общество осознаёт ответственность либерализма за экспансионистскую и милитаристскую политику элит, за навязывание стандартов мультикультурности, политкорректности и за реабилитацию неонацизма, за двойные стандарты и разрушение социальных институтов западного общества. Возникает желание как можно меньше использовать средства либерального языка, как когда-то в СССР стремились не использовать лексику коммунистического новояза и партийного официоза.

В конце советской эпохи слова, когда-то наполненные революционным пафосом, романтикой общего дела, обтрепались и потускнели, их стало невозможно произносить без иронии, прежде всего потому, что они расходились с реальными делами. Этот поворот произошел в 1980-е и представлял собой кризис советского языка.

Язык регулирует общественную жизнь, определяет наше поведение, мнения, коммуникацию, он носитель «истин» о мире, он - социальный институт, подобный юриспруденции или силовым структурам. В позднем СССР этот социальный институт сломался, язык советского социума утратил позитивную мифогенность, способность производить правдоподобную модель реальности, в нем стали исчезать связность и единство, система посыпалась. После этого произошел сбой в российском культурогенезе. На месте советского языка должны были появиться и заработать другие глубинные языковые механизмы русской культуры. Вместо этого мы

получили в употребление языковой эрзац (симулякр), который отражал содержания не национального, а глобального, точнее, глобалистского культурного пространства.

С точки зрения культурно-языковой динамики 1991-й год имел примерно то же значение, что и 1917-й. В 1990-е культурно-языковая реальность была заполнена идеями исторического самобичевания, культом коллективной вины, сформированным постсоветским, либеральным агитропом. Народ, ставший жертвой репрессий в советское время, объявили исторически недоразвитым, неполноценным, люди долго не понимали ложную природу этого взгляда, поскольку находились внутри либерального мифа, хотя интуитивно ощущали его пустоту.

Больше десятилетия назад появились признаки усталости и износа либеральной идеологии, которые наложились на процессы мирового экономического кризиса. В последние годы происходит то же, что и в конце советской эпохи: культурно-языковая парадигма разрушается, хотя компрадорские элиты и не хотят признавать историческую реальность.

В XX веке многие пытались сочинять искусственные языки в шутку и всерьез: известен футуристический «заумный язык» Велимира Хлебникова, Nadsat Энтони Берджесса, эмпирейский и яки Василия Аксенова, Джордж Оруэлл создал тоталитарный язык «ангсоц». Но существовали и серьезные проекты, не воплотившиеся в реальности. Прежде всего эсперанто, который мог заменить английский в качестве международного языка, если бы ситуация «холодной войны» затянулась надолго, и берущие от него начало эсперантоиды, такие как универсаль (1920-е гг.) Либеральная гегемония породила свой искусственный язык — либерлингву. Но он уже начинает восприниматься как "чужая речь", не способная адекватно структурировать социальную реальность. Использование либерального языка становится бессмысленным уже сейчас. В ближайшее время его дескриптивно-коммуникативные возможности будут падать. И поскольку мы являемся

носителями либерлингвы в эпоху ее упадка, перед нами открывается уникальная возможность изучать это явление одновременно с позиций носителя языка и внешнего наблюдателя.

Как показывает анализ, образ мира и человека, встроенный в либеральный язык, имеет несколько источников: позитивизм (вера в возможность рационального объяснения вещей "из них самих"), кальвинизм (миф избранности и превосходства), мальтузианство (миф о пользе естественного отбора в человеческом обществе) и гностицизм (миф о тайном знании узкого круга жрецов, экспертов, "технократов" и т. п.).

В качестве идеологического основания этой системы следует выделить кальвинистский пафос "орудия бога", из которого вытекает право на вмешательство в культурогенез любого порядка, то есть, экспансионистская идеология.

Жёсткие сценарии поведения в обществе либерального капитализма формируются посредством социально-языковых игр, выполняющих важную роль в функционировании либерального дискурса. Так, например, рукопожатность - один из важных институтов либерального сообщества, и не только в России (ср. понятие "deplorable" – "депдоранты", "содержимое корзины для бумаг" – в предвыборной риторике Хиллари Клинтон).

В России институт рукопожатности сформировался в результате отрыва его адептов от своей исторической почвы – антисоветского диссидентского движения. Если в период политических преследований эта форма поведения обеспечивала конспирацию, то в новом, постсоветском контексте она превратилась в инструмент господства привилегированной социальной группы – либеральной интеллигенции (позже "креативного класса"), которая выполняет в России роль компрадорской колониальной элиты.

На символическом уровне современная "рукопожатность" означает страх нечистоты и осквернения. Эта семантика сопровождает снижение когнитивного статуса "рукопожатных" до первобытного состояния сознания

— неомагизма. В рамках неомагического сознания некая изначальная "магическая сила" ещё не превратилась в развитую систему моральных норм и регулятивов, характерную для традиционных религий. Осуждение и "суд" заменяются в данном случае проклятием. Вместе с тем "рукопожатность" восходит и к архаичному ритуалу изгнания из племени, что вполне закономерно: в принципе культурная архаизация характерна для периода позднего либерализма.

Создаётся нарративная схема, отступление от которой (нарушение табу) выключает субъекта из коммуникации. Реакцией либеральной среды на такое отступление обычно становятся не рациональные аргументы, а сигнал к выключению из дискурса, например: "А ещё у них негров линчуют". Или более мягко: "Не всё так просто". И то и другое – сигналы разрыва дискурса собеседника, после которых можно говорить все что угодно, не обращая внимания на сказанное ранее.

Вариант "полувыключения" ("Не всё так просто") имеет свои минусы – он позволяет собеседнику использовать эту же модальность и, например, начать ответ со слов: "На самом деле всё ещё сложнее...". Поэтому полное выключение эффективнее. Смысл выключения состоит в том, чтобы подчеркнуть: данная тема "нерукопожатна", находится вне контекста и обсуждения, это табу. Поэтому рационального и корректного ответа не требуется.

Важнейшим для либерального языка является понятие "стыда", но смысл этого понятия в парадигме либеральной культуры противоположен тому, который существует в исторической традиции. Традиционно стыд является следствием греха, промаха или ошибки (грех в древнегреческом и означает "промах") и проявляется в отношениях человека с Богом. В либеральной парадигме "стыд" – форма обличения другого человека. Носителю либерального сознания чаще всего стыдно не за себя и не за единомышленников, а именно за чужих, идеологически несходных. "Мне

стыдно за эту страну", "мне стыдно за сегодняшнюю Америку". Так говорят тогда, когда осуждают оппонентов, которые "осквернили" социокультурное пространство.

Такой стыд — ритуален. Условный "я" стыжусь за тех, кому должно быть стыдно. Такой стыд часто направлен на враждебные либерализму "нерыночные" ценности и концепты вроде социальной справедливости, патриотизма или реальной демократии. Для них либеральный язык использует свой набор понятий-стикеров: "популизм", "имперская ностальгия", "тоталитаризм", "ксенофобия", "патриотический угар" и т. п.

Ритуальная стыдливость является признанием социальной чуждости оппонентов и знаком сакральной связи между социально близкими (вариант хрестоматийного «возьмемся за руки, друзья...»). В качестве кодовых понятий, скрепляющих этот малый социум, используется набор идиом: "выйти на площадь", "сервильность", "кровавый режим", "какой позор" (иногда используется украинское – "ганьба").

Стремление одновременно заклеить и переубедить ведёт к тому, что либерал проповедует стыд за других. Менторство и театральность этого субдискурса, усиливая друг друга, порождают смеховой эффект, либеральный морализм отзывается бурлеском, смесью клоунады и моралите, как если бы клоун читал проповедь с амвона.

Помимо идеологической феномен либерального стыда выполняет кодовую функцию пароля для узкого круга. Своих опознают как раз по специфическому чувству стыда. Как пишет один блогер, либеральное сообщество "создаёт эмоциональный канал для коммуникации или проверяет этот канал, проверяет качество связи. – Алло, вы здесь? Вы меня слышите? Вам больно, стыдно и страшно? – Алло, приём! Да, нам больно, стыдно и страшно! Вы не одни!». Остальным предлагается поддерживать этот порядок коммуникации, либо выпасть за границы «активной части общества, которая делает свой выбор».

Иррационализм – общая черта ключевых фраз либерал-дискурса. Классический случай – когда на базовом уровне рассуждения принимаются две взаимоисключающие предпосылки, например, "плюрализм" и "общечеловеческие ценности" одновременно. С точки зрения логики очевидно, что либо нет таких единых ценностей, либо плюрализм невозможен. Типичный пример: «Давно пора жить и принимать решения как в цивилизованных странах». Но при ссылке на «цивилизованные» США при обсуждении гибридных войн тут же следует ответ: «США меня не волнуют, это не моя страна». Другой пример. На одной из антитрамповских демонстраций шествуют феминистки с плакатами, а плакаты одновременно призывают к женскому равноправию и к разрешению мусульманским женщинам публично носить хиджаб.

О роли логических противоречий в составе либерального языка говорят такие оксюморные понятия как "гуманитарные бомбардировки", "позитивная дискриминация", "принуждение к миру". Все эти примеры свидетельствуют не об интеллектуальной бессилии хозяев либерального дискурса, но о стремлении вывести идеологическую парадигму либерализма за рамки обычного анализа, поддержать ее сакральность. В результате «высокий» просвещенческий рационализм заменяется на иррациональные конструкции до-модернистских культур, при сохранении наукообразной стилистики изложения. Всё это напоминает формирование языка сайентологии и иных позитивистских квазирелигиозных доктрин.

Например, понятие "технократ" обладает в либер-дискурсе глубоким сакральным смыслом. Поэтому для понятия "технократ" не предусмотрена равноправная дихотомическая пара. В противовес или в дополнение к понятию "технократы" никогда не говорят о "пневмократах" или "сенсократах". Есть только "технократы" и все остальные – не-технократы. Таким образом, вместо сбалансированной культурной оппозиции в этой части дискурса мы имеем доминантное, привилегированное означающее, как сказал бы философ Ж. Деррида, то есть, де факто, мифорелигиозный мотив

и, как следствие, отправную точку культурной гегемонии. Вот типичные высказывания: "В правительство пришли технократы"; "Пришли молодые технократы". Второе высказывание даже тавтологично: определение "молодой" в подобных контекстах можно опускать, оно подразумевается само собой, независимо от фактического возраста человека. Ведь в рамках либер-дискурса абсолютно немислимо выражение "старый технократ", так как оно ведёт к разрыву языкового шаблона. Аналогичный комплекс понятий с темами молодости и несменяемости, восходящими к мифологеме бессмертия, существовал в рамках советского дискурса: "Комсомол не просто возраст, комсомол – моя судьба!"; "Стоят комиссары, стоят комиссары, как прежде, стоят у руля!"

Технократический субдискурс активно используется в либеральной социологии и психологии, идеологически наиболее нагруженных дисциплинах, использующих под видом аналитики формирующие технологии. Эта роль аналогична той, которую играли исторический и диалектический материализм в советском контексте.

Стержневой для либер-дискурса является мифологема "ватного апокалипсиса", которая состоит из двух мифем – "ватности" (эвфемизм социальной неполноценности) и катастрофического ощущения конца знакомого мира, обрушения привычного миропорядка, поскольку без привычного «глобального лидерства» общество якобы нельзя удержать от разрушения.

Носитель либеральной идентичности быстро скатывается к пониманию реальной демократии как власти некоей нерепрезентативной общности. Для этого используется концепт "гражданского общества", которое предполагает идею политической «зрелости», некий социальный и культурный ценз, обычно не выраженный прямо - словом, классические проявления "мифа превосходства".

Изменить общество нельзя, не изменив его язык, а первый шаг к этому – ясное осознание границ и ограниченных возможностей «окружающего»

дискурса. После этого начинаются сдвиги внутри системы и рано или поздно происходит смена парадигмы.

Смена либеральной парадигмы – вопрос времени. Эта смена приведёт к построению общества на основе новых, более коммунитарных принципов. В частности, это означает переход к ответственному обращению с языком - "институтом всех общественных институтов" и отказ от философии "автономной личности", утвердившейся качестве единственной идеологии, которая не может быть поставлена под сомнение.

Социально-экономическая модель эпохи позднего модерна является временной и переходной. Пора задуматься о параметрах новой модели, которая должна прийти ей на смену. Не единственная, но очень важная проблема, которую такая модель должна будет решить, - это проблема совмещения научно-технического прогресса с библейской системой ценностей. Советский проект можно рассматривать как попытку такого синтеза, но попытку неудачную, не увенчавшуюся успехом — в числе прочего по причине антирелигиозного, воинствующе-атеистического элемента в идеологии.

Любое историческое движение вперед в будущем будет связано с идеей авраамического рационализма: другого пути у западного общества нет. Безусловно, такая идея делает невозможными многие печальные явления прошлого: социал-дарвинизм, колониализм, расизм и мифы превосходства, воинствующий секуляризм, трансгуманизм, монетаризм, социально-правовое неравенство, привилегии олигархии и миддл-класса, экономическое и национальное угнетение. Идея соединить библейскую систему ценностей, разрушенную Реформацией и глобальным капитализмом, с идеей научно-технического прогресса, возникла еще в XVIII веке, но не могла пробить себе дорогу в условиях утилитаризма, ростовщичества,

«протестантской этики» в целом. Поскольку ссудный процент не вписывается в библейскую систему ценностей, преодолеть приносимый им вред можно лишь одним способом: исключив частное присвоение ссудного процента и направив его на достижение общественного блага, как это делает государство с налоговыми поступлениями. В этом случае основным критерием социального и экономического роста становятся нравственные ценности, а развитие общества приобретает вертикальную динамику.

В таком обществе концентрация и распределение ресурсов подчиняются принципам их солидарного накопления и всеобщего блага, что соответствует требованиям авраамической, в том числе христианской морали, необходимости заботы о ближнем. Условно можно назвать эту общественную модель солидаристской. Она кардинально отличается как от либерально-капиталистической, так и от большевистской модели. Вопрос о том, можно ли назвать ее социалистической, упирается лишь в отсутствие единого и общепринятого определения понятия «социализм» в настоящее время.